

ЖЕЛЕЗНОЕ ЗОЛОТО

ПИРС БРАУН

18+

История мести, войны и погони за властью...
Напоминает «Голодные игры» и «Игру престолов».

Kirkus Reviews

Сага об Алом восстании

Пирс Браун

Железное золото

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Браун П.

Железное золото / П. Браун — «Азбука-Аттикус», 2018 — (Сага об Алом восстании)

ISBN 978-5-389-23671-4

Десять лет назад планеты Солнечной системы были ввергнуты в хаос войны между высшими и низшими кастами Сообщества, разделенного на цвета. Но раскол в Сообществе гораздо глубже кастовых противоречий. Дэрроу, бывший шахтер-проходчик, а ныне лорд-император республики, сталкивается с предательством в тот момент, когда его чествуют как победителя. Сенат выдвигает ему серьезное обвинение, сильные союзники отступаются от него. Увенчанного лаврами полководца ждет арест, а возможно, и нечто худшее. Неужели его предал кто-то из близких соратников или друзей? Кто пытается манипулировать им? Дэрроу слишком дорога его свобода, и он решается на крайне рискованный поступок, который может повлечь за собой многие жертвы. Но на войне все средства хороши. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-23671-4

© Браун П., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Действующие лица	6
Падение Меркурия	8
Часть I	11
1. Дэрроу	11
2. Дэрроу	15
3. Дэрроу	23
4. Лирия	28
5. Лирия	31
6. Эфраим	36
7. Эфраим	43
8. Лисандр	47
9. Лисандр	59
10. Дэрроу	65
11. Дэрроу	71
12. Лирия	74
13. Лирия	79
14. Эфраим	83
15. Лисандр	89
16. Дэрроу	96
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Пирс Браун Железное золото

Pierce Brown

Iron Gold

Copyright © 2018 by Pierce Brown

© О. М. Степашкина, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

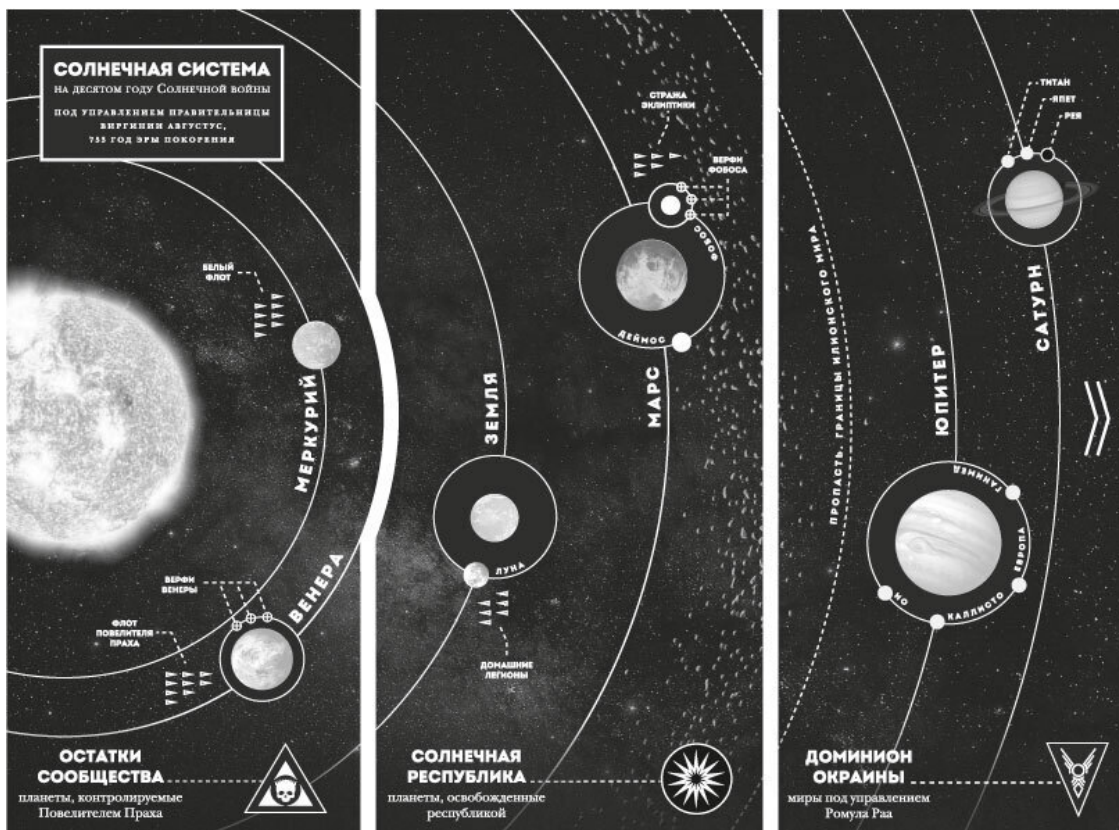
Издательство Азбука®

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина

* * *

Посвящается Упырям

Действующие лица

Алые

Дэрроу из Ликоса, он же Жнец, лорд-император республики, муж Виргинии
Ронна, племянница Дэрроу
Лирия из Лагалоса, алая из клана Гамма
Танцор, сенатор республики О'Фаран, помощник Ареса
Дано, сообщник Эфраима

Золотые

Виргиния Августус, она же Мустанг, правительница республики, жена Дэрроу, мать Пакса
Пакс, сын Дэрроу и Виргинии
Магнус Гримус, он же Повелитель Праха, бывший лорд-император при Октавии
Аталантия Гримус, дочь Повелителя Праха
Кассий Беллона, бывший Рыцарь Зари, опекун Лисандра
Лисандр Луна, внук бывшей правительницы Октавии, наследник дома Луны
Севро Барка, он же Гоблин, упырь, муж Виктры
Виктра Барка, жена Севро, в девичестве Виктра Юлия
Электра Барка, дочь Севро и Виктры
Кавакс Телеманус, глава дома Телеманусов, отец Даксо
Ниоба Телеманус, жена Кавакса
Даксо Телеманус, сын и наследник Кавакса
Тракса Телеманус, дочь Кавакса и Ниобы
Ромул Раа, глава дома Раа, Повелитель Пыли, правитель доминиона окраины
Дидона Раа, жена Ромула, в девичестве Дидона Сауд
Серафина Раа, дочь Ромула и Дидоны
Диомед Раа, он же Рыцарь Бури, сын Ромула и Дидоны
Марий Раа, квестор, сын Ромула и Дидоны
Аполлоний Валий-Рат, он же Минотавр, наследник дома Валий-Рат
Тарсус Валий-Рат, брат Аполлония
Александр Аркос, старший внук Лорна
Вандрос, упырь
Клоун, упырь
Крошка, упырь

Другие цвета

Холидей Накамура, легионер, сестра Тригга, серая
Эфраим Хорн, наемник, бывший Сын Ареса, серый
Сефи, королева валькирий, сестра Рагнара, черная
Вульфгар Белый Зуб, лорд-комендант республики, черный
Вольга Фьорган, соратница Эфраима, черная
Квиксильвер, регулус Солнца, самый богатый человек в республике, серебряный
Пита, пилот, спутница Кассия и Лисандра, синяя

Кира Ламенсис, взломщица, соратница Эфраима, зеленая
Публий Караваль, трибун и глава блока медных, медный
Микки, ваятель, фиолетовый

Падение Меркурия

Фурия

В безмолвии, стоя на острове из вулканического камня, она ждет падения неба. Долгая безлунная ночь зияет перед ней. Единственные звуки здесь – хлопанье знамени войны в руке ее возлюбленного и плеск теплых волн, целующих ее стальные ботинки. На сердце у нее тяжело. Дух ее неистов. Рыцари, не имеющие себе равных, высятся за ее спиной. Бусины соленых брызг на их фамильных гербах: на изумрудных кентаврах, кричащих орлах, золотых сфинксах и коронованном черепе мрачного дома ее отца. Ее золотые глаза обращены к небесам. Ожидание. Вода вздымается. Откатывается. Так пульсирует ее молчание.

Город

Тихе, сокровище Меркурия, скорчилась в страхе между горами и солнцем. Ее знаменитые стеклянные и известняковые шпили темны. Мост Предков пуст. Здесь плакал в юности Лорн Аркос, впервые увидев планету-посланицу на закате. Теперь же соленый летний ветер гонит мусор по улицам. Смолкли призывы торговцев рыбой на пристани. Не слышно топота ног по брусчатке и рокота аэрокаров, не смеются дети низших цветов, прыгая с мостов в волны палящими летними днями, когда ветра Трасмианского моря стихают. Город погружен в тишину. Богачи уже скрылись в пустынных горных убежищах или правительственных бункерах, солдаты с крыш наблюдают за небом, бедняки сбежали в пустыню или теснятся на судах, идущих к Исмерским островам.

Но город не пуст.

Толпы людей заполняют уходящие под воду линии общественного транспорта. А в окне верхнего этажа многоквартирного дома на уродливой городской окраине, вдалеке от воды, в районе, где живут полунищие работяги, маленькая девочка с оранжевыми глазами туманит окно своим дыханием. Ночное небо искрится. Сверкает и вспыхивает всплесками света, словно фейерверки, которые ее брат иногда покупает в магазинчике на углу. Девочке говорили, что высоко в небе идет сражение между большими флотами. Она никогда не видела космических кораблей. Ее больная мать лежит в спальне и просто не в силах куда-то ехать. Ее отец, рабочий на производстве, выпускающем детали двигателей, сидит за небольшим пластиковым обеденным столом со своими сыновьями, зная, что не может защитить семью. Голографический экран омывает их бледным светом. Правительственные новостные программы велят всем искать убежище. В кармане у девочки лежит сложенный листок бумаги, который она нашла в сточной канаве. На нем – маленький изогнутый меч. Она видела его прежде по голокубу. Ее учителя в правительственной школе говорят, что меч несет хаос. Войну. Из-за него планеты ввергнуты в пламя битвы. Но сейчас девочка втайне рисует этот клинок на запотевшем от ее дыхания стекле и чувствует себя храброй.

А потом начинают падать бомбы.

Бомбы

Они летят с высокоорбитальных бомбардировщиков класса «тор», пилотируемых фермерами с Земли и шахтерами с Марса из Двенадцатой Солнечной эскадры. Проклятия и молитвы, племенные драконы и изогнутые серпы начертаны на бомбах аэрозольной краской.

Они ныряют в облака и выскакивают из них над морем, опережая собственный звук. Их чипы наведения сделаны свободными цветами на Фобосе. Их сталь добыта и выплавлена предпринимателями Пояса. Их ионные двигательные установки отмечены крылатой стопой – знаком компании, производящей бытовую электронику, средства личной гигиены и оружие. Ниже и ниже мчатся они, не отбрасывая тени, – над пустыней, затем над морем, неся мощь новейшей из империй.

Первая бомба разрушает дворец Правосудия в Тихе, на острове Веспасиана. Потом она углубляется на сотню метров в землю и взрывается в спрятанном там бункере, убивая все живое внутри. Вторая прилетает в море и в пятнадцати километрах от флота беженцев топит военный корабль Сообщества, оставляя лишь зыбь на воде. Третья мчится над горным хребтом к северу от Тихе, но в нее попадает снаряд рельсотрона, выпущенного из оборонительной установки подростком-серым со следами акне на лице и оберегом на шее, который дала ему возлюбленная. Бомба сбивается с курса и с шипением проносится по небу, прежде чем упасть.

Она взрывается на окраине города, далеко от моря, превращая четыре квартала многоквартирных домов в пыль.

Жнец

Он безмолвно лежит, заключенный в человекоубийственный металл, в брюхе корабля «Утренняя звезда». Ныне страх владеет им, как это случалось множество раз прежде. Единственный звук – жужжание блока фильтрации воздуха его доспехов и радиопереговоры далеких женщин и мужчин. Вокруг лежат его друзья в таких же механических коконах. Ждут. Алые глаза, и золотые, и серые, и черные. Знак на наплечниках – голова волка. Татуировки на шеях и руках. Неистовые разрушители империи с Марса, Луны и Земли. За ними летят корабли с именами наподобие «Дух Ликоса», «Надежда Тиноса» и «Последователь Рагнара». Они выкрашены в белый цвет, и ведет их женщина с кожей оттенка оникса. Львиная Правительница сказала, что белый – это цвет весны. Цвет нового начала. Но корабли эти испятнаны. Гарь, залатанные раны и разномастные панели. Корабли сокрушили армаду Меча и мученика Фабия. Они завоевали сердце Золотой империи. Они сражались с Повелителем Праха в центре и сдерживали драконов окраины.

Как они могли остаться чистыми?

Наедине с собой, в своих доспехах, ожидая падения с неба, он вспоминает девушку, с которой все началось. Он вспоминает, как ее рыжие волосы падали ей на глаза. Как танцевали ее губы, когда она смеялась. Как она дышала, лежа на нем, такая теплая и хрупкая в слишком холодном мире. Она мертва уже дольше, чем успела прожить. И теперь, когда ее мечта сбывается с таким размахом, он задается вопросом: могла бы она узнать об этом? А еще он спрашивает себя: если он умрет сегодня, станет ли ему известно, чем откликнулась его жизнь во Вселенной? Каким человеком вырастет его сын в мире, созданном отцом? Он вспоминает лицо сына и размышляет о том, скоро ли тот станет мужчиной. И думает о своей золотой жене. О том, как она стояла на посадочной площадке, глядя на него снизу вверх и гадая, вернется ли он домой.

Больше всего на свете он хочет, чтобы это закончилось.

Потом механизм срабатывает.

Он всем телом ощущает рывок. Стук собственного сердца. Слышит безумный гогот Гоблина и вой его друзей, пытающихся забыть своих детей и любовь и быть храбрыми. К горлу подкатывает тошнота, когда позади срабатывают магнитные рельсы. Металл содрогается и выстреливает его через пусковую шахту в безмолвный космос на скорости, в шесть раз превышающей скорость звука.

Люди называют его отцом, освободителем, военачальником, Королем рабов, Жнецом. Но, падая на раздираемую войной планету, он чувствует себя мальчишкой. Доспехи его алы, армия его огромна, на сердце у него тяжело.

Идет десятый год войны и тридцать третий год его жизни.

Часть I Ветер

*Самсон поработанный, ослепленный
Есть и у нас в стране. Он сил лишен,
И цепь на нем. Но – горе! Если он
Поднимет руки в скорби иступленной —
И пошатнет, кляня свой тяжкий плен,
Столпы и основанья наших стен, —
И безобразной грудой рухнут своды
Над горделивой храминой свободы!*

*Генри Уодсворт Лонгфелло. Предостережение
(Перевод М. Михайлова)*

1. Дэрроу Герой республики

Я устало шагаю во главе армии, наступая на цветы. Последняя часть каменной дороги передо мной усыпана лепестками. Дети бросают их из окон, и они, лениво кружась, падают со стальных башен, высаящихся по обе стороны бульвара Луны. Солнце в небе умирает долгой смертью продолжительностью в неделю, окрашивая рваные облака и собравшуюся толпу в кровавые оттенки. Волны людей накатывают на заграждения службы безопасности, вдавливаясь вглубь нашего парада, а стража города Гиперион в серой форме и сине-зеленых беретах охраняет маршрут, заталкивая пьяных гуляк обратно в толпу. За оцеплением по тротуару рыскают агенты антитеррористических подразделений; их фасеточные очки сканируют радужки, руки лежат на энергетическом оружии.

Мой взгляд блуждает по толпе.

После десяти лет войны я больше не верю в мгновения мира.

Море представителей всех цветов бушует вдоль двенадцатикилометровой Виа Триумфия. Построенная сотни лет назад моим народом, алыми рабами золотых, Триумфия не раз была свидетелем торжественных шествий завоевателей Земли, покорявших континент за континентом. Грозные и надменные убийцы с железным хребтом и золотыми глазами некогда освящали эти самые камни. Теперь же, почти тысячу лет спустя, мы оскверняем священный белый мрамор Триумфии, воздавая почести освободителям с глазами цвета гагата, пепла, ржавчины и почвы.

Когда-то это наполнило бы меня гордостью. Ликующие толпы, славящие Свободные легионы, которые вернулись, уничтожив очередную угрозу для нашей юной республики. Однако сегодня я вижу голографические изображения своей головы в окровавленной короне, слышу улюлюканье адептов «Вокс попули»¹, размахивающих флагами с рисунком перевернутой пирамиды, и не чувствую ничего, кроме тяжести непрерывной войны и отчаянного желания снова обнять близких. Я уже целый год не видел жену и сына. После долгого путешествия с Меркурия я хочу лишь вернуться к семье, упасть на кровать и проспаться целый месяц без сновидений.

Передо мной лежит завершающий отрезок пути домой. Триумфия расширяется и упирается в лестницу, ведущую на Новый Форум, и я оказываюсь перед последней вершиной.

¹ От лат. vox populi – глас народа.

Люди, пьяные от ликования, взбудораженные новыми рекламными голограммами, глядят на меня, когда я подхожу к нижней ступени. Липкие от сладостей руки машут в воздухе. А языки, развязавшиеся от возбуждения и восторга, выкрикивают мое имя или проклинаят его. Не то имя, которое дала мне мать, а то, которое я завоевал своими деяниями. Имя, которое проигравшие нобили со шрамом шепчут теперь как ругательство.

– Жнец, Жнец, Жнец! – вразнобой и вместе с тем иступленно кричат в толпе.

Этот крик удушает, будто кто-то стискивает на моем горле миллионпалую руку: все надежды, все мечты, вся боль сжимаются вокруг меня. Но конец уже близок, и я пока еще могу переставлять одну ногу за другой. Начинаю подниматься по лестнице.

Глухой лязг.

Мои металлические ботинки скрежещут по камню, будто бы на ступень обрушилась вся тяжесть потерь: Эо, Рагнар, Фичнер и все остальные, сражавшиеся и павшие на моей стороне... Тогда как я почему-то выжил.

Я высок и широкоплеч. В свои тридцать три я мощнее, чем в юности. В моем облике и движениях чувствуются сила и свирепость. Рожденный алым, ставший золотым, я сохранил то, что дал мне ваятель Микки. Эти золотые глаза и волосы теперь куда привычнее для меня, чем те, что были у мальчика из шахт Ликоса. Тот паренек рос, влюблялся, копал землю... Но он так много потерял, что иногда мне кажется, будто это произошло с другой душой.

Лязг. Еще один шаг.

Иногда я боюсь, что война убила этого мальчика внутри меня. Мне отчаянно хочется сохранить его в памяти – того парня с неопытным чистым сердцем. Забыть этот город-луну, эту Солнечную войну и, прежде чем мальчик внутри меня умрет навеки, вернуться в нутро планеты, где я появился на свет. Иначе мой сын потеряет шанс когда-нибудь узнать, каким был его отец. Но у миров, похоже, свои планы.

Лязг.

Я ощущаю тяжесть хаоса, спущенного мною с цепи: голод и геноцид на Марсе, пиратство черных в Поясе, терроризм, лучевая и другие болезни, пожирающие низшие уровни Луны, и двести миллионов жизней, потерянных за время моей войны.

Я заставляю себя улыбнуться. Сегодня наш четвертый День Освобождения. После двух лет осады Меркурий присоединился к свободным планетам: Луне, Земле и Марсу. Бары открыты. Уставшие от войны граждане бродят по улицам, выискивая повод продолжить праздник. В небо с треском взлетают фейерверки; их запускают и с небоскребов, и с крыш многоквартирных домов. Благодаря нашей победе над первой от Солнца планетой Повелитель Праха отброшен к своему последнему бастиону, планете-крепости Венере, где его потрепанный флот охраняет драгоценные верфи и оставшихся лоялистов. Я вернулся домой, чтобы убедить сенат предоставить мне корабли и людей истощенной войной республики для еще одной, последней кампании. Для завершающего удара по Венере, чтобы положить конец этой треклятой войне. И тогда я смогу наконец отложить меч и навсегда вернуться домой, к семье.

Лязг.

Улучив момент, оглядываюсь. У подножия лестницы замер в ожидании мой Седьмой легион, вернее, то, что от него осталось. Двадцать восемь тысяч мужчин и женщин – а когда-то их было пятьдесят тысяч. Не соблюдая строевой порядок, они стоят вокруг четырнадцатиконечной звезды из слоновой кости со скачущим Пегасом в центре – ее держит над головой знаменитая Тракса Телеманус по прозвищу Кувалда. Клинок Аталантии Гримус лишил Траксу левой руки, и она заменила ее металлическим экспериментальным протезом от «Сан индастриз». Ее золотые волосы, унизанные белыми перьями, подарками от почитателей-черных, выются на ветру.

В свои тридцать с лишним это крепко сбита женщина с бедрами толщиной с водяной трубопровод и грубовато-добродушным веснушчатом лицом. Она улыбается, стоя за плечами

обступивших ее черных и золотых. Синие, алые и оранжевые пилоты машут толпе. Алые, серые и бурые пехотинцы улыбаются и смеются, когда хорошенькие молодые розовые и алые подныривают под ограждение и подбегают, чтобы набросить кому-то на шею цветочную гирлянду, сунуть в руки бутылку со спиртным и поцеловать в губы. Это единственный полный легион на сегодняшнем параде. Остальные остались на Меркурии под предводительством Орион и Харнасса – сражаться с легионами Повелителя Праха, застрявшими там после отступления их флота.

Лязг.

– Не забывай, ты всего лишь смертный. – Скучающий голос Севро просачивается мне в уши, а тем временем беловолосый Вульфгар и стражи республики спускаются, чтобы приветствовать нас на середине лестницы Форума. Севро нюхает мою шею и изображает отвращение. – Ради Юпитера! Негодяй, ты что, окунулся в мочу перед парадом?

– Это одеколон, – отвечаю я. – Мустанг купила его мне на последнее Солнцестояние.

Севро на мгновение умолкает.

– Он сделан из мочи?

Я сердито смотрю на него, морщась от тяжелого запаха спиртного в его дыхании, и бросаю взгляд на потрепанную волчью шкуру, которую он носит поверх церемониальных доспехов. Севро утверждает, что не чистил ее со времен училища.

– Ты еще будешь говорить мне про вонь? Просто заткнись и веди себя как император, – с ухмылкой говорю я.

Севро с фырканьем отходит туда, где стоит в своем обычном молчании легендарная черная, Сефи Воларус. Севро притворяется ручным, но рядом с этой могучей женщиной он смахивает на бродячего пса, которого отец-алкоголик внезапно привел домой поиграть с детьми, – вымытого и избавленного от блох, но со вспыхивающим в глазах странным огоньком. Худой, тонкогубый, с кривым, словно пальцы старого ножевого бойца, носом. Он взирает на толпу с покорным отвращением.

За ним движется стая потрепанных упырей, которых он водил с нами на Меркурий. Мои телохранители, ныне пьяные, как парни Ликоса в день вручения лавров. В середине стаи идет несгибаемая Холидей; эта курносая женщина делает все, что только может, чтобы держать их в узде.

Раньше их было больше. Намного больше.

Я улыбаюсь Вульфгару, спускающемуся мне навстречу. Этот черный, любимый сын восстания, похож на древесный корень, скрюченный и узкий, облаченный в светло-голубую броню. Ему чуть за сорок. Лицо у него угловатое, хищное, борода заплетена, как у его героя, Рагнара. Один из тех черных, что сражались бок о бок с Рагнаром у стен Эгеи, Вульфгар был с Сынами Ареса, освободившими меня от Шакала в Аттике. Нынешний лорд-комендант республики, он улыбается мне с верхней ступени; его черные глаза едва заметно шуртят.

– Да здравствует свобода! – говорю я с улыбкой.

– Да здравствует свобода! – откликается он.

– Вульфгар, вот так встреча! Ты пропустил Дождь, – усмехаюсь я.

– Ты же не стал дожидаться моего возвращения, – прищелкивает языком Вульфгар. – Мои дети спросят меня, где я был, когда Дождь обрушился на Меркурий, и знаешь, что я им скажу? – Он подается ко мне с заговорщической улыбкой. – Я облегчился и вытирал задницу, когда услышал, что Барка взял гору Жары. – Он хохочет.

– А я тебе говорил: не уходи, – подает голос Севро. – Я же сказал, что ты пропустишь все веселье. Ты бы только видел маршрут, которым уходили люди Праха. Они зассали всю дорогу до Венеры. Тебе бы понравилось! – Севро ухмыляется черному.

Это Севро вложил ему в руку лезвие-хлыст в реке грязи у Эгеи. Теперь у Вульфгара есть собственное лезвие-хлыст. Его рукоять сделана из клыка ледяного дракона с Южного полюса Земли.

– Мой клинок запел бы в тот день, если бы меня не призвал сенат, – отвечает лорд-комендант.

– Именно. И ты побежал домой, как собачонка.

– Собачонка? Я слуга народа, друг мой. Как и все мы.

Он смотрит на меня с мягкой укоризной, и я понимаю смысл его слов. Вульфгар – верующий, как всякое должностное лицо. Но верит он не в меня, а в республику, в принципы, на которых она базируется, и в приказы, отданные сенатом. За два дня до Железного дождя на Меркурии сенат с подачи моего старого друга Танцора проголосовал против моего предложения. Они велели мне продолжать осаду. Не расходовать впустую людей и ресурсы на атаку.

Я не послушался и позволил Дождю пролиться.

Теперь миллион моих людей лежит в песках Меркурия, а мы празднуем День Освобождения.

Будь Вульфгар тогда со мной на Меркурии, он не присоединился бы к нашему Дождю без дозволения сената. А точнее, он попытался бы остановить меня. И ему, как мало кому другому из ныне живущих, это, вероятно, удалось бы. По крайней мере, он смог бы удерживать меня некоторое время.

Вульфгар коротко кивает Сефи:

– *Njar ga hae, svester.*

С нагальского это переводится примерно как «мое почтение, сестра».

– *Njar ga hir, bruder,* – приветствует она его, называя братом.

Между ними нет особой любви. У них разные приоритеты.

– Ваше оружие. – Вульфгар показывает на мое лезвие-хлыст.

Мы с Сефи передаем свое оружие охране. Севро следует нашему примеру, что-то бормоча себе под нос.

– Ты забыл про свою зубочистку? – спрашивает Вульфгар, глядя на левый сапог Севро.

– Вероломный йети, – бурчит Севро и вытаскивает из-за голенища зловеющий клинок величиной с младенца.

Страж, принимающий его, выглядит испуганным.

– Желаю тебе удачи Одина с тогами, Дэрроу, – говорит мне Вульфгар, жестом показывая, что мы можем двигаться дальше. – Она тебе понадобится.

На вершине Нового Форума расположились сто сорок сенаторов республики. Десять на каждый цвет, все в белых тогах, трепещущих на ветру. Они смотрят на меня сверху вниз, будто ряд спесивых голубей на проводах. Алые и золотые, смертельные враги в сенате, замыкают ряд с противоположных концов. Танцор отсутствует. Но мой взгляд прикован лишь к одинокой хищной птице, что стоит в центре этих глупых, тщеславных, жаждущих власти голубков.

Ее золотые волосы туго стянуты на затылке. Ее туника чисто белая, без лент своего цвета, как у других. А в руке она держит Скипетр Зари – ныне это многоцветный золотой жезл в полметра длиной, с пирамидой Сообщества, переделанной в четырнадцатилучевую звезду республики, на навершии. Лицо этой женщины прекрасно и холодно. Небольшой нос, пронзительные глаза под густыми ресницами и... расцветающая на лице озорная кошачья улыбка. Правительница республики. Здесь, на последних ступенях, под ее взглядом с моих плеч наконец-то спадает тяжесть, а из сердца исчезает страх никогда не увидеть ее снова. Я прошел войну, космос и этот треклятый парад, чтобы снова увидеть ее, мою жизнь, мою любовь, мой дом.

– Приветствую, жена, – с улыбкой говорю я.

– Приветствую, муж. Добро пожаловать домой.

2. Дэрроу Отец

Поместье Силена, традиционная загородная резиденция правителя на Луне, расположено в пятистах километрах севернее Гипериона, у подножия Атласских гор, на берегу небольшого озера. Северное полушарие Луны, состоящее из гор и морей, менее заселено, чем охватывающий экватор пояс городов. Хотя правит Мустанг из дворца Света в цитадели, истинный дом моей семьи – Силена. Во всяком случае, до возвращения на Марс. Построенный по подобию одной из папских вилл на земном озере Комо, каменный дом высится на краю скалистой бухты, и по вырубленным в скале лестницам можно спуститься прямо к воде.

Здесь стройные хвойные деревья перешептываются на высоте вчетверо больше той, что возможна на Земле. Они вздымаются почти на двести метров вокруг приподнятой бетонной посадочной площадки, где управляющий дома Августусов Седрик Плату в сопровождении Львиной стражи моей жены ждет приземления нашего челнока. Невысокий медный приветствует нас с Севро с необычайным рвением, низко кланяясь и размахивая рукой. Тракса мчится мимо, даже не здороваясь, – ей не терпится найти мать.

– Лорд-император! – выпаливает он. Пухлые щеки краснеют от восторга. Седрик приземист, но внушителен; фигурой он напоминает сливу, к которой приделали узловатые руки и ноги. Полоска усов, почти таких же редких, как седеющие медные волосы на его голове, шевелится на ветру. – Какая радость видеть вас снова!

– Седрик! – Я тепло приветствую его. – Слышал, у тебя совсем недавно был день рождения.

– Да, господин! Мне исполнился семьдесят один. Хотя я утверждаю, что после шестидесяти надо прекратить считать.

– Ну и правильно! – говорит Севро. – Ты выглядишь как подросток.

– Спасибо, господин!

Немногие знают секреты цитадели так же хорошо, как Седрик. Такой управляющий – просто клад для двора правительницы. Мустанг, высоко оценившая его еще при Октавии, не сочла нужным увольнять столь знающего и преданного своему делу человека.

– Где же приветственная вечеринка? – спрашивает Севро, выискивая взглядом Виктру, свою жену.

Мустанг и Даксо остались в Гиперионе, чтобы разобраться со своим строптивым сенатом, но обещали прибыть к ужину.

– О, дети недавно вернулись из трехдневного путешествия, – говорит Седрик. – Госпожа Телеманус водила их к обломкам десантного корабля «Дэви Крокетт»² в Атласских горах. Корабль самого Мериуотера! Я слышал, они провели немало времени у этих обломков. Провели... немало... времени, да. Усвоили много уроков и развили индивидуальную инициативу. Как того требует ваша учебная программа, господ... – Глаза Седрика вылезают из орбит, и он быстро исправляется: – Как того требует ваша учебная программа, сэр.

– Моя жена тут? – мрачно интересуется Севро.

– Пока еще нет, сэр. Ее камердинер сказал, что она опоздает к ужину. Насколько я понимаю, на ее складах в Эндимионе и Эхо-Сити были забастовки. Об этом говорили в новостях.

– Она даже не появилась на триумфе, – ворчит Севро. – А я выглядел потрясаяще!

– Она пропустила момент вашего торжества, сэр.

² *Дэви Крокетт* – американский путешественник, военный и политик XIX века, ставший героем фольклора. – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. перев.*

– Верно. Вот видишь, Дэрроу? Седрик согласен. – Чего Севро не замечает, так это того, что Седрик потихоньку отходит подальше от зловонного волчьего плаща.

– Седрик, где мой сын? – спрашиваю я.

Он улыбается:

– Думаю, вы догадываетесь, сэр.

Когда мы с Севро входим в дуэльный грот, нас встречает стук неопластовых мечей и топот ботинок по камню. Виноградные лозы вьются над гранитными фонтанами, стелются по влажному каменному полу. Вечнозеленые иглы кучевыми облаками увенчивают деревья. А в центре грота, под пристальным взглядом горгулий, украшающих фонтаны, мальчик и девочка кружат друг против друга в очерченном мелом кругу. Семеро детей, явно из общей компании, и две женщины-золотые наблюдают за поединком. Севро тянет меня в сторону, к бортику фонтана, чтобы нас не заметили и можно было бы полюбоваться происходящим.

Мальчику в центре лет десять, он худощав и горделив. Он смеется как мать, а хмурится как отец. У него волосы цвета соломы, а на круглом лице играет румянец юности. Под длинными ресницами сияют глаза оттенка розового золота. Он выше и старше, чем я помню, и кажется невероятным, что это моя плоть и кровь. Что у него есть собственные мысли. Что он будет любить, и улыбаться, и умереть, как все мы.

Сейчас он сосредоточенно морщит лоб. По лицу его стекает пот, волосы взлохмачены. Тем временем противник наносит ему скользящий удар в колено.

Девочке девять, она узколица и оттого неуловимо напоминает холеную охотничью собаку. Электра, старшая из трех дочерей Севро, выше моего сына и вдвое тоньше его. Но Пакс излучает внутреннюю радость, отчего глаза взрослых начинают искриться, а в этой девочке есть какая-то глубинная мрачность. Ее тускло-золотые глаза прячутся под тяжелыми веками. Когда взгляд Электры устремлен на меня, я порой ощущаю, что она оценивает меня с отчужденностью, свойственной ее матери.

Севро нетерпеливо подается вперед:

– Ставлю лезвие-хлыст Айки против шлема Аполлония, что мое крохотное чудовище выбьет дерьмо из твоего мальчишки.

– Я не собираюсь делать ставки на наших детей! – негодуяше шепчу я.

– Добавляю кольцо Айки из училища.

– Севро, веди себя прилично. Это наши дети.

– И плащ Октавии.

– Я хочу дерево из слоновой кости, взятое у Фальтов.

У Севро перехватывает дыхание.

– Я люблю это дерево! Куда же буду вешать свои трофеи, если отдам его?

Я пожимаю плечами:

– Нет дерева – нет пари.

– Чертов дикарь! – бросает он, протягивая мне руку для рукопожатия. – Договорились.

Севро сделался страстным коллекционером: он собрал изрядное количество реликвий золотых императоров, рыцарей и самозванных королей. Он вешает их кольца, оружие и гербы на ветки дерева из слоновой кости, которое выкорчевал в резиденции дома Фальтов на Земле и перевез в свой дом на Луне.

Мы смотрим, как Электра снова атакует Пакса. Мой сын продолжает отступать и уклоняться, выматывая ее. Когда она устает, его хлыст обвивается вокруг ее грудной клетки, сомкнувшись в кольцо.

– Очко! – выкрикивает Пакс.

– Здесь считаю я, Пакс. Не ты, – говорит Ниоба Телеманус, жена Кавакса, невозмутимая женщина с вороньим гнездом седеющих непослушных волос на голове и кожей цвета вишне-

вого дерева. Руки ее покрыты племенными татуировками ее предков, островитян Тихого океана. – Три – два в пользу Пакса.

– Следи за равновесием и перестань перенапрягаться, Электра, – советует Тракса. Она сидит на бортике фонтана с раздобытой где-то бутылкой пива. – Ты можешь споткнуться, если окажешься на ненадежной поверхности – на палубе корабля или на льду.

Хмурясь от гнева, Электра снова бросается на Пакса. Их движения быстры, но пока еще угловаты; эти дети научатся фехтовать более изящно, когда станут подростками. Электра делает ложный выпад, как будто метит вверх, а потом выворачивает запястье, чтобы полоснуть сверху вниз, и попадает Паксу по плечу.

– Очко Электре, – говорит Ниоба.

Севро приходится сдерживаться, чтобы не заплодировать. Пакс пытается отыграться, но Электра обрушивается на него. Еще три быстрых удара выбивают лезвие-хлыст из его руки. Пакс падает, и Электра вскидывает оружие, чтобы с силой ударить его по голове.

Тракса проскальзывает вперед и перехватывает клинок на полпути металлической рукой.

– Спокойно, спокойно, маленькая леди. – Тракса выливает немного пива на голову Электры.

Девочка свирепо смотрит на нее.

Севро больше не в силах сдерживаться:

– Моя маленькая гарпия!

Он вскакивает со скамьи, и я иду следом за ним через грот.

Повернувшись, Электра видит отца, и на суровом личике расцветает улыбка.

– Папа вернулся!

Она кидается к Севро и разрешает подхватить ее, обмякнув в его руках. Со стороны кажется, будто он тискает снулую рыбу. Некоторые дети отшатываются при виде Севро. Я выхожу из-за плотной завесы виноградных лоз, и, заметив меня, ученики кланяются, демонстрируя безупречные манеры. Никто из рожденных после падения дома Луны не носит знаков на руках. Теперь мы собираем детей разных цветов в группы по девять человек в начале школьного обучения, надеясь создать те узы, что я обрел в училище, но без убийств и голода. Лучший друг Пакса Бальдур, тихий щербатый мальчик-черный, ростом уже почти что с Севро, помогает Паксу встать. Он пытается отряхнуть Пакса от пыли, но тот отмахивается от друга и смотрит на нас.

Я ожидал, что он бросится ко мне, как Электра к отцу, но нет. И внутри у меня все сжимается от острой боли. Я покинул Пакса, когда он был мальчиком, таким живым и непосредственным, а эта его нерешительность, эта нынешняя холодность – уже из мира мужчин. Помня, что на него смотрят сверстники, он выходит вперед и сгибается в поклоне, не ниже, чем того требуют манеры.

– Здравствуй, отец.

– Мой мальчик, – с улыбкой говорю я, – какой ты стал высокий!

– Такое случается, когда взрослеешь, – резко бросает он.

Я всегда думал, что с возрастом обрету большую уверенность. Но, возвышаясь над этим ребенком, чувствую себя ничтожным. Я потерял отца из-за его преданности делу. Неужели я обрек Пакса на ту же судьбу?

– Обычно он не такой нахал, – уверяет меня Ниоба.

Мы стоим бок о бок; детей уже отпустили с дневной тренировки. Пакс уходит быстро, он явно не в духе. Бальдур спешит за ним, стараясь не отставать.

– Считаю этот маленький бунт комплиментом, Дэрроу, – бормочет Тракса. – Он просто скучал по отцу. Я чувствовала то же самое каждый раз, когда старик уезжал по очередному поручению Августуса.

Она достает из кармана тонкую сигарету и поджигает ее от углей в одной из медных жаровен, поставленных вдоль осыпающейся стены грота. Ниоба выхватывает сигарету из пальцев дочери и тушит об ее металлическую руку.

– Даксо когда-нибудь был таким? – спрашиваю я.

– Даксо? – Ниоба смеется. – Даксо родился стойким, как камень.

– Плел заговоры в утробе с момента зачатия, – бормочет Тракса и прихлебывает пиво. –

Мы привыкли ухаживать за ним по-совиному. Он вечно пялился на нас из окна. Старший братец никогда не хотел играть в наши игры. Только в свою собственную.

– А ты была образцом совершенства? – усмехается Ниоба. – Ты ела коровьи лепешки.

Тракса пожимает плечами:

– Они были лучше твоей стряпни. – Она отходит подальше от матери и прикуривает другую сигарету. – Хвала Юпитеру, у нас были слуги-бурые.

Ниоба закатывает глаза и касается моей руки:

– Эта негодяйка права, Дэрроу. Пакс просто скучал по тебе. Ты успеешь все уладить.

Я улыбаюсь ей, а сам наблюдаю, как Севро направляется к воде с Электрой.

– Ты же знаешь, что ты папина любимая дочка, правда? – говорит он ей.

Пытаюсь справиться с завистью. Такое впечатление, будто Севро способен вернуться в прошлое, причем ровно в тот момент, на котором расстался с семьей. Хотел бы я обладать такой способностью.

Я ищу мать в саду, что тянется вдоль каменной складской стены. Мама копается в черной грязи вместе с другими алыми, двумя женщинами и мужчиной. Стоя на коленях, она наклоняется вперед, так что становятся видны ее босые ноги, и высаживает луковицы аккуратными рядами. На мгновение замираю на краю сада, чтобы взглянуть на нее, – еще в детстве мне нравилось украдкой смотреть с лестничной площадки нашего маленького дома в Ликосе, как она готовит вечерний чай. После смерти отца я боялся ее. Она всегда была скоро на подзатыльник или едкое слово. Я думал, что виноват и наказание справедливо. Но насколько легче нам было бы любить друг друга, если бы я тогда понимал, что ее гнев и мой страх проистекают из боли, которую никто из нас не заслужил! Я вспоминаю все, что она перенесла, и меня переполняет любовь к ней. На краткий миг мне до боли хочется, чтобы отец был рядом. И увидел мать свободной.

– Так и будешь тарашиться, как беспризорник, или поможешь нам с посадкой? – спрашивает она, не поднимая глаз.

– Не уверен, что из меня получится хороший фермер.

Мать встает с помощью одной из женщин и неторопливо складывает инструменты, прежде чем подойти поздороваться. Она всего на восемнадцать лет старше меня, но эти годы тяжело дались ей. Однако сейчас она намного крепче, чем во времена жизни внизу. Ее суставы изношены из-за многолетней работы в шахтах, но на лице играет здоровый румянец. Наши врачи помогли матери избавиться от большинства терзавших ее последствий инсульта и сердечной болезни. Знаю, она чувствует вину, оттого что живет такой жизнью. Живет в этой роскоши, в то время как мой отец и многие другие ждут нас в Долине. Работа в саду и парках – искупление за то, что она выжила.

Мама крепко обнимает меня:

– Сынок. – Она вдыхает мой запах, потом отстраняется и смотрит мне в лицо. – Я чуть не умерла, когда услышала про этот треклятый Железный дождь. Мы все тут чуть не умерли.

– Прости. Им не следовало ничего говорить тебе, пока я не пропал без вести.

Мама молча кивает, и я понимаю, как сильно она беспокоилась. Должно быть, садовники собирались в гостиной, здесь или в цитадели, и смотрели видеонюжеты, как и все остальные. Мужчина-алый подходит к нам, шаркая и приволакивая больную ногу.

– Привет, Танцор, – говорю я, глядя поверх плеча матери.

Мой давний наставник сейчас в рабочей одежде вместо своей сенаторской тоги. Волосы у него седые, лицо отеческое, покрытое морщинами от тяжелой жизни. Но в глазах по-прежнему пляшут лукавые, мятежные огоньки.

– Ты, смотря, променял сенат на садоводство?

– Я человек из народа, – отвечает он, пожимая плечами. – Приятно снова ходить с грязью под ногтями. Ведь садовники в музее – том, что отдал мне сенат, – не дают прикоснуться ни к одному чертовому сорняку. Привет, Севро.

– Политикан, – говорит Севро, подходя сзади.

Не обращая внимания на то, что мама явно не в настроении, он делает вид, будто собирается схватить ее в охапку и подбросить в воздух, но она останавливает его хмурым взглядом. Тогда Севро нежно обнимает ее.

– Так-то лучше, – ворчит она. – В прошлый раз ты чуть не сломал мне бедро.

– Ой, ну не будьте таким эльфом, – бормочет Севро.

– Что ты сказал?

Он отступает на шаг.

– Ничего.

– Что слышно от Лианны? – спрашиваю я.

– У них все в порядке. Надеются, что ты вскоре их наведишь. Думаю, не взять ли Пакса на Икарию и не провести ли там всю зиму. Тут становится слишком холодно для старых костей.

– Все пути ведут на Марс? – спрашиваю я.

– Это его дом! – отрезает она. – Или вы хотите, чтобы он забыл свои корни? Алого в его крови не меньше, чем золотого! Правда, никто особо ему об этом не напоминает, кроме меня.

Танцор смотрит в сторону, будто не слушая, о чем мы спорим.

– Он полетит на Марс, – говорю я. – Все мы полетим, когда это будет безопасно.

Хоть мы и контролируем Марс, там еще далеко до всепланетной гармонии. Земля Сирен все еще кишит железнокожими ветеранами золотой армии, как и район боевых действий в южной части Тихого океана на Земле. Повелитель Праха уже много лет не рисковал выводить на орбиту большой флот, но наземные войны определенно тяжелее космических.

– И когда же это будет безопасно, на твой взгляд? – спрашивает мать.

– Скоро.

Ни Танцора, ни мою мать этот ответ не устраивает.

– И сколько ты пробудешь здесь? – интересуется она.

– Месяц, не меньше. Ронна и Киран приедут, как ты хотела.

– Ну наконец-то. Я уж думала, Меркурий их похитил.

– Виктра с девочками тоже приедет на некоторое время. Но в конце недели мне придется уладить кое-какие дела в Гиперионе.

– Дела с сенатом... Будешь просить еще людей. – Тон матери так же мрачен, как ее взгляд. Я вздыхаю и смотрю на Танцора:

– Теперь плохо влияешь на мою мать? Втянул ее в политику?

Танцор смеется:

– У Дианны своя голова на плечах, можешь не сомневаться.

– Вас обоих слушать – оглохнуть можно! – сердится она.

– А вы заткните уши, – советует Севро. – Ровно это я делаю, когда они начинают трепаться о политике.

Танцор фыркает:

– Вот бы еще твоя жена поступала так же!

– Осторожно, приятель. У нее уши повсюду. Возможно, она сейчас слушает нас.

– Почему тебя не было на триумфе? – спрашиваю я Танцора.

Он кривится:

– Да брось. Мы оба знаем, что я не перевариваю всей этой показухи. Особенно на этом чертовом спутнике. Мне подавай землю, воздух и друзей. – Он тепло смотрит на окружающие деревья. При мысли о возвращении в Гиперион на его лицо набегают тени. – Но приходится возвращаться в этот механизированный Вавилон. Дианна, спасибо, что позволила мне поработать в саду вместе с тобой. Мне очень этого не хватало.

– Ты не останешься на ужин? – вздыхает мать.

– К сожалению, есть и другие сады, которые надо возделывать. Кстати, о садах... Дэрроу, можно тебя на минутку?

Мы с Танзором оставляем мать и Севро ругаться из-за вони волчьего плаща и идем по утоптанной тропинке под сень деревьев, в сторону озера. У дальнего берега скользит по воде патрульная лодка.

– Как ты? – спрашивает Танзор. – Только без героически-патриотического дерьма. Не забывай, я тебя знаю как облупленного.

– Устал, – признаюсь я. – Казалось бы, за месяц пути можно и отоспаться. Но вечно что-нибудь происходит...

– Ты можешь спать? – хмыкает он.

– Иногда.

– Счастливчик. Я вот писаюсь в постель, – признается он. – Наверное, пару раз в месяц. Я даже не помню этих проклятых снов, а вот мое тело все помнит, черт бы его побрал.

Танзор оказался в самой гуще борьбы за освобождение Марса. Тоннельные войны там были еще хуже, чем бои в жилых кварталах Луны. Даже черные не поют песен о своих победах в тех тоннелях. «Крысиная» – вот как они называют эту войну. На протяжении трех лет Танзор с Сынами Ареса лично освободил больше сотни шахт. Если Фичнер – отец восстания, то Танзора определенно можно назвать любимым дядюшкой, невзирая на роспуск Сынов Ареса.

– А как насчет таблеток? – говорю я. – Большинство ветеранов их принимает.

– Психотропы? Не нужна мне никакая синтетика от желтых! Я алый из Фарана. Мои мозги намного важнее сухой постели.

На этом мы и сходимся. Хотя Танзор главный противник моей жены в сенате, а значит, и мой, он до сих пор дорог мне, как член семьи. Лишь после того, как Марс и его спутники были объявлены свободными, Танзор отказался от оружия и принял тогу сенатора, чтобы основать «Вокс попули» – «Глас народа», социалистическую партию низших цветов. Каждая его речь о необходимости пропорционального представительства для меня как заноза в заднице. Дай ему волю, и у нас было бы по пятьсот сенаторов низших цветов на каждого золотого. Хорошая математика. Плохая реальность.

– И все-таки хорошо, должно быть, почувствовать траву под ногами вместо песка и металла, – негромко произносит он. – Хорошо вернуться домой.

– Да... – Замявшись, я смотрю на каменистый берег внизу. – Это с каждым разом все труднее. Возвращаться. Я вроде бы с нетерпением жду возвращения, но... Не знаю. Я этого боюсь. Всякий раз, когда Пакс подрастает еще на сантиметр, мне кажется, что меня обвиняют: мол, ты и это пропустил. – Я нетерпеливо выдергиваю торчащую нитку. – Не говоря уже о том, что, чем дольше я нахожусь здесь, тем больше у Повелителя Праха времени на подготовку Венеры. Значит, война может затянуться.

При упоминании о войне лицо Танзора суровеет.

– И надолго она затянется, по-твоему?

– Зависит от обстоятельств, ведь так? – хмурюсь я. – Главная помеха для того, чтобы получить подкрепление и тем самым положить войне конец, – это ты.

– От тебя ничего другого и не услышишь, верно? Одно и то же: надо больше людей. – Он вздыхает. – Я голос партии, а не ее мозг.

– Знаешь, Танцор, скромность не всегда является добродетелью.

– Ты не подчинился сенату, – ровным тоном замечает он. – Мы не давали тебе разрешения запускать Железный дождь. Мы выступали за осторожность и...

– Я победил, разве не так?

– Мы больше не Сыны Ареса, как бы нам с тобой этого ни хотелось. Виргиния с ее патрициями ограничились тем, что позволили тебе игнорировать сенат, но люди так или иначе начинают понимать, насколько силен их голос. – Он подходит ближе ко мне. – Тем не менее они уважают тебя.

– Не все.

– Брось. Существуют чуть ли не целые секты, возносящие тебе молитвы. О ком еще можно такое сказать?

– О Рагнаре. – Я колеблюсь. – И о Лисандре из дома Луны.

– Род Силениуса закончился на Октавии. Ты свалил дурака, отпустив мальчишку, но если бы он был жив, мы бы об этом знали. Его поглотила война, как и прочих. Остался только ты. Люди любят тебя, Дэрроу. Тебе не следует злоупотреблять этой любовью. Любые твои действия становятся примером. Так что если ты не подчиняешься закону, почему ему должны следовать наши императоры, наши губернаторы? Почему вообще кто-то должен ему следовать? Как нам править, если ты просто идешь и делаешь что хочешь, словно какой-то проклятый... – Он осекается.

– Золотой.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Сенат был избран. Ты – нет.

– Я делаю то, что необходимо. Как всегда поступали мы с тобой. Но остальные сенаторы делают лишь то, что им нужно для переизбрания. Почему я должен к ним прислушиваться? – Я улыбаюсь Танцору. – Может, ты хочешь, чтобы я принес извинения? Это даст мне возможность усилить армию?

– Как бы не оказалось слишком поздно для извинений.

Я приподнимаю бровь. Хотел бы я сказать, что холодность Танцора мне непривычна, однако наша дружба угасла не вчера. А именно в тот момент, когда он узнал, какой ценой я купил мир с Ромулом. Я отдал Ромулу Сынов Ареса. Я бросил людей Танцора умирать на окраине. Терзавшая меня вина определила наши отношения на годы, заставила меня отчаянно жаждать его одобрения. Казалось, если мне удастся повергнуть Повелителя Праха, я смогу искупить ужас, на который я обрек этих несчастных. Но ничего исправить не удалось. И никогда не удастся. Танцор больше не будет любить меня так, как люблю его я, и это разбивает мне сердце.

– Мы уже начали угрожать друг другу, Танцор? Я думал, мы с тобой выше этого. Ведь мы начинали вместе.

– Да. Вместе. Я забочусь о тебе, как о родном. С тех самых пор, как ты пришел ко мне весь в грязи и был на полголовы ниже меня. Но даже ты должен следовать законам республики, которую помогал строить. Потому что там, где не соблюдают законы, появляется почва для тирании.

Я вздыхаю:

– Снова начитался чего-то.

– Да, черт побери! Золотые хранили нашу историю в тайне, чтобы делать вид, будто она принадлежит им. Каждый свободный человек должен читать, чтобы не быть слепым, чтобы его не водили за нос.

– Никто тебя не водит за нос.

Танцор фыркает, выражая несогласие:

– Будучи солдатом, я смотрел, как твоя жена прощает убийц и работоторговцев, и терпел это, потому что мне сказали: это необходимо, чтобы выиграть войну. Теперь я смотрю, как наши люди ютятся по пятнадцать человек в одной комнате, с отбросами вместо еды и ветошью вместо здравоохранения, в то время как аристократия высших цветов живет в башнях, и я терплю это, потому что мне говорят: это необходимо, чтобы выиграть войну. Но будь я проклят, если стану сидеть сложа руки и смотреть, как свергнутого нами тирана сменяет другой, потому что это необходимо, чтобы выиграть долбаную войну!

– Избавь меня от речей, дружище. Моя жена не тиран. Уменьшить роль правительницы в новом уставе Сообщества – это была ее идея. Она решила отдать основные полномочия сенату. Она помогла нашему народу обрести голос. Думаешь, это было ей на руку? Разве так поступают тираны?

Танцор смотрит на меня, сурово и пристально:

– Я говорю не о ней.

Ах вот оно что... Мне все ясно.

– Однажды ты сказал, что я хороший человек, которому приходится делать плохие вещи, – напоминаю я. – Ты дал слабину? Или так много времени провел с политиками, что забыл, как выглядят враги? Обычно они около семи футов ростом, носят большой нагрудный знак с пирамидой Сообщества... а еще у них руки по локоть в крови алых.

– Как и у тебя, – отчеканивает Танцор. – Потери в целом составили один миллион, верно? Один миллион за Меркурий. Возможно, ты готов вынести это. Но остальные устали от этого бремени. Я знаю, что черные устали. Знаю, что я устал.

– Тогда мы в тупике.

– Это так. Ты мой друг. – В голосе Танцора слышится волнение. – Ты всегда будешь моим другом, поэтому можешь не опасаться удара в спину. Но я встану у тебя на пути и сделаю то, что должно.

– Как и я.

Я протягиваю ему руку. Танцор принимает ее и на мгновение задерживает в своей ладони.

Мы пускаемся в обратный путь, и на том месте, где тропинка сворачивает к деревьям, он останавливается и смотрит на меня:

– Дэрроу, ты ничего не хочешь мне сказать? Если да, то сейчас самое время. Пока это дружеский разговор между нами.

– У меня нет секретов от тебя, – отвечаю я, желая, чтобы это было правдой, желая, чтобы Танцор мне поверил. Желая, чтобы он по-прежнему оставался лидером Сынов Ареса и мы могли бы, как прежде, хранить наши секреты вместе. Увы, не всякий противник – враг.

Танцор разворачивается и, прихрамывая, идет в сад попрощаться с моей матерью. Они обнимаются, и он направляется к южной посадочной площадке, где его ждет эскорт. Он берет у охранника белую тогу и надевает ее прямо поверх рубашки, прежде чем подняться по трапу.

– Чего он хотел? – спрашивает Севро.

– Чего хотят все политики?

– Проституток.

– Контроля.

– Он знает про эмиссаров?

– Нет, откуда ему знать.

Севро смотрит, как шерстяная тога Танцора развевается на ветру, пока тот садится в свой челнок.

– В доспехах этот мерзавец нравился мне больше.

– Мне тоже.

3. Дэрроу Греза

Ужин подают вскоре после того, как Даксо и Мустанг возвращаются из Гипериона вместе с моим братом Кираном и племянницей Ронной. Мы расположились в патио за длинным деревянным столом; на столе – свечи и сытные провинциальные марсианские блюда, приправленные карри и кардамоном. Севро сидит среди дочерей, корчит им рожи, пока девочки едят. Но когда воздух сотрясается от звукового удара, он вскакивает, смотрит в небо и убегает в дом, велев детям оставаться на месте. Возвращается добрых полчаса спустя под руку с женой – волосы растрепаны, на кителе не хватает двух пуговиц, к разбитой окровавленной губе прижат белый платок. Моя давняя подруга Виктра безупречно выглядит в зеленом камзоле с высоким воротником; расшитый драгоценностями наряд так сверкает, что больно смотреть. Она на седьмом месяце беременности, семья ожидает четвертую дочку.

– О, никак сам Жнец во плоти! Прошу прощения, супруг мой. Я ужасно опоздала.

Ее длинные ноги преодолевают расстояние в три шага.

Я обнимаю Виктру в знак приветствия. Она хватается меня за задницу, достаточно сильно, чтобы я подпрыгнул. Виктра целует мою жену в макушку и садится во главе стола.

– Привет, бука, – говорит она Электре. Потом смотрит на юных Пакса и Бальдура, которые с заговорщическим видом устроились на дальнем конце стола, и оба мальчика яростно краснеют. – Красавчики, не нальет ли кто из вас соку тетушке Виктре? У нее был чертовски трудный день.

Мальчишки наперегонки бросаются за кувшином. Бальдур успеваает первым. Этот тихий черный паренек пыжится от гордости, как павлин, и старательно наполняет для Виктры высокий бокал.

– Чертов профсоюз механиков опять бастует. У меня полные доки товаров, готовых к перевозке, но эти мелкие вредители, подстрекаемые «Вокс попули», сняли муфты с двигателей на доброй половине моих кораблей, перевозящих продукты по Луне, и спрятали их.

– Чего они хотят? – спрашивает Мустанг.

– Кроме того, чтобы обречь этот спутник на голод? Повышения заработной платы, лучших условий жизни... и прочей чепухи. Они говорят, что с их зарплатами жить на Луне слишком дорого. Ну так на Земле предостаточно места!

– Какая неблагодарность со стороны немых мужланов! – говорит мать.

– Я улавливаю твой сарказм, Дианна, и предпочитаю игнорировать его ради наших недавно вернувшихся героев. Успеем поспорить на неделе. Как бы то ни было, я практически святая. Мать послала бы серых, чтобы расколоть их неблагодарные черепа. Хвала Юпитеру, полиция по-прежнему способна расправиться с кем угодно, пусть даже это зарвавшиеся типы из «Вокс».

– Это их право – вести коллективные споры, – говорит Мустанг, вытирая остатки хумуса с подбородка Дианы, младшей дочери Севро. – Оно записано чернилами в новом уставе Сообщества.

– Да-да, конечно. Профсоюзы – основа справедливого труда, – бормочет Виктра. – Это единственное, в чем мы с Квиксильвером сходимся.

Мустанг улыбается:

– Так уже лучше. Ты снова – образец для подражания в республике.

– Ты совсем чуть-чуть разминулась с Танцором, – говорит Севро.

– То-то мне кажется, что пованивает ханжеством. – Виктра делает глоток сока и вздрагивает от удивления: Бальдур до сих пор стоит рядом с ней, улыбаясь чересчур старательно. – Ты все еще тут? Брысь отсюда, существо!

Она целует свои пальцы, потом прижимает их к щеке Бальдура, отталкивая его. Он поворачивается и плавной горделивой походкой направляется к моему сыну. Тот, по всей видимости, страшно завидует.

Потом, когда дети уходят играть в виноградник, мы удаляемся в дальний грот. Меня окружает моя семья – по крови и по выбору. Впервые за год я ощущаю, как на меня снисходит покой. Жена закидывает ноги на мои колени и велит растирать ее ступни.

– Я думаю, Виктра, Пакс в тебя влюблен, – смеется Мустанг.

Даксо наливает ей вина. В его руках бутылка кажется миниатюрной. Он выше меня ростом, с трудом втискивается на сиденье своего стула и время от времени случайно пинает меня под столом. Киран и его жена Дио сидят на скамейке у костра и держатся за руки. Когда-то я, помнится, думал, насколько Дио похожа на Эо. Но теперь, после всех этих лет, тень моей жены истаяла на лице ее сестры, и я вижу просто женщину – центр бытия моего брата. Она вдруг отшатывается, спасаясь от града угольков, – это Ниоба бросила в костер очередное полено. Тракса устроилась в уголке и украдкой прикуривает сигарету.

– Ну, Пакс мог найти идола и похуже, чем его крестная, – говорит Виктра, глядя на мужа; тот ковыряется в зубах щепкой, оторванной от уличного стола. Она пинает его. – Это уже перебор. Прекрати.

– Извини.

– Но ты не прекратил.

– Хрящик застрял, любимая. – Севро поворачивается, словно бы выбрасывая щепку, но продолжает ковыряться в зубах. – Готово, – мрачно говорит он. Вместо того чтобы выбросить добытый хрящик, он прожевывает его и глотает.

– Говядина.

– Говядина? – Мустанг оглядывается на стол. – У нас была курица и ягненок.

Севро хмурится:

– Странно. Киран, когда мы в последний раз ели говядину?

– На ужине у упырей, три дня назад.

Сидящие за столом морщатся.

Севро издает смешок:

– Значит, еда была хорошо выдержанной.

Даксо качает головой и продолжает рисовать ангелов для Дианы, которая устроилась у него на коленях и восхищается его работой. Даксо недурно управляет с лезвием-хлыстом, но истинное его искусство – в обращении с пером. Виктра, отчаявшись повлиять на мужа, беспомощно смотрит на Мустанга поверх своего бокала.

– Доказательство того, дорогая, что любовь слепа.

– Если тебе надоело это лицо, Микки может его исправить, – говорю я.

– Ну-ну, удачи. Тебе придется вытащить этого декадентствующего духа из его лаборатории, – говорит Даксо. Он замечает, что Диана добавила нарисованному им ангелу свирепую зазубренную трезубец. – Это не говоря о его почитателях. В прошлом сентябре он привез в Оперу настоящий паноптикум. Это смахивало на ожившие рисунки Иеронима Босха. Среди них была даже актриса. Можешь себе представить? – обращается он к Мустангу. – Твой отец прокусил бы себе щеку, увидев, как низшие цвета сидят в Элорийской опере.

– И не он один, – говорит Виктра. – В наши дни развелось слишком много новых денег. Друзья Квиксильвера. – Ее передергивает.

– Ну, за деньги культуру не купишь, верно? – откликается Даксо.

– Никоим образом, мой добрый друг, никоим образом.

Вечереет, оранжевые пальцы заката пробиваются сквозь деревья. Я позволяю себе расслабиться и делаю глоток за глотком из бокала, слушая, как мои друзья переговариваются и шутят. Маленькие голубые светлячки мерцают, и яркие вспышки пронзают поздние лет-

ние сумерки. За террасой шелестят деревья. Издали доносятся крики детей, затеявших вечерние игры. Раскаленные песчаные моря Меркурия кажутся сейчас такими далекими. Зловоние войны упрятано в моем сознании, и теперь это всего лишь осколки полузабытого сна.

Вот какой должна быть жизнь.

Этот покой. Этот смех.

Но даже сейчас я чувствую, как все это ускользает из моих пальцев, словно тот далекий песок. Я чувствую, как Львиная стража дома Августусов таится во тьме леса, наблюдая за небом и тенями и помогая нам еще хоть на миг задержаться внутри этой грезы. Мустанг перехватывает мой взгляд и указывает глазами на дверь.

Заставляю себя расстаться с друзьями; Телеманусы исполняют зажигательную пьяную версию их семейной песни «Лис на исходе лета». Мустанг исчезает в главном доме, и через несколько минут я следую за ней. Залы этого поместья древнее самой цитадели Света. Его цемент замешан на самой истории. Реликвии былых веков висят на стенах, украшают полки. Октавия еще в детстве называла это место своим домом. Ее дух витает в балках, на чердаке и в садах, как и дух предков и ее потомка. Здесь играл Лисандр, пока его путь не пересекся с моим. Я чувствую: всюду витает тень рода Луны. Сперва мне казалось странным жить в доме моего величайшего врага – но кто на свете лучше Октавии знал, какую ношу несем мы с Мустангом? Пока старая правительница была жива, я ее ненавидел. Мертвую я ее понимаю.

Я чувствую запах жены, еще не увидев ее. В нашей комнате тепло, дверь захлопывается за мной на ржавую металлическую защелку. На столике рядом с камином – в камне его коньских выступов высечены орлы и полумесяцы дома Луны – стоит открытая бутылка вина. Тапочки Мустанга валяются на полу. На столике рядом с ее датападом, мигающим новыми сообщениями, лежат кольца – ее отца и мое, дома Марса.

Она на веранде. Свернулась на кушетке, как моточек золотой пряжи, и читает сборник стихов Шелли с загнутыми уголками страниц; этот сборник много лет назад подарил ей Рок тем летом в Эгее, посвященным опере и искусству, после училища. Она не поднимает головы, когда я подхожу. Становлюсь у нее за спиной, размышляя, стоит ли начинать разговор, и провожу рукой по ее волосам. Я начинаю разминать ей мышцы шеи и спины. Ее гордые плечи расслабляются под моими пальцами, и она, перевернув книгу, кладет ее на колени. Разделенная жизнь связывает крепче, чем плоть и кровь. Она переплетает наши воспоминания.

Чем больше я узнаю Виргинию, чем больше у нас общего, тем сильнее я люблю ее, как не умел любить тот мальчик, которым я когда-то был. Эо была пламенем, пляшущим на ветру. Я пытался поймать ее. Пытался удержать. Но Эо была создана для другого...

Моя жена – не пляшущее пламя. Она – океан. Я с самого начала знал, что не могу владеть ею, не могу ее приручить, но я – тот единственный шторм, который движет ее глубины и будоражит приливы. И этого более чем достаточно.

Я целую ее, спускаюсь губами к ее шее и чувствую вкус алкоголя и сандала ее духов. Я дышу медленно и спокойно, ощущая легкость любви и безмолвное развертывание разделявшего нас пространства космоса. Сейчас кажется невозможным, что мы были так далеко друг от друга. Что когда-то она существовала, а я в то время был не с ней. Все, что она есть – запах, вкус, прикосновение, – позволяет мне понять, что я дома. Она поднимает руку и запускает тонкие пальцы в мои волосы.

– Я скучал по тебе, – говорю я.

– А по чему не скучал? – спрашивает она, лукаво улыбаясь.

Я хочу сесть рядом с ней на кушетку, но она прищелкивает языком:

– Ты еще не закончил. Продолжай массировать, император. Твоя правительница прикалывает тебе.

– Кажется, власть ударила тебе в голову.

Она поднимает взгляд на меня.

– Слушаюсь, мэ. – Продолжаю массировать ей шею.
– Я пьяна, – бормочет она. – Я уже чувствую похмелье.
– Тракса умеет заставить человека почувствовать, будто это его моральный долг – держаться с ней наравне.
– Ставлю десять кредитов на то, что завтра нам придется отскрести Севро от пола двора.

– Бедный Гоблин. Сплошной дух, и никакой массы тела.

Она смеется:

– Я разместила их с Викторой в западном крыле, так что мы сможем немного поспать. В прошлый раз я проснулась посреди ночи, думая, что в рециркулятор воздуха угодил койот. Клянусь, если они не притормозят, то через несколько лет смогут самостоятельно заселить Плутон.

Она похлопывает по подушке рядом с собой. Я устраиваюсь рядом и обнимаю ее. В кронах деревьев вздыхает озерный бриз. Я чувствую, как бьется сердце Виргинии, и мне хочется знать, что видят ее глаза, когда они устремлены на оранжевое небо над ветвями.

– Здесь был Танцор, – говорю я.

Она невнятно хмыкает, давая понять, что услышала, и негодуя: зачем напоминать ей о мире за пределами нашего балкона?

– Он тобой недоволен.

– Половина сената выглядела так, словно хотела подлить мне яда в вино.

– Я тебя предупреждала. Луна сильно изменилась со времен твоего отъезда. С «Вокс попули» теперь приходится считаться.

– Я заметил.

– Однако же они приняли резолюцию, а ты плюнул им в глаза.

– А теперь они плюнут в ответ.

– Похоже, ты сам заварил эту кашу.

– У них достаточно голосов, чтобы заблокировать мой запрос?

– Возможно.

– Даже если ты окажешь давление?

– Ты имеешь в виду – даже если я приберу тот бардак, который ты учинил. – Это не вопрос.

– Я принял правильное решение, – говорю я. – Я это знаю. Ты это знаешь. Они ничего не знают о войне. Они боялись, что в случае неудачи их привлекут к ответственности. Что мне было делать? Расчесывать волосы, пока они будут защищать свою репутацию?

– Возможно, тебе стоило бы у них поучиться.

– Я не собираюсь проводить опрос в разгар войны. Ты могла бы наложить вето.

– Могла бы. Но тогда они поднимут крик, что я оказываю протекцию своему мужу, и «Вокс» приобретет новых сторонников.

– Медные и черные по-прежнему в игре?

– Нет. Караваль сказал, что медные поддержат тебя. А черные идут туда, куда идет Сефи.

Что она выберет? Тебе это известно лучше, чем мне.

– Не знаю, – признаюсь я. – Она была против Дождя, но пошла со мной.

Мустанг ничего не отвечает.

– Ты думаешь, я выстрелил нам в ногу, да?

– У Танцора есть еще что-нибудь, что он мог бы использовать против тебя?

– Нет, – говорю я.

Я знаю, что она мне не верит. И она знает, что я это знаю, но не хочет больше спрашивать. Я хотел бы рассказать ей об эмиссарах, но это может быть вменено в вину и ей. Мы с Севро

сошлись на том, что это должно остаться между упырями. Мустанг связана клятвой, обязывающей ее рассказать все сенату. А она изо всех сил старается держать свои новые клятвы.

– На меня сердится не только Танцор, – признаюсь я. – Пакс за ужином на меня даже не смотрел.

– Я видела.

– Я не знаю, что делать.

– А я думаю, знаешь. – Она умолкает. – Нам не хватает этого, – говорит она наконец. – Жизни. Я навсегда запомню сегодняшний ужин. Этих светлячков. Детей во дворе. Запах дождя, который скоро начнется. – Она смотрит на меня. – Тебя, твой смех. Я не должна запоминать это как нечто особенное. Нынешний вечер должен быть одним из тысячи подобных ему.

– О чем ты?

– О том, что, когда мой срок полномочий истечет, возможно, я не стану снова ввязываться в эту гонку. Вероятно, я передам эстафету кому-нибудь другому. А ты передашь бразды правления Орион или Харнассу. Полагаю, остальное – уже не наша ответственность. – На губах ее возникает легчайшая улыбка, лицо светится надеждой. – Мы вернемся на Марс и будем жить в моем поместье. Будем растить ребенка вместе с детьми твоих брата и сестры и посвятим жизнь нашей семье, нашей планете. И каждый вечер у нас будет ужин вроде сегодняшнего. Друзья будут заглядывать к нам в дом, когда окажутся рядом. Дверь всегда будет открыта...

И этот дом всегда придется охранять целой армии.

Ее слова уносятся в ночь, в объятия покачивающихся деревьев, все выше и выше в небо вместе с дуновением ветра. Но я сижу рядом с ней, холодный как камень, потому что знаю: она сама не верит ни единому своему слову. Мы слишком долго играли в эту игру, чтобы выйти из нее. Я беру жену за руку. И она умолкает, и греза уплывает прочь, и на балкон к нам прокрадывается наш давний друг страх, потому что в глубине души, в самых темных ее пропастях, мы знаем, что Лорн был прав. Тем, кто ужинает с войной и империей, в конце концов всегда приходится платить по счету.

И тут, как будто мироздание подслушало мои мысли, раздается стук. Мустанг идет к двери, а когда возвращается, я вижу перед собой не свою жену, а правительницу.

– Это был Даксо. Танцор созвал чрезвычайное заседание сената. Они перенесли слушание на завтрашний вечер.

– Что это означает?

– Ничего хорошего.

4. Лирия

«Добро пожаловать в большой мир»

Небо.

Так мой папа называл бы крышу из камня и металла, раскинувшуюся над нашим домом в шахте Лагалос. Мы все так называли ее на протяжении жизни многих поколений, начиная с первых поселенцев. Небо осыпается. Небо нужно укрепить.

Оно распростерлось над нами, как огромный щит, защищая нас от бушующих снаружи пресловутых марсианских бурь. Существовали танцы, посвященные небу, песни с благословлениями в его адрес и пожеланиями процветания. Я даже знала двух девушек, названных в честь неба.

Но это небо не было щитом. Оно было крышкой. Клеткой.

Мне было шестнадцать лет – узловатые коленки да веснушки, – когда я впервые увидела настоящее небо. После смерти правительницы Луны восстанию понадобилось шесть лет, чтобы выбить остатки золотых с нашего континента, Киммерии. И еще два года, чтобы наконец освободить нашу шахту от серого военачальника, в отсутствие золотых основавшего здесь свое маленькое королевство.

Потом восстание пришло в Лагалос.

Наши спасители больше походили на безумных шутов с праздника вручения лавров, чем на солдат, увешанных трофеями – седыми и светловолосыми скальпами и железными значками в виде пирамиды. На груди у них были нарисованы какие-то серпы и шипастые красные шлемы. Впереди всех стоял усталый бородатый мужчина из алых, довольно пожилой, так что вполне мог называться дедом. В одной руке у него был большой импульсовик, а в другой – потрепанный белый флаг с четырнадцатиконечной звездой. Он заплакал, увидев людей со вздутым животом, тощих как скелеты, – мы голодали при этом сером военачальнике. Его оружие упало на пол, и хотя этот командир был нам чужим, он шагнул вперед и обнял меня. «Сестра», – сказал он. А потом обнял стоявшего рядом со мной мужчину: «Брат».

Четыре недели спустя доброжелательные люди в белых шлемах и с четырнадцатиконечными звездами на груди подняли нас на поверхность. Я никогда не забуду их глаза – они были желтыми, и карими, и розовыми. У спасителей нашлись бутылки с водой, сладкая газировка и конфеты для детей. А еще они дали нам громоздкие очки с эмблемой в виде крылатой стопы, чтобы защитить наши глаза от солнца. Я не хотела надевать очки. Я хотела посмотреть на настоящее небо и солнце своими глазами. Но добрая желтая медсестра сказала мне, что я могу потерять зрение. После этого все мы двинулись наверх.

Когда двери лифта открылись и мы выбрались из котловины, забитой кораблями, по металлической лестнице, я увидела его – синее и бескрайнее, такое огромное, что мне показалось, будто я падаю в него. Настоящее небо. А на невозможном горизонте висело солнце, словно неяркий уголек. Она дарило нам тепло. Наполнило мои глаза слезами. Оно было таким маленьким, что я могла заслонить его большим пальцем. Наше солнце. Мое солнце.

На следующее утро под непристойные песенки, которые распевали молодые парни и девушки, к нам прибыли республиканские спасательные корабли. Я никогда не видела ничего чище этих кораблей. Они спускались вниз, белые, словно молочные зубы моего маленького племянника. На нижней части фюзеляжей сверкала звезда республики. В ту пору эта звезда означала для нас надежду.

«Гостинец от Жнеца, – сказал молодой солдат, вручая мне плитку шоколада. – Добро пожаловать в большой мир, девочка».

Добро пожаловать в большой мир...

На челноке, уносящем нас прочь от шахты, перед каждым пассажиром возникло видео – голограмма, настолько реалистичная, что мне показалось, будто ее можно потрогать. Золотое лицо, внезапно появившееся в воздухе. Я видела эту женщину прежде, но здесь, в небе, на посланном ею корабле она казалась богиней из наших песен. Виргиния Львиное Сердце. Ее глаза были устрашающе золотыми. Ее волосы, подобные шелковым нитям, были убраны с безукоризненно гладкого лица. Она сияла ярче, чем уголек солнца. Под ее взглядом я чувствовала себя чем-то вроде тени.

«Дитя Марса, добро пожаловать в большой мир... – мягко начала молодая правительница. – Ты отправляешься в великое путешествие, чтобы занять свое законное место на поверхности планеты, созданной твоими предками. Твой пот, твоя кровь, как пот и кровь всей твоей семьи, дали жизнь этой планете. Теперь пришел ваш черед получить свою часть благ человечества, жить и процветать в новой Солнечной республике и проложить путь для следующего поколения. Мое сердце отдано тебе. Надежды и мечты всех людей возвысятся вместе с тобой. Удачи тебе, и пусть твоя семья обретет радость под звездами».

Это было два года и тысячу нарушенных обещаний назад.

Теперь же я склоняюсь под палящим солнцем над мелкой, скудной речкой за ассимиляционным лагерем 121. Спина моя согнута, пальцы скрючены. Я тру абразивной щеткой брюки Авы, перепачканные на работе, – она убивает скот на бойне, чтобы наполнить наш котел.

Мои руки, некогда пепельно-коричневые, как у большинства жителей Лагалоса, стали теперь жилистыми и загорелыми дотемна; они искусаны жуками, лезущими из речного ила. Лето на Киммерийских равнинах влажное и кишит комарами. Я прихлопываю троих, отыскавших брешь в пасте из цветков лайдера.

Мне уже восемнадцать, но мои щеки остаются по-детски пухлыми и упорно не желают худеть. Волосы свисают дремучей копной, словно в моей голове поселился дикий зверь и яростно рвется наружу. Однако винить в этом некого. На мне не задерживаются ничьи взгляды. Парни из папиной буровой бригады прозвали меня Лангустом из-за цвета глаз. Папа частенько говорил, что всю красоту в нашей семье унаследовала Ава. Мне достался лишь характер.

На берегу реки полно мужчин и женщин – десятка четыре человек из моего клана Гамма напевают «Балладу о Кровавой Мэри-дурочке». Моя мать часто мурлычет ее себе под нос во время работы. Из-под широкополых шляп и тюрбанов из ярких тканей выбиваются ржаво-рыжие волосы. На воде рыбаки в лодках лениво покуривают табак и тащат сети подальше в реку.

Лямбда не дают нам теперь пользоваться стиральными машинами в центре лагеря. Уроды думают, что имеют на это право, поскольку принадлежат к тому же клану, что и Жнец. И ничего, что они – такая же родня ему, как мне – летучие мыши, выныривающие по ночам из джунглей, чтобы охотиться на комаров.

Корабли Солнечной республики прилетают теперь только с серьезным военным эскортом – из-за мародеров «Алой руки», бесчинствующих на юге. Корабли, которые все-таки появляются, сбрасывают нам ящики с припасами на небольших парашютах. А те солдаты, что приземляются в лагере, теперь держат оружие, а не конфеты.

Мы каждый день видим это в видеонюстях – налеты «Алой руки» на беспомощные лагеря. Сыновей похитили, отцов убили, остальных растерзали... Бандиты заявляют о возмездии клану Гамма за то, что мы были любимчиками наших бывших угнетателей. В каждом лагере, подвергшемся нападению, нас уничтожают, словно больных крыс.

Ава уверена, что республика остановит «Руку». Что явится Жнец со своими воюющими легионами и отделает негодяев по первое число. Ну или что-нибудь в таком духе. Она всегда была хорошенькой дурочкой. Правительница извлекла нас из грязи и забыла в грязи. Жнец много лет не появлялся на Марсе. Похоже, у него есть о чем беспокоиться, кроме собственного цвета.

Искусанная комарами, я ставлю корзину на голову и отправляюсь обратно в лагерь. Воздух потрескивает от электричества – приближается буря. В отдалении, над покрытой пятнами зелени саванный, огромные грозовые тучи расцветивают небо багровым и черным. Они сгущаются прямо на глазах.

Чем ближе к лагерю, тем больше куч мусора попадает среди буйных зарослей. То тут, то там мелькают пальчики, перепачканные сажей. Обвязав рот и нос лоскутами ткани, они поливают зараженные малярией груды тряпок и отбросов машинным маслом и поджигают. Дым душит небо раковыми черными венами.

Мой брат Тиран тоже там, на свалке. Стоит с повязкой на лице, как и остальные, и, щурясь, всматривается в пламя – за один жетон в час. В шахте он сильнее всего мечтал стать проходчиком. Как и все мы. Я частенько прокрадывалась поздно вечером вниз, надевала отцовские рабочие ботинки и шлем, зажимала между пальцами ложки и вилки и изображала, будто управляю бурильной установкой. Но потом папа провалился в гнездо рудничных гадюк и лишился ног. Вскоре после этого умерла мама, а следом пропал и отец, вернее – то человеческое, что в нем оставалось. Я привыкла считать свой мир неизменным. Думала, что люди клана всегда будут кивком приветствовать моего отца, что мать всегда будет рядом, чтобы будить меня и давать немножко сиропа перед школой. Но эта жизнь закончилась. С каждым днем все больше горняков соблазнялось обещанием свободы. А в результате шахты оказались скуплены крупными компаниями из больших городов, и трудятся там роботы с клеймом в виде серебряной стопы. Говорят, мы получим свою долю, как только шахты принесут прибыль. Может, мы еще увидим чек на целых полкредита.

Я вхожу в открытые ворота ассимиляционного лагеря 121. Он гудит как пчелиный улей. Лагерь построен из пластмассы, жести и собачьего дерьма. Это место рассчитано на двадцать тысяч человек, а нас тут сейчас пятьдесят тысяч, и каждый день прибывает пополнение. Мрачные эскадрильи комаров жужжат над варевом улиц, выскывая в нем мясо, из которого можно высосать кровь. Все парни, достаточно взрослые для Свободных легионов, ушли на войну. А оставшиеся мальчишки и девчонки выполняют дерьмовую работу за жетоны на еду, чтобы старики не голодали. Никто из детей больше не мечтает стать проходчиком, потому что в этом новом мире проходчиков не осталось.

5. Лирия Лагерь 121

Я добираюсь до хижины моей семьи по листам обшивки и деревянным доскам, перекинутым через грязь. Такая здесь мостовая. Ровно в тот миг, как я проскальзываю под противомоскитной сеткой, небо раскалывает раскат грома. В хижине сухо; меня встречает густой запах похлебки. Наш дом, пять метров на семь, построен из неопласта, его украшают отштампованная звезда республики и крохотная крылатая стопа у самого пола. Непрозрачные пластиковые перегородки, спускающиеся с потолка, делят дом на две комнатухи. В передней части – кухня и гостиная. В задней – спальные места. Моя сестра Ава склонилась над маленькой плитой на солнечных батареях и помешивает похлебку в кастрюле. Я останавливаюсь у входа, тяжело дыша. Ава оглядывается на меня:

– То ли ты стала бегать быстрее, то ли тучи собираются медленнее.

– Я бы сказала, и то и другое. – Потираю шов на боку и усаживаюсь за маленький пластиковый обеденный стол. – Тиран все еще жжет хлам?

– Угу.

– Бедняга промокнет до нитки. Черт возьми, до чего же здорово пахнет! – Я вдыхаю аромат похлебки.

– В кастрюлю попало немного чеснока, – сияет Ава.

– Чеснок? Как он просочился через Лямбду? Они перестали накапливать новый груз?

– Нет. – Ава снова принимается помешивать похлебку. – Мне его дал один из солдат.

– Дал? По доброте своего благородного сердца?

– И это еще не все.

Ава приподнимает подол, демонстрируя сверкающие голубые туфли. Не башмаки от правительства. Настоящие туфли из кожи и качественной резины.

– Черт побери! А что ты дала ему взамен? – потрясенно спрашиваю я.

– Ничего! – морщит нос Ава от такого обвинения.

– Мужчины не дарят подарки просто так.

Ава скрещивает руки на груди:

– Я замужем!

– Извини, забыла, – говорю я, прикусывая язык.

Ее муж Варон – лучший из всех, кого я знаю, но его здесь нет. Он вместе с нашими старшими братьями Энгусом и Даганом пошел добровольцем в Свободные легионы сразу после того, как нас доставили в этот лагерь. Последний раз они связывались с нами из переговорного центра легиона на Фобосе. Сгрудились потеснее, чтобы поместиться в экран. Сказали, что отправляются с Белым флотом на Меркурий. А кажется, лишь вчера я пробиралась следом за Энгусом через вентиляцию Лагалоса в поисках грибов для его самогонного аппарата...

– А где мальчишки? – спрашиваю я.

– Лиам в лазарете.

– Что, опять? – Я ощущаю укол жалости.

– Очередная ушная инфекция, – говорит сестра. – Сможешь утром зайти навестить его? Ты же знаешь, сколько...

– Конечно, – перебиваю ее я. – Я принесу ему немного оставшихся конфет, если остальные крысята их не сожрали.

Лиаму, третьему сыну Авы, только-только исполнилось шесть, и он слеп от рождения. Славный малыш.

– Ты его балуешь.

– Некоторых мальчишек нужно баловать.

Подхожу к своей племяннице Элле. Она лежит в коляске у стола и играет с подвешенным над ней маленьким мобилем, одной из поломанных игрушек ее брата.

– Как поживает мой маленький гемантус в этот ужасный грозовой вечер? – говорю я, поддевая пальцем ее носик.

Элла хихикает и хватает мой палец, а потом тянет его в рот.

– О, у цветочка есть ротик!

– Я покормлю ее после ужина. Не могла бы ты пока проверить у папы памперс?

Мой отец сидит в кресле, уставившись в головизор, – я украла его у одного типа из Лямбды, слишком пьяного, чтобы следить за своей палаткой. Глаза у отца жемчужные и отстраненные, в них отражаются мельтешащие на экране помехи мертвого канала.

– Давай я помогу тебе, па, – говорю я.

Переключаю каналы, пока на экране не появляется гравибайк, мчащийся над меркурианской пустыней. Плохие парни преследуют плутоватого героя-синего, немного похожего на Коллоуэя Чара.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

Снаружи грохочет гром.

Папа не отвечает. Даже не смотрит на меня. Я сдерживаю обиду и вспоминаю, каким он был, когда брал нас с собой в шахты. Его огрубевшие руки зажигали газовую горелку, и он хриплым шепотом рассказывал нам страшилки про Голбака-аспида или про Старого Шаркуна. Огонек горелки взвивался в воздух, и отец разражался веселым хохотом при виде наших перепуганных лиц. Я не узнаю этого человека... это существо, принявшее облик моего отца. Оно лишь ест, гадит и тарашится в головизор. И все же я отбрасываю гнев, чувствуя себя виноватой, и целую отца в лоб. Потом подтягиваю одеяло чуть повыше, под бородатый подбородок, и благодарю Долину за то, что отцовский подгузник чист.

Хлопает дверь. Это сыновья моей сестры влетают в дом, мокрые насквозь и перемазанные грязью. Следом входит наш брат Тиран, пропахший дымом свалки. Он самый высокий в семье, но страшно худой, тонкий как тростинка; его хрупкость особенно бросается в глаза, когда вечерами он сгибается над столом – пишет книжки для детей: истории о замках, чудесных долинах и летающих рыцарях. Тиран встряхивает влажными волосами и пытается обнять Аву. Сестра с притворной скромностью показывает новые туфли своим ревнивым мальчишкам. Они спорят, как называется самый яркий из оттенков голубого, а я тем временем расставляю тарелки.

– Лазурный! – решают они. – Как татуировки у Коллоуэя Чара!

– Коллоуэй Чар, Коллоуэй Чар, – передразнивает их Тиран.

– Колдун – лучший пилот в мире! – с негодованием восклицает Конн.

– Я бы в любой момент поставил на Жнеца в робоскафе против Чара в истребителе.

Конн подбочивается.

– Ты глупый! Колдун разорвал бы его на куски!

– Ну, они друзья, так что в любом случае не станут друг друга разрывать, – говорит моя сестра. – Они слишком заняты, защищая вашего отца и дядей, разве не так?

– Как думаешь, папа с ними встречался? – спрашивает Конн. – С Чаром и Жнецом?

– А с Аресом? – добавляет Барлоу. – Или Вульфгаром Белым Зубом? – Он ударяет кулаком по ладони, изображая грозного черного. – Или с Танзором из Фарана! Или с Траксой...

– Да, они наверняка лучшие друзья. А теперь ешь.

Мы ужинаем, сгрудившись вокруг пластикового стола, а по крыше барабанит дождь. На столе едва хватает места для мисок и локтей, но мы как-то утрамбовываемся, едим жидковатую похлебку и обсуждаем преимущества истребителей над робоскафандрами в атмосфере. Когда мальчишки говорят, что сегодня суп вкуснее, моя сестра улыбается.

После ужина мы собираемся вокруг папы, чтобы посмотреть головизор. Я разламываю половину шоколадной плитки «Космос» на семь частей. Свою долю прячу для Лиамы и улы-

баюсь, заметив, как Тиран отдает свой кусочек Аве. Неудивительно, что он такой тощий. Программа – выпуск новостей. Ведущий-фиолетовый напоминает мне гелиона – это такие тропические птицы, шастающие по нашим мусоркам. У ведущего невероятная копна белых волос и подбородок, достойный быть высеченным из гранита, но при этом трогательно изящные для мужчины руки.

С большой важностью он сообщает о триумфе Жреца, прошедшем в Гиперионе. Мои племянники тычут друг друга локтями, пока ведущий рассуждает о том, что следующий удар надо нанести по Венере, чтобы раз и навсегда покончить с Повелителем Праха и его дочерью, последней фурией. Моя сестра тихо вздыхает, украдкой погладив новые туфли. Пока что имена наших братьев и ее мужа не появлялись в списке потерь, который идет бегущей строкой внизу экрана.

Тирана притягивает этот далекий мир. В нашей семье мой брат всегда был самым мягким и сильнее всех рвался показать себя. Через несколько месяцев ему исполнится шестнадцать. И тогда он оставит всю эту грязь позади и улетит к звездам. Я невольно уже обижаюсь на него. Никому из наших мужчин не следовало покидать семью.

Мальчишки не видят тихого отчаяния моей сестры. В их красных глазах пляшет отражение голограмм. Наш цвет. Зрелище триумфа на Луне. Слава величайшего из сыновей алых, стоящего, вскинув сжатый кулак, рядом со своей золотой женой – правительницей, которая так много нам обещала. Мальчишки восторженно воют. Думают, что смогут возвыситься, как Жнец. Они слишком малы, чтобы понять: наша жизнь – сплошная ложь за всем этим блеском.

«Жнец! Жнец!» – кричит толпа.

Мои маленькие племянники присоединяются к скандированию. А я касаюсь руки сестры, смотрю на экран и вспоминаю все невыполненные обещания. Интересно, неужели лишь я одна скучаю по шахте?

Просыпаюсь ночью от далекого рева. В комнате все тихо. Чувствую, что мои ноги скользкие от испарины. Сажусь на кровати и прислушиваюсь. Издали доносится какое-то рычание. Вскрапывание двигателей. За сетчатым пологом кровати жужжат комары.

– Тетя Лирия, – шепчет лежащий рядом Конн. – Что это за шум?

– Тише, милый.

Я настораживаюсь. Двигатели смолкают. Перебрасываю ноги через край кровати. Снизу слышится тихое дыхание отца. Он спит. Кровать моей сестры пуста. Как и лежащий на полу тюфяк Тирана.

Проскальзываю за москитную сетку, влезаю в шорты и хлопковую рубашку, отсыревшие от влажности.

– Ты куда? – беспокоится Конн. – Тетя Лирия...

Я закрываю сетку за собой на липучку.

– Просто посмотрю, что там такое, милый, – говорю я. – Спи.

Надеваю сандалии и выхожу в кухню. Моя сестра здесь, стоит у двери и с беспокойством наблюдает, как Тиран натягивает ботинки.

– Что там такое? – тихо спрашиваю я. – Я вроде бы слышала корабль.

– Возможно, просто какой-то идиот из регионального управления пролетел над лагерем на бреющем, – говорит Тиран.

– Ни хрена не похоже! – со злостью бросаю я. – У нас уже месяц не приземлялся корабль снабжения!

– Тише! – шипит он. – Малыши услышат!

– Не будь ты таким тупицей, мне не пришлось бы кричать!

– А ну замолчите оба! – Ава явно нервничает. – А вдруг это «Алая рука»?

Тиран смахивает спутанные волосы с глаз:

– Не выкручивай скафандр-печку. «Рука» в сотнях километров южнее. Республика не позволила бы им вторгнуться в наше воздушное пространство.

– Да ни хрена! – бормочу я.

– Они владеют небом, – отвечает он с видом претора.

– Они даже собственными городами не владеют, – парирую я, вспомнив бомбардировку Эгеи.

Тиран вздыхает:

– Я схожу гляну. А вы присмотрите за домом.

– Присмотреть за домом? – смеюсь я. – Прекрати вести себя как личинка! Я иду с тобой.

– Нет, не идешь, – возражает Тиран.

– Я такая же быстрая, как ты.

– Не важно, черт возьми! В этом доме мужчина – я, – говорит брат, а я фыркаю в ответ. – Помнишь, что случилось с Ваной, дочерью Торрона? Девушкам не следует ходить по лагерю ночью. Особенно нашим.

Он имеет в виду клан Гамма, и он прав. Я знала Вану с детства. Ее нашли растерзанную в ключья, с отрубленными руками. Мы похоронили ее на опушке джунглей к югу от лагеря.

– Кроме того, если даже я не прав, ты нужна будешь здесь, чтобы помочь Аве и детям. Я только гляну, что там, и быстренько назад. Обещаю. – И он уходит, не говоря больше ни слова.

Ава закрывает за ним дверь. Она стискивает руки и садится за кухонный стол. Я опускаюсь рядом с ней, раздраженно уставившись на исцарапанную пластиковую столешницу.

– Пошло оно все в шлак! – Я встаю. – Схожу посмотрю.

– Тиран уже ушел!

– Брось. Он едва яйца не потерял. Я мигом. – Направляюсь к двери.

– Лирия!

– Что?

Ава хватает с кухни нашу единственную сковородку.

– Возьми хотя бы это.

– На тот случай, если я вдруг найду яйца? Ладно-ладно. – Я беру сковороду. – Приготовь-ка запас еды и воды, мало ли что.

Она кивает, и я ухожу, оставив ее на пороге. Ночь мрачна и влажна, будто воздух во рту у курильщика. К тому моменту, как я выбираюсь из поселка Гаммы в главный лагерь, у меня вся спина мокра от пота. Вокруг тихо, не считая стрекота насекомых. Морщинистая габунская ящерица смотрит на меня с крыши домика беженцев и жует ночного мотылька. В дальнем конце лагеря, там, где расположены посадочные площадки, горят огни. В дверных проемах блестят чьи-то глаза, кто-то смотрит из-за москитной сетки, как я иду. Улицы пусты. Мне страшно, как никогда не бывало страшно в шахтах. Сейчас я чувствую себя гораздо более слабой и маленькой, чем в нашем домишке.

Впереди слышатся мужские голоса. Спорят. Я осторожно пробираюсь вперед, потом прячусь за грудой выброшенных грузовых контейнеров. На одном из них нарисовано лицо изящной модели-розовой; она пьет из бутылки «Амброзию», сладкий перечный напиток на основе колы, которому лагерь обязан половиной всех случаев кариеса. Модель улыбается и подмигивает мне; ее рот полон белых, сверкающих зубов. Огни кораблей ярко горят в предрассветный час, очерчивая силуэты людей из нашего лагеря, – разбуженные ревом двигателей, они пришли посмотреть на прилетевших. Мой брат среди них, застенчиво топчется позади. Я вдруг чувствую себя виноватой, оттого что фыркнула, когда он сказал про мужчину в доме. Он просто мальчик. Мой мальчик, мой маленький брат, который пытается быть взрослым. Члены клана переговариваются с теми, кто спустился по трапам кораблей. Прибывшие тоже алые, но у них оружие, а на голых торсах патронташи крест-накрест.

Они спрашивают, где найти Гамму. Мужчины из лагеря спорят между собой, потом один из них машет рукой в сторону нашего поселка. Другой толкает его, но вскоре их товарищи начинают указывать не только на наши дома, но и на Тирана, и еще на троих из клана Гамма. Остальные отходят от них подальше. Самый низкорослый из прибывших что-то говорит, но я не разбираю слов. Один из наших бросается на него в тот самый момент, когда чужак вскидывает длинный темный предмет, который держал сбоку. Это плазменная винтовка. В патроннике вспыхивает ядовито-зеленый свет, из дула вырывается пронзающий тьму пульсирующий шар. Он пробивает грудь жертвы насквозь. Человек шатается и оседает на землю, словно городской пьянчужка. Я застываю на месте. Мой брат бросается бежать вместе с двумя другими из нашего клана. Второй чужак вскидывает винтовку.

Металл тархтит, как сломанная шелкопрядильная машина.

Грудь моего брата взрывается. Другие боевики разносят вдребезги ночную тишину; их оружие сверкает и исторгает огонь. Тиран судорожно дергается. Он не падает сразу. Пошатываясь, делает шаг-другой, но потом гремит очередной выстрел, и Тиран оседает на землю. У него нет половины головы. Из моей груди рвется жалобный крик. Мир вокруг мелькает и рушится, и снова наступает тишина, а я не могу отвести глаз от этой темной фигуры в грязи.

Тиран...

Первый стрелявший подходит к телу моего брата и тычет в него плазменным стволом. Потом поднимает голову, смотрит на меня, и кислотно-зеленый свет освещает лицо демона. Это не мужчина. Это женщина-алая, с ужасными шрамами на пол-лица.

– Правосудие над Гаммой! – Одновременно с этим ее голос раздается из динамиков обоих кораблей. – Смерть коллаборантам! Правосудие над Гаммой!

6. Эфраим Вечный город

Я зеваю во влажной темноте, мечтая о сигарете, потому что дышать через ингалятор, к которому я присосался, – это все равно что трахаться через брезент. Моя левая нога онемела, носок в резиновом ботинке мокрый от пота, а правая рука согнута и так неловко упирается в стену, что поддельный хронометр «Валенти» впивается в запястье и даже пульс отзывается болью.

Единственное, что помогло мне сохранить здравый рассудок на протяжении последних девяти часов, – это голографические контактные линзы, которые я покупал на стойке у этого лемуруподобного мерзавца Кобачи на сто девяносто восьмой, пятьдесят шестой и семнадцатой, в Старом городе. Но контакты закоротило, так что теперь у меня саднит роговицу и, хуже того, масса времени, которое нужно убить. Превосходно.

Я тщетно пытаюсь потянуться. Но в этой каменной коробке невозможно пошевелиться, все же во мне метр семьдесят пять роста. Сильнее всего я обижен на древних египтян – не за то, что они первыми придумали институт массового рабства для общественных работ, а за то, что все они были такими мелкими. И до сих пор тут пахнет завяленным старикашкой, которого мы вытащили отсюда прошлой ночью, перед доставкой.

Я смотрю на хронометр. Это подарок моего покойного жениха. Дешевые серебристые часы из тех, что клепают полуслепые иммигранты низших цветов, работники потогонных мастерских в каком-нибудь захолустье Луны. Возможно, в Тихо. Может, в Эндимионе или Громаде. Оттуда нужно полмира проехать до того места, где бьется сердце планеты, – до Гипериона, где я сейчас погребен. *Он* не знал, что это подделка, и потому заплатил почти шестьдесят процентов рыночной стоимости, половину зарплаты за квартал. Когда он вручил мне эти часы, его лицо сияло. Мне не хватило духу сказать ему, что он мог купить их по цене бутылки приличной водки. Бедный мальчик.

Снова бросаю взгляд на циферблат. Почти пора.

Две минуты до полуночи. Всего несколько сумеречных часов остается до того, как Гиперион погрузится в последний темный месяц лета. Мрак или свет – день в Гиперионе на самом деле никогда не кончается. Хранители дня просто запирают свои двери и передают бразды правления ночным обитателям. При аурях тут был настоящий рай для розовых. Но теперь, когда гаснет свет, здесь воцаряется закон джунглей. За пределами музея раскаленный город потягивается и напеваает в душном полумраке, и это не предвещает ничего хорошего. На освещенном фонарями Променаде благопристойные граждане разбегаются по частным жилым комплексам, скрываясь от твяканья молодежной музыки и рева банд на хOVERбайках. Эти звуки эхом разносятся по Затерянному городу.

Гиперион. Сокровище Луны. Вечный город. Прекрасный даже в неразберихе военного времени. Здесь есть на что посмотреть, и выбор настолько велик, что спешить с этим не следует. Если, конечно, вы хотите сохранить здравый рассудок.

Но здесь, в гиперионском Музее древностей, за толстыми мраморными стенами существует мир с совершенно другими правилами. В дневное время по мраморным коридорам бродят стайки восторженных школьников низших цветов да иммигранты с Марса и Земли, тычутся сопливыми носами в стеклянные витрины. А по ночам музей превращается в неприступный склеп. Непроницаемый снаружи, он населен лишь бледнолицыми ночными стражами, мертвыми обитателями склепов, статуями и картинами. Единственный способ попасть в него – стать местным обитателем. Так что мы подкупили одного докера и пробрались на борт грузового корабля с Земли, когда тот приземлился в Атласском межпланетном порту. Так уж получилось, что на этом корабле везли многочисленные реликвии из личного тайника какого-то

изгнанного золотого лорда, умершего или бежавшего на Венеру. Возможно, старого Скорпиона. Целая куча вкусняшек. Четырнадцать картин европейских неоклассиков, ящик с финикийскими урнами, двадцать пять ящичков с римскими свитками и четыре саркофага. В них вчера лежали мумифицированные египтяне, а сегодня – наемники.

К нынешнему моменту техники-уборщики уже гонят своих роботов заряжаться и переходить в восточное крыло. Команда охранников занимает штаб-квартиру в подвале.

Тик-так. Тик-так.

Меня тошнит от ожидания. Тошнит от того, что мысли крутятся каруселью. Я смотрю на часы. Мне хочется подтолкнуть стрелки на дешевых шестеренках, теряющих секунды каждый день. Не могу думать ни о чем, кроме призрака. Ведь каждое «тик-так» уносит меня все дальше от него. Дальше от его нелепой прически с зализанными назад волосами (он подражал звезде голографических экранов, потому что этот актер мне нравился) или от поддельной куртки «Дюверши» (он считал, что под ней можно спрятать мальчишку с фермы). Это была его проблема: он всегда пытался изображать того, кем на самом деле не являлся. Всегда стремился придать себе вес. И чем все обернулось? В конце концов его проглотили и выплюнули.

Я достаю из рюкзака диспенсер с золадон. Нажимаю на серебряный цилиндр, и он выбрасывает мне на ладонь черную таблетку размером с крысиный зрачок. Особенно крутой дизайнерский наркотик. Нелегальный до абсурда. Взвинчивает дофамин и подавляет активность того кусочка серого вещества, который отвечает за эмоции. Во время битвы за Луну спецназовцы ели золадон, как конфеты. Если вам нужно расплавить городской квартал, слезы лучше придержать до тех пор, пока не вернешься на свою койку.

Думаю, достаточно малой дозы. Один миллиграмм – и подавляющие эмоции молекулы пронзают мою кровь. Мысли о женихе теряют объемность, становятся всего лишь плоскими монохромными картинками в потускневшей памяти.

Тик-так. Тик-так.

Би-ип.

Пора лезть на рожон. Я щелкаю по интеркому. Отзываются еще три щелчка.

Потом раздается скрежет камня. Каменная крышка начинает двигаться сама по себе, затем взмывает в воздух. С потолка сквозь щели сочится голубой свет. Надо мной высится темный силуэт, удерживающий каменную плиту с такой легкостью, словно та сделана из неопласта.

– Добрый вечер, Вольга, – с благодарностью говорю я великанше.

Сажусь и ощущаю, как с приятным треском растягивается позвоночник. Моя черная сообщница – она вдвое младше меня – улыбается во все тридцать два зуба, испорченных второсортной стоматологией. В отличие от ледяных черных, на ее лице нет плотных костных мозолей, оставленных ветром и обычно скрадывающих косые скулы. Вольга маленькая для черных, худая и низкорослая – всего шесть с половиной футов. Из-за этого она выглядит менее угрожающе, чем обычный ворон. Ее создатели задумывали иное. Она родилась в лаборатории, милостью Общества селекционных программ. Бедный ребенок не мог угнаться за остальным выводком, и ее вышвырнули на Землю для рабского труда.

Мы встретились пять лет назад на погрузочной платформе за пределами Эхо-Сити. Я передал одну штуковину коллекционеру и решил отметить это дело парой коктейлей. Вольга нашла меня в переулке, валяющегося в луже крови глубиной сантиметра два. После того как я опрокинул десяток бокалов, меня подрезали, ограбили и бросили умирать двое местных чернотубых. Она отнесла меня в больницу, а я в знак благодарности отвез ее на Луну, единственное место, куда ей на самом деле хотелось. С тех пор она следует за мной. Обучать ее ремеслу – мое любимое хобби.

Как и я, Вольга облачена в черный неопластовый комбинезон, скрывающий тепловую сигнатуру. Она все еще держит крышку саркофага у меня над головой в полумраке музейного склада.

- Можешь уже прекратить рисоваться, – бурчу я.
- Не завидуй, что я могу поднять то, что тебе не под силу, человек.
- Тсс! Не рявкай так громко.

Вольга морщится:

- Извини. Я думала, Кира отключила систему наблюдения.
- Просто заткнись, – раздраженно говорю я. – Не прыгай на минном поле. – Старая поговорка легиона заставляет меня чувствовать себя даже старше застарелой боли в правом колене.
- Слушаюсь, босс. – Вольга напускает на себя смущенный вид и осторожно ставит каменную крышку на пол, а потом протягивает руку, чтобы помочь мне выбраться.

У меня вырывается стон. Даже с золадом я ощущаю каждую рюмку, понюшку и затяжку своих сорока шести лет. Я виню легион в том, что он украл добрую четверть этих лет. Восстание – в том, что украли еще три года, прежде чем я поумнел и откололся. А потом я ругаю себя за то, что провел остальные годы так, словно меня ждет вторая жизнь на конце радуги.

Я не нуждаюсь в зеркале, чтобы понять, что превратился в подержанную модель самого себя. У меня красноречиво опухшее лицо человека, слишком часто прикладывавшегося к бутылке, и тощее тело, которому даже десятилетние занятия в гравитационных спортзалах легиона не помогли нарастить мышечную массу.

Я собираю зеленые обертки своего обеда из филейных кубиков и венерианских имбирных водорослей и обрызгиваю саркофаг аэрозолем ДНК с черного рынка, а потом убираю мусор и баллончик в рюкзак. Подняв термокапюшон, жестом велю Вольге надеть свой. Двух других членов нашей команды мы находим за четырехметровым штабелем ящиков – они сидят перед укрепленной дверью склада.

– Добрый вечер, – говорит, не оборачиваясь, наш стилига Дано, молодой прыщавый алый. – Скрип твоих коленей слышен за сто метров, Жестящик. Им не хватает немного уличной смазки. Я знаю одного типа из авторазборки, который тебе поможет.

Я игнорирую Дано с его терранской сверхфамильярностью.

Мне нужно больше компаньонов с Луны. Черт, я даже согласен на сварливого марсианина. Терранцы – невыносимые болтуны.

Моя взломщица-зеленая, Кира, тоже терранка, стоит на коленях и возится с внутренней частью биометрического замка. Инструменты разложены на полу рядом с дверью – отсюда Кира будет вести поддержку. Девушка немного нервная и не очень-то любит выходить на танцпол. За последние годы я несколько раз нанимал Киру, но мы не близки. Она такая же, как большинство лайми, – раздражительная и эгоистичная, с процессором вместо сердца. Особо часто она язвит в адрес Вольги. Но мне плевать. Я еще в девять лет пришел к выводу, что большинство людей – лжецы, сволочи или просто тупые. Она хороший хакер, и это все, что меня интересует. В наше время трудно найти хакера-фрилансера. Корпорации, от криминальных до солидных, подгребают под себя все таланты.

Кира и Дано невысокие, и отличить их друг от друга в этих черных комбинезонах с капюшоном можно лишь по выпирающему животу Киры, ну и по тому факту, что сейчас Дано делает растяжку для исполнения своей роли и напевает себе под нос какую-то дурацкую песенку алых.

За Дано я присматриваю меньше, чем за Кирой. Его я знаю с тех пор, как он был уличным крысенышем, только-только прилетевшим с Земли и чистящим карманы на Променаде, а прыщей у него было больше, чем волос на голове.

Кира трудится над дверной «начинкой»; в левой руке у нее выходной разъем, передающий беспроводной сигнал от двери на оборудование у нее в голове. Два металлических полумесяца, набитых аппаратурой, и две линии связи, встроенные в ее череп, идут от висков к ушам, а оттуда к основанию черепа. Я вижу их выпуклости под термокапюшоном.

– Дверная сигнализация? – интересуюсь я, когда Кира отодвигается от двери.

– Разумеется, выключена! – огрызается она. Капюшон приглушает голос. – И магнитный замок сдох. – Она смотрит на Вольгу – та, опустившись на колени, достает из черного футляра свою компактную штурмовую винтовку. – Что, ворона, собираешься сегодня нарушить свое правило?

– Погодите, у нас что, сегодня предписание на убийство? – нетерпеливо спрашивает Дано.

– Нет. Мы не нарушаем никаких правил, – отвечаю я. – Но если что-то стряется, эта бледная леди – мой ходячий страховой полис. Знаешь, как говорят: и в аду не найдешь фурии, которая сравнится с женщиной, вооруженной рельсотроном.

Руки Вольги в перчатках собирают оружие. Она достает три изогнутые обоймы с патронами и крепит их к комбинезону клейкой лентой. Каждая обойма помечена цветной полосой согласно типу заряда: паралитический яд, электроразряды, пули с галлюциногеном. Ничего смертоносного. Чертовски неудобно иметь телохранителя – машину для убийства, которая отказывается убивать. У меня таких ограничений нет. Я касаюсь пистолета на бедре, проверяя, надежно ли закреплена ножная кобура. Это движение уже превратилось в рефлекс. Снова смотрю на Киру:

– Ты дожидаясь, чтобы я спросил об остальных системах сигнализации?

– Лайми не смогла добраться до всех, – говорит Дано, лежа на полу.

Он завел ногу за голову, растягивая подколенную связку таким оригинальным способом.

– Это так?

– Угу, – бурчит Кира.

Дано смотрит на меня; его лицо спрятано под тонким облегающим пластиком термокомбинезона.

– Говорил же я – надо нанимать Гератрикса.

– Гератрикс теперь в синдикате, – бормочу я.

Дано склоняет голову в притворной печали:

– Еще один ушел в треклятую тьму.

– Я не виновата, – тихо оправдывается Кира. – Они обновили свою систему. Теперь там новые протоколы, правительственные. Мне потребовалось бы минут тридцать, чтобы войти. Черт, да даже команде республиканских звездных хакеров понадобилось бы не меньше двенадцати...

Я скидываю руку.

– Слышите? – шепчу я, и все прислушиваются. – Это звук твоего дохода, разрезаемого пополам.

– Пополам?

– Половина работы – половина оплаты.

Терпение у Киры – что хоботок клеща. Ее рука опускается на мультиган, висящий на бедре. Однако Вольга делает шаг в ее сторону, и Кира сразу становится похожа на котенка, услышавшего гром. Я опускаюсь на колено перед зеленой.

– Я не виновата, – повторяет она.

Беру ее за подбородок сквозь маску и поворачиваю лицом к себе.

– Успокойся и расскажи, в чем проблема. – Я щелкаю пальцами. – И побыстрее, мелюзга.

– Я не могу получить доступ к системам выставки завоевателей, – признается Кира.

– Совсем?

– Они на изолированном сервере. Там настоящие реликвии, настоящая защита.

Я чувствую, как мое левое веко подергивается от раздражения. Черт побери! Дано придется заняться акробатикой.

– Кира, ты же знаешь, как я ненавижу сюрпризы...

– Говорил же я тебе, что надо купить гравипояса, – шипит Дано.

– Скажи еще раз: «Говорил же я тебе, что надо», – и увидишь, что будет.
Дано встречается со мною взглядом и опускает глаза в пол. Так я и думал.

– Хватит и паучьих перчаток, – бросаю я. – Включить рециркуляторы.

Дано, Вольга и я достаем из сумок рециркуляторы и прикрепляем поверх ротового отверстия на термокапюшонах.

– Надеюсь, с дверями ты все-таки разобралась.

Кира кивает.

– Тридцать секунд на каждую комнату, – напоминаю я.

Вольга забрасывает оружие за спину и подходит к двери. Дано прекращает растягиваться, а Вольга прикладывает к двери большой плоский магнит. Он с глухим стуком прилипает к металлу. Мы смотрим на магнит, пока отголоски этого стука не стихают. Наши голоса сквозь дверь не слышны, а вот это могли и услышать. Я смотрю на Киру. Она качает головой. Уровень децибел был слишком низок. Все чисто. Массивные перчатки Вольги смыкаются на дверной ручке.

Мое тело приветствует адреналин, всасывает его – так растрескавшийся асфальт поглощает воду. Я смотрю на часы и ничего не чувствую. Мой фокус сузился до нынешнего момента. Я ухмыляюсь.

– И чтоб никто не вздумал подвернуть свою долбаную ногу, – говорю я, разогревая мышцы. – Давай, Ви. Пора пахать.

Вольга налегает на дверь, откатывая ее в стену.

– Первая сеть отключена, – раздается в интеркоме тихий голос Киры.

Дано в своей шумоизолирующей обуви выходит в коридор первым. Затем иду я. Оглядываюсь, чтобы узнать, последовала ли за мной Вольга. Она у меня за плечом, пугающе бесшумная, несмотря на свои габариты. Кира остается наблюдать за системами безопасности и охранниками в подвале.

Узкий коридор для персонала преграждает еще одна дверь с повышенной степенью защиты.

– Погодите, – говорит Кира. – Вторая сеть отключена. Двадцать девять, двадцать восемь...

Вольга подсовывает под дверь механический рычаг и приводит его в действие. Тяжелая дверь скользит вверх, сотрясаясь вместе с рычагом. Мы пролезаем под ней. С потолка до половины высоты зала свисает картина с запряженным в колесницу разъяренным боевым конем. Из колесницы лучник стреляет по людям в бронзовых доспехах и шлемах с гребнем из конского волоса. Я на миг приостанавливаюсь, чтобы оглядеть большой зал. С украшенных растительным орнаментом колонн смотрят вниз плачущие дети, изваянные из камня. На мраморных стенах взрываются цветом великолепные фрески. Вскоре датчики давления на полу, камеры и лазеры заработают снова.

– Двадцать.

Когда мы бежим через зал, я ощущаю ностальгию. Кажется, будто лишь вчера я приносил здесь присягу легионера. Помню, как садился в трамвай, чтобы добраться до центра города, как нацепил выданный значок с крылатой пирамидой и выпячивал грудь, когда высшие цвета кивали мне или чернь уступала дорогу. Глупый мальчишка... Он воображал, что этот значок делает его мужчиной. А на самом деле превратился в дрессированную собачку. По нынешним же временам с него могут и скальп снять...

– Восемь. Семь...

Через три зала, когда у меня уже закололо в бок, оттого что я пытался угнаться за молодыми соратниками, мы добираемся до экспозиции эпохи Завоеваний. Там поддеваем дверь рычагом и пробираемся под ней. Осторожно становимся на узкую полосу металла, избегая мраморного пола со встроенными датчиками давления.

Этот зал считается главным. Его построили восхищенные золотые в честь своих предков-психопатов, завоевавших Землю. Он огромен и брутален, и республика не стала ничего здесь менять, за некоторым исключением. К завоевателям добавили список завоеванных. Рядом с данными о потерях разместили изображения людей доцветовых времен. Сто десять миллионов умерло, чтобы золотые пришли к власти. Потом их бомбардировщики сбросили в тропосферу солоцен и стерилизовали целую расу. Ее даже не пришлось встраивать в иерархию цветов. Надо было просто подождать сто лет, пока все не умрут. Бескровный геноцид. В одном завоевателям не откажешь – они действовали эффективно.

Мерзавцы.

В центре экспозиции, под каменной аркой с надписью «Выставка „История завоевателей“», выстроилось двадцать древних ионических колонн, расположенных по высоте, словно ступени лестницы. Наверху – дельфийский храм, а в нем, среди бесценных реликвий, заключенных в дюростекло, лежит предмет вожделения моего коллекционера. Это оружие первого правителя – лезвие-хлыст, принадлежавшее великому мерзавцу, герою-завоевателю по имени Силениус Луна и по прозвищу Светоносный.

«Выглядит не особо пугающе», – сказал Дано, когда мы только взяли за этот контракт.

Я улыбнулся и кивнул на Вольгу: «А если бы он был у нее в руках?»

«Она бы выглядела пугающе, даже размахивая чертовым маффинном».

«Был бы у меня маффин, я бы его съела», – парировала Вольга.

Клинок покоится на двух опорах из дюростекла; он предоставлен музею частным коллекционером и всего через неделю должен вернуться к владельцу. День Освобождения – идеальный момент для исчезновения реликвии. Мы с Вольгой осматриваем потолок в поисках ангара для дрона и находим его в верхнем левом углу зала – небольшой титановый щиток, вделанный в мрамор. Я киваю Вольге. Она натягивает паучьи перчатки и прыгает на стену. Перчатки прилипают к мрамору, и Вольга ползет по стене, пока не зависает под дверцей ангара. Затем достает из рюкзака четыре лазерных модуля, устанавливает их по сторонам дверцы и активирует. Над дверцей пересекаются два зеленых лазерных луча. Вольга энергично показывает мне поднятый большой палец и принимается искать другие ангары.

Я тычу Дано локтем в бок. Он встает.

Мальчишка исполняет пару шуточных па, балансируя на узком выступе дверного косяка, вспрыгивает на стену, цепляясь за нее паучьими перчатками, потом отталкивается ногами, делает сальто назад и приземляется на стеклянную витрину с военным шлемом золотых. Дано восстанавливает равновесие, выпрямляется и перескакивает с витрины на витрину, пока не достигает одной из ионических колонн. Он с ходу врезается в нее, обхватывает и взбирается наверх. Пока он карабкается, я через датапад вызываю автофлаер из гаража в пяти километрах отсюда. Флаер вливается в дорожный поток и автономно движется к музею. Дано перепрыгивает с колонны на колонну, словно блоха величиной с человека, пока не оказывается прямоком над нужной витриной. Он позволяет себе упасть, изворачивается в воздухе и приземляется на четвереньки – у меня колени болят при одном взгляде на это зрелище. Дано встает, нахально кланяется и вытаскивает из рюкзака лазерный резак. Когда он вырезает в витрине круглое отверстие, стекло светится. Потом Дано с триумфальной улыбкой достает лезвие-хлыст и поднимает в воздух.

Сирена срабатывает по расписанию.

Из динамиков вырывается пронзительный вой. Он разнес бы в клочья наши барабанные перепонки, если бы не акустические затычки. А так сирена звучит едва ли громче назойливого скулежа голодной собаки. Вторая защитная дверь закрывается за нами, запечатывая нас внутри. С потолка опускаются два модуля и начинают гнать лишаящий сознания газ. Но наши рециркуляторы работают, и нам все равно. Высоко на стене открывается ангар, и металлический дрон вылетает из своего укрытия – прямоком в лазерную сетку Вольги. И падает на пол

четырьмя дымиющимися кусками. Следом вылетает второй; его постигает такая же судьба, а Вольга тем временем отстреливает камеры. На окнах опускаются металлические щиты, блокируя нас. Я стою неподвижно, как дирижер в центре оркестра. Все эти переменные становятся на свои места в точности по плану. Адреналин развеивается, и на меня обрушивается тяжелая, бесформенная депрессия.

– Взломщик, найди выход, – бормочу я в интерком.

Вольга ссыпается со стены и присоединяется ко мне. В ее движениях ощущается возбуждение – она еще молода, поэтому весь этот спектакль ее впечатляет. Дано прыгает по колоннам обратно к арке и вырезает на ней лазерной дрелью неприличное слово.

– Клинок, – говорю я.

Он вертит его в руке. Лезвие-хлыст предназначено для человека, вдвое превосходящего Дано размерами.

– Такой мелкой мерзостью только хер щекотать!

– Клинок, – повторяю я.

– Конечно, босс.

Дано небрежно бросает его мне. Я перехватываю лезвие-хлыст в воздухе. Его рукоять слишком велика для моей руки. Настоящая слоновая кость и инкрустация золотой филигранью. В остальном клинок исключительно целесообразен. В виде хлыста он сворачивается, подобно тонкой спящей змее. Стремясь поскорее избавиться от грозного оружия, я укладываю его в пенопластовый футляр и сую в рюкзак.

– Ну что ж, ребятки... – Я открываю канистру изготовленной на заказ кислоты и выливаю ее на мраморный пол. – Пора сматываться.

7. Эфраим Арбитр

На следующее утро после ограбления – мой самый нелюбимый день в году – я попиваю водку и жду, когда арбитр завершит осмотр.

– Ну и каков ваш вердикт? – спрашиваю я, не скрывая нетерпения.

Худощавый мужчина демонстративно безмолвствует, восседая за столом, над которым до этого горбился чуть ли не час. Сверхдраматичная белая дрянь. Эти анемичные задницы считают мудрым изображать отчужденность, прячась за контрактами и коммерцией, как пауки за своими сетями. Во время судебных разбирательств Гипериона двести белых были приговорены к пожизненному заключению в Дипгрейве за участие в судебной системе золотых. А надо было посадить десять тысяч! Но остальных спасла амнистия, объявленная правительницей.

От скуки я рассматриваю пентхаус. Он обустроен с утонченным вкусом, со сдержанным тщеславием, популярным в высших кругах Луны: минималистский декор, полы из розового кварца и большие окна, за которыми сияет ночной пейзаж. На планетке, где три миллиарда человек лезут друг другу на голову ради возможности дышать, лишь оскорбительно богатые могут позволить себе так много пустого пространства.

Это жилище напоминает о множестве роскошных квартир, где мне доводилось бывать в качестве высококлассного сотрудника страховой компании «Пирей», еще до восстания. В те времена, когда я был полезен.

Высшие цвета смотрели на серых свысока, потому что мы вычищаем мусор. Низшие цвета нас ненавидели, потому что мусор – это они. Все прочие нас боялись, потому что мы семьсот лет были универсальным ножом государства. Черные? Почти все – цирковые уродцы. Работу выполняют серые. Мы эффективны, легко приспосабливаемся ко всему, и преданность системе у нас в крови. Для большинства мало что изменилось: хозяева новые, ошейник тот же.

Зеваю. Я опять слишком много думаю и потому глотаю золотон, встаю и принимаюсь расхаживать взад-вперед, пока наркотик чужой холодной рукой не возвращает мои блуждающие мысли к моему работодателю.

Осло – если его действительно так зовут – безобидное, невероятно педантичное существо, чудовищно спокойное, почти как робот. Он худощав и профессионален, в белом строгом кителе с жестким высоким воротником и рукавами по костяшки пальцев. Кожа у него черная, как чернила кальмара. Голова лысая, а радужки глаз нервирующе белые. Он поправляет цифровой монокль в правом глазу.

– Я полагаю, что это тот самый предмет, который желали получить мои клиенты, – произносит он звучным баритоном.

– Как я и сказал. Может, покончим наконец с этим?

Осло в последний раз склоняется над лезвием-хлыстом, потом выпрямляется и чрезвычайно бережно укладывает его в металлический кейс с гелевой изоляцией.

– Гражданин Хорн, вы, как всегда, своевременно доставили запрошенный предмет. – Он поворачивается ко мне, печатая на своем датападе. – Вы увидите, что оговоренная сумма зачислена на ваш счет в Эхо-Сити.

Я достаю свой датапад, чтобы проверить, есть ли поступление.

Осло приподнимает правую бровь:

– Я уверен, что все удовлетворительно.

– Ют, – бормочу я.

– Ют? – с любопытством переспрашивает он. – Ах да, жаргон легионеров. Означает утверждение, обычно употребляется, чтобы дать утвердительный саркастичный ответ офицеру, не вызывающему симпатии.

– Это называется «собачий язык», – говорю я. – А не «жаргон легионеров».

– Конечно. – Осло касается груди. – На самом деле я тщательно его изучал. Полагаю, меня можно назвать энтузиастом военного дела, в некотором роде. Традиции. Организация. «Мериуотер ad portas»³, – с улыбкой говорит он, цитируя фразу, которую семь веков выкрикивали легионеры в память о Джоне Мериуотере, американце, чье вторжение на Луну почти обратило вспять поток Завоевания, – напоминание о том, что враг всегда у ворот.

Я предпочитаю махнуть на это рукой, вспомнив, что Повелитель Праха сказал моей когорте в качестве напутственной речи. «Те, кого вы защищаете, не признают вас. Они вас не поймут. Но вы – серая стена между цивилизацией и хаосом. И они пребывают в безопасности в вашей тени. Не ждите похвалы или любви. Их невежество – доказательство успешности вашего самопожертвования. Ибо для нас, тех, кто служит государству, долг сам по себе должен быть наградой».

Ну или что-то в этом роде. Отличный брендинг. На мозги шестнадцатилетних действует как колдовские чары.

– Итак, что же следующее в списке нашего таинственного работодателя? – спрашиваю я. – Меч Александра? Великая хартия вольностей? Почерневшее сердце Кутул-Амона? А, знаю! Панталоны самой правительницы! Если она, конечно, носит...

– Больше ничего.

– Между нами говоря, я сомневаюсь, что она носит... стоп, что?

– Продолжения не будет, гражданин Хорн, – говорит Осло и берет кейс с лезвием-хлыстом.

– Никакого?

– Именно так. Мой клиент считал эти деловые отношения чрезвычайно удовлетворительными, но данный предмет будет его последним приобретением, завершением его коллекции. Таким образом, мы прекращаем наше сотрудничество. В дальнейшем ваши услуги не потребуются.

– Что ж, моему банковскому счету будет не хватать вас, – вздыхаю я, ощущая тошнотворную пустоту от осознания того, что больше нет работы, ждущей своего часа. Впервые за три года у меня не будет ничего под рукой. – Увы, ничто хорошее не вечно. – Я встаю и протягиваю руку высокому белому. Он осторожно встряхивает ее. Я продолжаю удерживать его ладонь. Платиновые кольца на моем указательном пальце впиваются в его кожу, тонкую, как папиросная бумага. – Так что же, вы мне даже не намекнете, для кого я воровал все это время? – Осло отдергивает руку, я же смотрю на него с прищуром. – Всего лишь намек.

Он бросает на меня ответный пристальный взгляд.

– Почему любопытство сгубило кошку? – спрашивает он меня.

– Разгадывание загадок – это часть требований к работе?

Осло улыбается:

– Потому, что кошка наткнулась на анаконду.

После ухода Осло я задерживаюсь в номере достаточно надолго, чтобы приглушить горечь его слов еще парой стопок водки. За окном корчится мой город башен. В темноте он выглядит красивее.

Лениво просматриваю содержимое своей адресной книги – чем бы отвлечься? Это море обломков: исследованные мною во всех подробностях тела, затянувшиеся и исчерпавшие себя полностью отношения... Захлебываясь в этом жалком цифровом болоте, глядя на город, который никогда не спит, в окружении миллиарда дышащих ртов я ощущаю, как в мою душу закра-

³ Отсылка к крылатому латинскому выражению «Hannibal ad portas» – «Ганнибал у ворот».

дывается отчаяние. В последний раз наливаю себе спиртного, желая погрузиться в полное бесчувствие.

Полдня спустя, после короткого сна и тарелки похмельной терранской лапши, я встречаюсь со своей командой, чтобы поделить деньги, хотя компания из меня сейчас неважная из-за годовщины. Ребята набились в кабинку претенциозного бара «Южный променад» на окраине Старого города и пьют коктейли яркой расцветки. Вольга вертит в массивных пальцах розовый зонтик. Сам бар находится в выпотрошенном корпусе старого рекламного дирижабля – его отремонтировал какой-то умелец, желая извлечь прибыль из иронии. Кажется, ему это удалось, несмотря на нормирование военного времени.

В баре полным-полно солдат, лощенных, разряженных серебряных, которые тусуются стайками, а также нуворишей из зеленых и медных. Все они оказались возле нужных рычагов, чтобы с появлением свободного рынка начать делать деньги, и теперь окружены прилипалами, сопровождающими их, словно стервятники с броским оперением. Это в основном средние цвета, и многие из них нервно поглядывают на Вольгу. Наша крупная девушка заказала для меня нечто, именуемое «Фурия с Венеры». Коктейль темный, как и давшая ему название Аталантия Гримус, и у него вкус лакрицы и соли. От каких-то его компонентов у меня перед глазами все дрожит, а в паху что-то набухает.

– Ну как тебе? – с надеждой спрашивает Вольга.

– На вкус как задница Повелителя Праха. – Я отставляю коктейль в сторону.

Вольга удрученно смотрит в стол. В мое затуманенное сознание медленно проникает жалость, а потом притупляется. Терпеть не могу такие бары.

– Ты знаешь, какова на вкус задница Повелителя Праха? – интересуется Кира.

– Да ты только глянь, сколько ему лет, – отвечает Дано, отрываясь от созерцания красивого топа розовой у барной стойки.

Девушка нервно поглядывает на его пирсинг в носу. Голова Дано выбрита наголо в популярной манере черных драконов.

– Наш мелкий прожил достаточно, чтобы испробовать все.

Я игнорирую его реплику, пытаюсь удержать приятные ощущения от водки Осло. Там, куда я направляюсь, они мне понадобятся.

– Чья была идея собраться в этой коммерческой дыре? – спрашиваю я.

– Не моя, – отзывается Дано, поднимая руки. – Здесь слишком мало голых сисек.

– Это моя идея, – с вызовом говорит Кира. – О нем писали в «Еженедельнике Гипериона». Видишь ли, Эф, людям свойственно получать удовольствие от смены обстановки. От чего-то нового.

– «Новое» обычно означает, что кто-то пытается сделать деньги на чем-то старом.

– Не важно. Это лучше, чем та забегаловка, куда ты ходишь травить свою печень. Здесь я, по крайней мере, не боюсь чем-нибудь заразиться прямо на входе.

– Давайте покончим с этим.

Я достаю свой датапад, поворачиваю, чтобы всем было видно, и перевожу долю каждого на его счет. Конечно, они сами увидели бы изменение баланса на своих датападах, как только я провел бы операцию в сети. Но есть что-то несказанно человеческое и приятное в том, чтобы лично понаблюдать, как движением пальца распределяются деньги.

– Готово, – говорю я. – По шесть сотен на каждого.

– И лайми столько же? – удивляется Дано. – Я думал, она получит половину.

– Черт возьми, тебе какое дело? – огрызается Кира.

– Остальные сделали свою работу без единой заминки. – Он снова пялится на ту девушку из розовых, разговаривающую с друзьями. – Так почему бы нам не получить небольшую премию за эту операцию?

– Мне не нужно никаких премий, – говорит Вольга.

Дано вздыхает:

– Ты не помогаешь делу, любовь моя.

– Какого хрена тебе причитается компенсация? – Кира подается вперед и свирепо смотрит на Дано из-за плеча сидящей между ними Вольги. – Что ты вечно суешь нос в чужие дела? Почему бы тебе не заняться собой? Лучше вылечи заразу, которую ты подцепил в трусах у розовых!

Я встаю:

– Ну что ж, это было весело. Постарайтесь ничего тут не подхватить.

– И он уходит, словно охотник на драконов. – Дано бросает взгляд на свой новенький сверкающий хронометр. Его стрелки украшены рубинами. – Две минуты ровно.

– Когда следующее дело? – спрашивает Кира.

– Да, босс, – говорит Дано. – Когда следующее дело? Кире надо оплачивать счета.

Она показывает ему средний палец и смотрит на меня с отчаянием, которое, похоже, предпочла бы скрыть. Жалкая картина.

– Ну так что? У твоего человека есть новая работа, верно?

– Не в этот раз. Мы все сделали.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказал. – Увидев, что по оконным стеклам стекают капли дождя, я поднимаю воротник.

– Эфраим, – жалобно говорит Вольга. – Ты только пришел. Ну хоть выпей. Давай закажем тебе что-нибудь еще?

Она подавленно глядит на меня, и на мгновение я задумываюсь над этим вариантом, но красноречивое молчание в зале заставляет меня обернуться. Вижу, как перед металлической дверью дирижабля маячат две высоченные фигуры. Золотые. На них черные куртки с погонами легиона; плечи возвышаются над головами прочих посетителей. Ауреи самоуверенно обшаривают зал взглядами, а потом один из них замечает ту розовую, на которую положил глаз Дано, и размашистым шагом направляется к барной стойке. Ему уступают место, и он без лишних церемоний заводит знакомство с красоткой. На груди у него значок – железный грифон. Аркосово отродье. Дано опускает глаза. Рука золотого медленно ложится на талию розовой.

– Босс... – произносит Дано, настороженно глядя на меня.

Я осознаю, что моя рука тянется к рукоятке пистолета, спрятанного под курткой.

Чертовы ауреи! Надо было зачистить большую их часть или изгнать в центр. Но этот шанс упущен. И все ради войны.

– Ну выпей хоть чуть-чуть, – ноет Вольга. – Будет весело. Давайте рассказывать друг другу всякие истории. И шутить, как это делают друзья.

– Вечно одно и то же!

Когда я покидаю дирижабль на гравилифте, похотливый смешок одного из золотых юнцов продолжает преследовать меня.

8. Лисандр Пропась

Раскаленный песок обжигает мои ноги. Они меньше, чем я помню. Бледнее. А чайки, мечущиеся над головой, намного крупнее и яростнее; они кружат и ныряют в море, такое синее, что я не могу сказать, где заканчивается океан и начинается небо. Ласковые волны зовут меня. Я был здесь раньше, но не могу вспомнить ни когда, ни как очутился на этом берегу.

Вдалеке – мужчина и женщина. Они оставляют легкие следы на песке, а волны постепенно, медленно, шаг за шагом поглощают их. А потом следы раз – и исчезают, как будто их никогда и не было. Я зову этих двоих. Они начинают оборачиваться, но я не вижу их лиц. Ни разу не смог их увидеть. Что-то позади меня отбрасывает тень на них, на песок; пляж и море темнеют, а ветер усиливается и его шум превращается в дикий вой.

Мое тело резко стряхивает сон.

Я один. Вдали от морского берега, на своей койке, весь в поту. В полумраке комнаты ритмично поскрипывает вентилятор. Я судорожно выдыхаю. Страх постепенно исчезает. Это был всего лишь сон. Надо мной на переборке бликует высеченный в металле девиз моего поверженного дома: «Lux ex tenebris» – «Свет из тьмы». И от этих слов расходятся, вращаясь, словно спицы колеса, идеалистические стихи юности, гневный, беспощадный текст отрочества, когда я весь был кровь и ярость и мною владели буйные страсти. А потом, наконец-то, я начал делать первые шаги к зарождающейся мудрости и ко мне пришло понимание того, что на самом деле я до ужаса мелок.

Мой отец никогда таким не казался. Я помню его беспредельное спокойствие. Морщинки у глаз, когда он улыбался. Его непокорные волосы, изящные руки, которые он клал на колени, когда слушал кого-то. В нем был безбрежный, неколебимый покой, умиротворенность, доставшиеся ему от отца, Лорна Аркоса, что служил чести и долгу под знаменем с грифоном. Чести и долга в этом мире не осталось. Но грифон все еще где-то летает.

У меня очень хорошая память. Во многом благодаря великому наследию моей бабушки, чьи наставления я бережно храню. Несмотря на это, лицо моей матери – ночная тень в моем разуме, вечно блуждающая над краем пропасти и ускользающая за пределы досягаемости. Я слышал, она была неистовой, чрезвычайно амбициозной женщиной. Но история часто лепится из грязной глины теми, кто уцелел. Сам я почти не помню матери и знаю о ней в основном со слов бабушки, которая так горевала после ее смерти, что даже запретила слугам произносить имя погибшей. Какой она была? Немногие снимки, найденные мной в голографической сети, не отличаются четкостью, сделаны с расстояния. Как будто она была призраком и камеры не способны были запечатлеть ее. А теперь время стерло лицо матери из моей памяти, как волны стирают следы ног на песке.

Я был еще маленьким, когда звездолет моих родителей взорвался над морем.

Говорят, это сделали террористы. Пираты с окраины.

Лишь читая стихи матери в ее блокнотах, я чувствую, как ее сердце бьется рядом с моим. Ощущаю ее руки, обнимающие мои плечи. Ее дыхание на моих волосах. Ту странную магию, которую так любил мой отец.

– Снова ночные страхи?

Голос наставника заставляет меня испуганно вздрогнуть. Он стоит, заглядывая в мою комнату; золотые глаза в приглушенном ночном освещении звездолета напоминают темные озера. Его мощные плечи перекрывают дверной проем, и он наклоняет голову, опасаясь низкой притолоки. Где-то за пределами моей маленькой металлической каюты успокаивающе гудят двигатели. Здесь хватало места, когда я был мальчиком. Но теперь, в двадцать лет, я чувствую себя словно домашнее растение, чьи корни и ветки торчат из треснувшего глиняного горшка.

Все пространство между моей койкой, крохотным шкафом и санузлом занято книгами. Спасёнными, украденными, купленными и найденными за последние десять лет. Рядом с кроватью лежит мой новый трофей, третье издание «Аэронавта».

– Всего лишь сон, – говорю я. Мне не хочется выглядеть уязвимым в его глазах, потому что я знаю, каким юным меня все еще считает этот марсианин. Я опускаю свои худые ноги на пол и собираю копну волос в хвост. – Мы прибыли?

– Только что.

– Вердикт?

– Любезный, я что, похож на камердинера?

– Нет. *Она* была намного вежливее. И манеры у нее были куда лучше.

– Как восхитительно – делать вид, что у тебя была только одна служанка.

Я приподнимаю бровь:

– Кто бы говорил, принц Марса.

Кассий Беллона недовольно ворчит:

– Так ты собираешься спать весь день или все-таки встанешь и помотришь сам?

Он кивком велит мне следовать за ним. И я подчиняюсь – как делаю это вот уже десять лет. За ним шлейфом тянется запах виски.

Некогда миры называли Кассия Рыцарем Зари, защитником Сообщества, убийцей Ареса. Потом он убил свою правительницу, мою бабушку, и позволил восстанию разорвать на части то самое Сообщество, которое клялся защищать. Это из-за него Дэрроу уничтожил мой мир и поверг Сообщество в хаос. Я никогда не смогу простить Кассия и никогда не смогу отплатить ему за все, что он для меня сделал. Он помешал Севро Барка убить меня. Он забрал меня с испепеленной Луны, погрузившейся в хаос, и десять лет защищал меня, дал мне дом, вторую семью. Нас можно принять за братьев, и зачастую так и случается. Наши волосы одинаково сверкают золотом, только у него они вьющиеся, а у меня прямые. Мои глаза светлые, как желтый кристалл. Его – темно-золотые. Он на полголовы выше меня и шире в плечах, и черты лица у него более мужественные – густая остроконечная борода, крупный, четко очерченный нос. А мое лицо худощавое и аристократическое, как и у большинства выходцев с Палатинского холма. Я предпочел бы не выглядеть таким утонченным.

Мое имя Лисандр Луна. Я назван в честь противоречивого человека, спартанского полководца с умом афинянина. Как и этот человек, я получил при рождении больше, нежели причиталось мне по праву, – наследие титанов и разрушителей миров. Я родился через семьсот лет после своего предка Силениуса, завоевавшего Землю. Я сын Брута Аркоса и Анастасии из рода Луны, наследник империи. Сейчас эта империя расколота, больна и настолько опьянена войной и политической смутой, что вполне может пожрать себя еще при моей жизни. Но она уже не принадлежит мне. Когда я был мальчиком, в день падения дома Луны Кассий, преклонив колено, поведал мне о своей благородной миссии. «Золотые забыли, что их предназначение – заботиться, а не править. Я отвергаю свою жизнь и принимаю этот долг – защищать человечество. Ты присоединишься ко мне?»

У меня не осталось семьи. Мой дом был охвачен войной. И более того, я хотел быть хорошим. Поэтому я сказал «да», и последние десять лет мы патрулировали окраины цивилизации, защищая тех, кто не может сам себя защитить в новом мире Жнеца. Мы блуждали между астероидами и заводскими доками в поясе астероидов, а планеты вокруг нас изменялись и в центре бушевала война. Кассий привел нас сюда в поисках искупления, но, сколько бы торговых кораблей мы ни спасли от пиратов, скольким бы потерпевшим бедствие ни пришли на выручку, глаза его оставались мрачными, а мне продолжали сниться демоны прошлого.

Я натягиваю изъеденный молью серый свитер и босиком плетусь следом за Кассием, проводя руками по стенам.

– Привет, малыш, – говорю я. – Ты сегодня какой-то усталый.

«Архимед» – старый пятидесятиметровый корвет класса «шепот» с некогда великих верфей Ганимеда, с тремя орудиями и двигателями, которым хватит мощности донести его от Марса до Пояса по ближней орбите. Этот корабль, сконструированный в форме головы атакующей кобры, предназначен для разведки и рейдов. Сто лет назад он был лучшим в своем классе, но его расцвет позади. Большая часть повседневных дел в моем отрочестве сводилась к чистке внутренней части корпуса от ржавчины, смазыванию механизмов и починке электрики.

Но при всей этой заботе больше всего я люблю шрамы «Архи». Маленькие родинки, делающие его нашим домом. Вмятина под кухонной плитой – это Кассий упал и ударился головой, напившись после известия о свадьбе Дэрроу и Виргинии. Обугленные панели на потолке – это Пита устроила пожар в день моего рождения, когда мне исполнилось двенадцать. Она принесла праздничный торт и поставила свечи слишком близко к протекающей кислородной трубе. Царапины на стенах тренировочного зала – от ударов лезвия-хлыста. Сколько воспоминаний сплетено здесь воедино, подобно тем стихам над моей койкой!

Я вхожу в уютную кабину в форме яйца. Здесь расположены место для пилота и два встроенных сиденья для наблюдения. Изначальное боевое освещение было снято и заменено более теплыми светильниками. Пол покрыт толстым андалузским ковром. Над пультом управления растут несколько рядов мяты и жасмина – я купил их в подарок Пите в уличном цветочном магазине одного фиолетового на Висячем рынке Цереры. В углу курятся благовония с гор Эреба, расположенных неподалеку от дома семьи Кассия на Марсе. Кассий и Пита, наша пилотесса-синяя, смотрят в иллюминаторы кабины.

Снаружи находится грузовоз, из-за которого пришлось отклониться от курса. Мы летели на станцию Лакримоза ремонтировать корабль после стычки с охотниками за шрамами, случившейся в прошлом месяце, и поймали сигнал бедствия в Пропасти, в пространстве между владениями республики и окраины. Я сказал Кассию, что это слишком опасно – выяснять, в чем там дело, когда у нас так мало продовольствия. Но в последнее время нас направляет скорее сердце Кассия, чем его голова.

Грузовоз в иллюминаторе представляет собой гигантский куб со стороной в пятьсот метров. Большая часть его палуб открыта вакууму, согласно конструкции, а решетчатая надстройка удерживает тысячи грузовых контейнеров. Судя по регистрационному номеру, это «Виндабона» с торгового хаба на Церере. Она дрейфует и погружена в темноту – очень странно и очень опасно для Пропасти. Мимо нас проплывают несколько диких астероидов размером с город; ледяные кристаллы на их поверхности посверкивают в темноте. Мы воспользовались одним из них, чтобы замаскировать наше приближение. Гражданские приборы «Виндабоны» никогда не засекали бы военный корабль вроде нашего в этом медвежьем углу, но меня напрягает не грузовоз. Я проверяю датчики в поисках признаков во тьме.

– Ну ладно, это тягловая сучка из дальнего космоса, конечно, – бормочет Пита так монотонно, что не разобрать ни знаков препинания, ни интонации. – Возможно, набита железом на сотню миллионов кредитов. Чтоб мне пусто было, хотела бы я примкнуть к этой команде.

– Тебе обязательно ругаться прямо с утра? – спрашиваю я.

– Дерьмо! Извини, лунный мальчик. Забываю следить за своими гребаными манерами.

Пите изрядно за пятьдесят. У нее холодные светло-голубые глаза и кожа цвета грецкого ореха. Как и все синие, она сохраняет способность к особой настройке нервной системы, улучшающей взаимодействие человека с компьютером, но затрудняющей общение за пределами коммуны синих. У нее напрочь отсутствуют светские навыки, которые отличают пилотов палатинских челноков.

Мой наставник кривится.

– Экипаж получит неплохие деньги, – цедит он. – Капитану могут дать долю, чтобы обеспечить его лояльность, ведь там плавают сто миллионов кредитов какого-то торгового лорда.

– Долю, говоришь?.. Какая новаторская идея для капитана: урвать долю... – брюзжит Пита.

– Увы, ты пилот, а не капитан.

– Брось, Беллона. Если уж начистоту, между нами, у вас с лунным мальчиком должны быть десятки секретных банковских хранилищ. Как ты думаешь, почему я пошла к вам на работу? Уж не ради твоего точеного подбородка, господин, – саркастически произносит Пита. – Я уверена, что такие орлы, как вы, прячут несколько счетов в потаенных гнездах.

Она издает странный смешок себе под нос и снова переводит взгляд на поток данных, бегущие мимо буквы и цифры. Нетренированное ухо услышало бы в ее речи марсианскую протяжность, и только. Но я улавливаю пряный запах Фессалоники, этого города винограда и дуэлей, белоснежного и жаркого, раскинувшегося у Термического моря на Марсе. Более всего он известен вспыльчивостью своих жителей и длинным списком деяний самых известных своих сыновей – этих негодяев, братьев Рат.

Вероятно, именно из-за своего фессалоникийского чванства Пита и вылетела из Полуночной школы. Затем опустилась до контрабанды, и ее посадили. Тогда-то, восемь лет назад, и пересеклись наши пути. Кассий, узнав, что она марсианка, освободил ее из тюрьмы в шахтерском городке и предложил работать у нас. С тех пор как Пита поднялась к нам на борт, я определенно выучил немало новых слов.

Лысая и босая Пита откидывается на спинку пилотского кресла, потягивая кофе из пластмассовой кружки с динозавром, – много лет назад я выиграл ее в торговых рядах на Фобосе. На Пите серые хлопчатобумажные брюки и старая толстовка. Ноги у нее тонкие, как у кузнечика, – правую она подогнула под себя, левую свесила с края кресла. Оно сделано в форме половинки сваренного вкрутую перепелиного яйца с вынутым желтком. Сзади серая металлическая спинка кресла обросла, словно второй кожей, наклейками и переводными картинками на тему детских видеоигр. Хоть корабль и принадлежит Кассию, Пита оставила здесь свой след.

– Сандр, что думаешь?

Я осматриваю корабль через иллюминатор.

Кассий вздыхает:

– Вслух.

– Это грузовоз «ВД Аурах-Зет». Если я не путаю, четвертое поколение.

– Не вилай. Мы оба знаем, что ты не путаешь.

Я раздраженно потираю сонные глаза:

– Сто двадцать пять миллионов кубометров грузоподъемности. Один главный гелиевый реактор «Гастрон». Построен на верфях Венеры, примерно в пятьсот двадцатом году эпохи Завоевания. Экипаж – сорок человек. Один промышленный стыковочный отсек. Две вспомогательные установки. В общем, явный контрабандист.

– Похоже, у этой ходячей энциклопедии какашка в носу, – растягивая слова, говорит Пита.

Она наливает кофе из кофейника в кружку и вручает ее мне. По мне, так лучше бы это был чай.

– Последние зерна смолола, больше не будет кофе, пока не попадем на Лакримозу. Растягивай удовольствие, ворчун.

Я проскальзываю на место позади Питы, делаю глоток и морщусь: кофе слишком горячий.

– Извините. Я пропустил ужин.

– «Я пропустил ужин», – повторяет Пита, передразнивая мой акцент.

Рожденный на Луне, на Палатинском холме, я, увы, унаследовал самое что ни на есть стереотипное произношение высокородного наречия. Очевидно, другие находят это смешным.

– Разве мы не слуги и не должны кормить его величество с ложечки?

– Заткнись, на хрен! – отвечаю я, имитируя фессалоникийскую бравладу. – Так лучше?
– Прямо напугал.
– Пропустил ужин... Неудивительно, что ты такой тощий, – говорит Кассий, ущипнув меня за руку. – Осмелюсь сказать, любезнейший, в тебе даже ста десяти килограммов нет.
– Приемлемый у меня вес, – возражаю я. – Как бы то ни было, я об этом читал.
Он безучастно смотрит на меня.
– У тебя свои приоритеты, у меня свои, крепыш, – продолжаю я. – Так что отвали.
– Я в твоём возрасте...
– ...Перепортил половину женщин Марса, – усмехаюсь я. – И возможно, считал, что оказываешь им честь. Да, я в курсе. Уж извини, но я нахожу чтение более просветляющей страстью, чем празднества плоти.

Он сверлит меня взглядом, явно забавляясь:

– Однажды найдется женщина, которая тобой закусит.
– Сказал человек, едва избежавший львиной пасти, – парирую я.

Пита застывает и в течение долгой неловкой паузы смотрит на Кассия, пока ее арифметический мозг пытается угадать, обиделся ли он.

Я снова делаю глоток кофе и киваю в сторону чужого корабля:

– Если вернуться к сути вопроса, никакая законная марсианская или лунная корпорация не отправила бы этих бедолаг в Пропась без сопровождения. Особенно с учетом того, что здесь рыщут аскоманы. Солнечная эмблема Юлиев-Барка подделана: у этого солнца неправильный оттенок красного. Оно должно быть алым, а тут киноварь. Синдикат бы это понял. Итак, перед нами мелкие контрабандисты. Как и сказала Пита, наверняка вывозят руду из какой-то автономной шахты в обход таможни. И пожалуйста, Кассий, хватит меня испытывать. На данный момент ты знаешь, что я знаю.

Кассий бурчит. Он все еще уязвлен отповедью насчет «львиной пасти». Было мелочно с моей стороны говорить так, и я сам себе кажусь ничтожеством из-за того, что это сказал. Если два прекрасных человека десять лет дышали одним и тем же восстановленным воздухом, то неудивительно, что порой они ведут себя по отношению друг к другу как сущие дьяволы. В конце концов, именно потому синих растят в коммунах.

– Черт возьми, быть такого не может, чтобы цвет назывался «киноварь»! – удивляется Пита.

Конечно, ее так же изгнало окружение, как и нас. Понятия не имею почему.

– Больше похоже на фамилию какого-нибудь серебряного, – добавляет она. – Ха-ха!

– Спорим, это правда? – азартно предлагаю я.

Она не обращает на меня внимания.

– Черт побери! Надо быть редкостным недоумком, чтобы отправиться в Пояс, не имея ни ног, чтоб убежать, ни когтей, чтобы драться. До ближайшего военного корабля республики десять миллионов километров. – Пита допивает кофе и откусывает черничный хвост кофейной жвачки «Комета в космосе». Оставшийся белый хвост она предлагает мне, но я отказываюсь. – А если предположить, что сигнал бедствия был случайностью? Звучал он недолго.

– Сомнительно, – отвечает Кассий.

Здесь слишком темно, чтобы разглядеть, есть ли на бортах «Виндабоны» подпалины – верный признак насильственного проникновения. Я не вижу ни одной, но это еще ничего не доказывает.

Пита переводит взгляд на Кассия:

– Так что, рискнем окликнуть их?

– Давайте пока не будем заявлять о себе. – Кассий смотрит на меня и произносит слово, пришедшее на ум нам обоим: – Ловушка?

– Возможно. – Я преувеличенно активно киваю, чтобы компенсировать свою предыдущую колкость; впрочем, он не выглядит обиженным. – Возможно, к одному из этих астероидов пришвартован пиратский корабль. Смею заметить, мы уже видели такое прежде. Подать сигнал бедствия для приманки, а потом сидеть и ждать. Но... здесь это чрезвычайно необычно. Если это ловушка, то она плохо продумана. Кто бы стал здесь шляться? Никто не любит Пропась.

– Значит, надо с этим разобраться, – говорит Кассий тоном инструктора.

– Но осторожно, – добавляю я. – На борту могут быть люди. И пока не стоит рисковать «Архимедом».

– Абсолютно согласен. Так что же нам делать, любезный?

Я улыбаюсь и отставляю кружку с кофе.

– Что ж, Кассий... Я бы сказал, нам следует надеть наши танцевальные туфли.

Мы с Кассием плывем в пространстве к продолговатому астероиду. Тот лениво вращается во тьме. Жилы льда поблескивают, проглядывая сквозь каменистую шкуру, пока мы спускаемся на этот кусок скалы, на край темного каньона, достаточно большого, чтобы туда поместилась цитадель Света. Затормаживаем на крутом зубчатом склоне. В ушах у меня эхом отдается собственное дыхание. Внизу раскинулась темнота, уходящая в бездонные глубины астероида. Сильно сомневаюсь, чтобы на этот холодный кусок камня когда-либо ступала нога человека, и уж точно никто не заглядывал в его недра. Я считаю своим долгом поддаться искушению и осветить в каньон. Щелкаю переключателем на предплечье, и луч света рассекает тьму, но та пожирает его в глубине. Дна не видно. Но, по крайней мере, человеческие глаза в этом убедились.

– Выключи, – приказывает по интеркому Кассий.

– Извини. Искал космических червей.

– Биологический абсурд, – бормочет из кабины Пита. – Органическим тканям нужны калории. Чем тут питаться червям?

– Космонавтами, – с улыбкой говорю я.

– Космонавтышами, – поправляет Кассий.

Родись я в другое время, стал бы исследователем. Я в этом уверен. С самого детства меня влекло все далекое, неизведанное. В цитадели я мечтал о том, как буду плыть сквозь яростный свет далеких туманностей и составлять карты звездных морей. Великий философ Саган некогда учил, что стремление к исследованиям заложено в самой природе нашего вида. Несмотря на сумбур сегодняшнего дня, мы живем в эпоху новых открытий. Возможно, сейчас делает свои первые шаги какой-нибудь ребенок – мальчишка или девчонка, – и однажды этот гений создаст двигатель, способный унести нас от нашей единственной звезды со скоростью, превышающей скорость света. За пределы человеческой плесени. Будет ли нынешний хаос стоить одного этого изобретения?

Я часто думаю: что могли бы сделать люди, если бы не нужда? Если бы не приходилось за что-то сражаться? Ведь пространство бесконечно, значит можно бесконечно исследовать его, и давать имена, и наполнять жизнью и искусством. Я улыбаюсь этому приятному вымыслу. Человеку дозволено мечтать.

Не желая загонять «Архимед» в ловушку, мы с Кассием пятнадцать минут назад вышли в скафандрах из шлюза и направились к ближайшему астероиду. Здесь мы переориентируемся, оттолкнемся и двинемся к неповоротливой «Виндабоне», к бесчисленным рядам грузовых контейнеров. Они дрейфуют, подвешенные между металлическими балками, которые соединены тросами и проволочной сеткой.

Мы с Кассием пускаем в ход реактивные ранцы, чтобы замедлить приближение, и устраиваемся в плавающей углеродной сетке, скрепляющей ряд зеленых контейнеров. Они помечены звездой республики. С помощью Питы, ведущей нас по интеркому, мы перебираемся

вдоль борта корабля к центральному служебному шлюзу. Там я отвинчиваю панель запорного механизма двери и взламываю консоль; оранжевые двери бесшумно открываются. Мы вливаем в шлюз. Внешняя дверь закрывается у нас за спиной. Мы держимся за металлические перекладины внутри. На потолке мигает красный огонек: в шлюзе завершается цикл. В кабине медленно возникает атмосферное давление. Потом появляется кислород. Наконец добавляется гравитация. Мы достаем из ножен на боку лезвия-хлысты. Пара серебристых языков металла в два метра длиной лениво плавают в воздухе, сжимаясь до мечей длиной в метр, когда мы переключаем их в жесткое положение. Меч Кассия прямой. Я же предпочитаю слегка изогнутый клинок в виде полумесяца моего дома. Красный свет индикатора сменяется зеленым, и внутренняя дверь шлюза открывается с астматическим вздохом. Как всегда, Кассий старается пройти первым, потом оглядывается, проверяя, следуя ли я за ним.

Ремонтный отсек пуст, не считая инструментов и висящих на крючках древних скаффандров. Встроенные в серый потолок тусклые светильники мигают, отбрасывая тени. На индикаторе вспыхивает зеленый огонек, и я убираю шлем в небольшую полость у основания шеи, вдыхая запах чистящего раствора и масла. Он напоминает мне о начале нашей совместной с Кассием жизни, когда мы прятались по захолустным транспортным хамам, выискивая корабль, который мог бы умчаться нас с Луны. Прочь от восстания.

Это было время одиночества. После побега я ощущал, что лучшая часть меня отрезана. Больше никогда я не услышу, как бабушка окликает меня, никогда не пройду следом за Айей по дорожкам сада на тренировку рано утром, еще до того как проснулись птицы пахельбели... Все, кто когда-либо любил меня, умерли.

Я был один. И не просто один – на меня охотились. Я сбрасываю воспоминания в космический вакуум: бабушка учила меня прятать их там, чтобы они меня не сокрушили, как это случилось в детстве с ней самой.

– Орел вызывает Наседку. Мы внутри. Уровень шестнадцать. Никаких признаков жизни, – говорит Кассий.

– Орел, принято. Попробуй на этот раз сперва воспользоваться словами, а не лезвиями.

– В отличие от некоторых известных мне пилотов, Наседка, у меня безупречные манеры.

– Капитан, – с нажимом произносит она. – Зови меня капитаном.

– Как скажешь, пилот. – Кассий убирает шлем и подмигивает мне.

С момента нашей первой встречи его лицо посуровело. Но время от времени в его глазах вспыхивает этот огонек – словно зажгли свет в далеком шатре, и тебе становится тепло, даже если ты еще в пути, еще не достиг цели. Вот и я не достиг. Он думает, я не вижу, как глубоко он ранен. Но мне ясно, что я заменил ему брата, которого в училище убил Дэрроу из Ликоса. Иногда Кассий смотрит на меня, и я понимаю, что он видит Юлиана.

Доля эгоизма во мне все-таки есть, и поэтому я хочу, чтобы он просто увидел меня.

Я следую за Кассием по коридору. Корабль пуст и погружен в безмолвие. Что-то здесь не так... Мы тихо пробираемся дальше и довольно скоро натываемся на пятно крови в боковом проходе, ведущем к центральному лифту. По кровавым следам приходим к отсеку спасательных капсул по правому борту, и там, за большими дверями, обнаруживаем следы бойни.

Засохшая на стенах кровь. Телесные жидкости, скопившиеся на покрытом вмятинами полу. Помещение заполнено резким запахом железа и рвоты, таким сильным, что меня самого стошнило бы, если бы не пристальный взгляд Кассия. Дверь спасательной капсулы вся в красных отпечатках рук, как будто люди пытались вырваться отсюда. Но тел здесь нет. Я сосредоточиваюсь и пытаюсь осмотреть комнату мысленным взором – отстраненным, аналитическим, как учила меня бабушка.

– Экипаж перебили здесь. Примерно день назад, – говорю я, изучая состояние крови.

Давным-давно, еще подростком, я по приказу бабушки ездил вместе со следователями секретной службы на места убийств в Гиперионе, чтобы раз и навсегда усвоить: под пленкой

цивилизovanности, под хорошими манерами может таиться варварство. Я опускаюсь на колени и начинаю изучать обстановку.

– Судя по брызгам крови, я бы предположил, что нападавших было двое. Мужчины или женщины нашего роста или выше – взгляните на отпечатки ботинок. Следов взрыва или обгоревших мест нет, значит здесь действовали лезвиями-хлыстами... и молотками.

– Аскоманы, – мрачно резюмирует Кассий.

– Да, вещдоки это подтверждают. – Я беру пальцем образец крови и провожу им по датпаду, вделанному в разъем моего скафандра на левом предплечье. – Маркеры ДНК бурых, алых и синих. Наши контрабандисты. Несколько человек убили и вытащили отсюда. Остальные в тот момент были еще живы.

– Пита, следишь? – спрашивает Кассий.

– Да, – тихо отвечает она по интеркому. Наши скафандры снабжают ее в том числе и визуальными эффектами. Она более чувствительна к насилию, чем мы. – Со стороны Пропasti нет никаких признаков сигнатуры корабля. Но если вам все равно, поторопитесь, пожалуйста, а? У меня какое-то нехорошее предчувствие.

Как и у меня.

Слово «аскоманы» происходит от древнегерманского «люди пепла». Первые викинги передвигались по рекам Европы на ладьях из ясеня и оставляли за собой пепелища.

Когда-то аскоманы были всего лишь легендой дальнего космоса, смутные слухи о них передавались от торговцев и контрабандистов к новым рекрутам в темных ямах дешевых пивных на астероидах или забегаловках в стыковочных доках. Говорили, будто в глубинах космоса таятся племена черных, которые уцелели в ходе выбраковки, устроенной Сообществом сотни лет назад, после Темного восстания. Истребительные батальоны, возглавляемые представителями нашего дома, вместе с рыцарями-олимпийцами охотились на аскоманов и вынудили тех к бегству. Они много лет досаждали дальним колониям Нептуна и Плутона, оставаясь для центра не более чем мифом.

Но теперь, когда диаспора черных укоренилась на полюсах Земли и Марса, миф превратился в реальность. Группировки черных, отвергнутых странным новым миром, освобожденных от военного рабства у господ-золотых – или измотанных войной Жнеца, – воспользовались легендой о своих предках.

Они не покинули Страну льдов, а скорее принесли вечный лед к звездам.

Внутри лифта, где кровавый след заканчивается, кнопка тринадцатой палубы вымазана содержимым кишечника. Кассий нажимает ее рукоятью клинка. Пока мы поднимаемся, я чувствую, как моего друга переполняет праведный гнев. И заражаюсь им.

Захрипев, лифт останавливается, содрогается, двери расходятся, и открывается коридор, ведущий на тринадцатый уровень старого корабля. Дешевые белые светильники освещают заброшенные коридоры, отбрасывая злые, резкие тени. В потолке дребезжат вентиляторы с забившимся фильтром. Посреди коридора красный след делит заржавевший металл надвое. По обе стороны виднеются размазанные отпечатки ладоней, словно красные крылья бабочки. Кассий впереди, я за ним – мы идем по этому следу, держа лезвия-хлысты позади и на отлете, как учила нас Айя, а руку с эгидой перед собой. Наручи неактивные и холодные, но готовы в любое мгновение выпустить энергетический щит-эгиду площадью в квадратный метр. У моего правого бедра висит новый плазменный пистолет.

Выцветшими желтыми символами обозначены туалеты и каюты экипажа. Мы проверяем помещения на ходу. Несколько первых покинуты в спешке. Кровати не застланы, перевернутые картины и стулья свидетельствуют о борьбе. Членов экипажа застали спящими. В следующей каюте мы обнаруживаем то, что осталось от команды: трупы свалены в кучу у дальней стены. Из-под этой груды тел натекла лужа крови и успела уже застыть, в ней я вижу отражение одинокого, вытаращенного от ужаса глаза. Я бросаюсь туда, оттаскиваю мертвых в сторону и

нахожу внизу шестерых дрожащих выживших. Они избиты, связаны, их ноги прикручены к рукам. Я наклоняюсь, чтобы освободить их, но они дергаются, издавая нечеловеческий визг. Кассий опускается на колени и снимает правую перчатку, чтобы показать им знак золотого на запястье.

– Сальве⁴, – звучно произносит он, и пленники успокаиваются, знак придает им мужества. – Сальве, друзья, – повторяет Кассий.

Они обшаривают взглядами его лицо и видят шрам нобилия. Шрам, которого я так и не заслужил.

– Господин, – бормочут они, плача. – Господин...

– Мы пришли с миром и хотим помочь вам, – объявляю я, вынимая кляп изо рта пузатого алого.

Один его глаз опух из-за рассеченной брови. От него пахнет мочой.

– Сколько их? – спрашиваю я.

Его кривые зубы стучат с такой силой, что он не может произнести ни слова. Интересно, доводилось ли ему прежде разговаривать с золотым? Мне очень жаль его. Я кладу руку ему на плечо, желая его утешить. Он отшатывается.

– Сальве, добрый человек, мир тебе, – мягко говорю я. – Теперь вы все в безопасности. Мы пришли помочь. Скажи, сколько их.

– Пятнадцать. Может, больше, господин, – шепчет он с сильным фобосским акцентом, пытаясь сдержать слезы.

Я смотрю на Кассия. Пятнадцать – это слишком много, ведь мы без импульсных доспехов.

– Вожак, он... он на мостике с капитаном. Вы лунные лорды?

– Как они попали на борт? – спрашиваю я, игнорируя его вопрос. – У них есть свой корабль?

Алый кивает:

– Пришли с астероидов, да. Терикс, наш рулевой, заснул на связи. Пьяный. – Он содрогается. – Мы проснулись и... Проснулись, а они уже в коридорах. Мы пытались бежать. Добраться до спасательных капсул. Они наказали нас...

Алый продолжает стучать зубами. Я так близко, что вижу угри на его носу картошкой. Вены на шее вздуты из-за перераспределения жидкости при длительном полете в условиях низкой гравитации. Он бледен и хил. Я готов поспорить – бедолага уже полжизни не чувствовал солнечного тепла.

– Их корабль взял нас на abordаж через грузовой ангар.

– Тогда понятно, почему мы его не увидели, – говорю я Кассию.

Тот не обращает на меня внимания.

– Почему вы забрались так далеко с полной загрузкой? – спрашивает он алого.

– Не надо было... не следовало нам брать деньги.

– Деньги от кого? – настораживаюсь я.

– От пассажира. От золотой.

Мы с Кассием переглядываемся.

– У вас на борту есть золотая? – Кассий хмыкает. – Со шрамом?

– Нет, она не из нобилей, – качает головой алый, и Кассий с облегчением вздыхает. –

Она пришла к капитану на Психее. Заплатила нам за... – Он сглатывает и смотрит за нас, словно ожидая, что сейчас тут появится черный. – Она заплатила нам, чтобы мы высадили ее на астероид... Эс – тысяча триста девяносто два.

– Это у самого края Пропasti, – говорю я. – Совсем рядом с окраиной.

⁴ От *лат.* *salve* – здравствуйте.

– Угу. Капитан сказал ей, что там ничего нету, но она заплатила за фрахт. Говорил я ему: не связывайся с золотыми. Но он не послушал. Он никогда не слушает...

– Она назвала имя? – спрашивает Кассий.

– Никаких имен. – Альый снова мотает головой. – Но она разговаривала, как вот этот. – Он кивает на меня, и я знаю, что Кассий думает о том же: черные пришли сюда за кораблем или за золотой?

– Может, это и не аскоманы, – предполагаю я. – Может, это люди Жнеца.

– Дэрроу не стал бы убивать мирных жителей.

– В этой войне две трети погибших – мирные жители, – резко возражаю я. – Или ты забыл, какую резню устроила на Луне орда Сефи?

– Отнюдь. Как не забыл и Новые Фивы, – отвечает Кассий, напоминая, как мой крестный, Повелитель Праха, подверг бомбардировке с орбиты один из самых больших городов Марса, когда тот был захвачен силами восстания.

– Мальчики, – пробивается через потрескивание голос Питы, пресекая возникшее между нами напряжение. – Мальчики, у нас компания.

– Сколько? – уточняет Кассий.

– Три корабля на подходе.

Я встаю:

– Три?

– Какого черта ты говоришь нам об этом только сейчас?! – рывкает Кассий.

– Их было не видно из-за астероида. Должно быть, те вызвали подмогу, чтобы утащить «Виндабону».

Члены экипажа чувствуют наше беспокойство и снова начинают дрожать от страха.

– Какого типа корабли? – спрашиваю я.

– Военные, третьего класса, – отвечает Пита. – Два четырехпушечных улана и восьмипушечный корвет класса «шторм». Это аскоманы.

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю я.

– У них трупы на корпусах.

– Это чертов охотничий отряд... – Кассий тихо ругается: мы могли бы схватиться на равных с уланом, но корвет класса «шторм» разнесет «Архи» в клочья. – Сколько у нас времени?

– Пять минут. Меня пока еще не заметили. Я предлагаю вам валить с этого драндулета.

Я торопливо разрезаю веревки на остальных пленниках.

– Наседка, отходи от астероида и гони к стыковочному шлюзу «Виндабоны», – говорит Кассий. – С нами люди, которых надо эвакуировать.

– Если я подойду, они меня увидят, – говорит Пита.

– У них могут быть пушки, но у нас-то есть двигатели, – отвечает Кассий.

– Принято.

– Вы все способны передвигаться на своих ногах? – обращается Кассий к членам экипажа, но те молча тарашатся на него. – Что ж, а придется. Черные все еще рядом. Вы видите их. Держитесь вместе и пробирайтесь к шлюзу. Драться предоставьте нам. Вы повинуетесь каждому моему слову, или я оставлю вас тут умирать. Кто понял – кивните. – (Они кивают.) – Хорошо.

– А как же та золотая? – тормошу я Кассия. – Возможно, она еще жива.

– Ты слышал, что сообщила Пита, – бросает Кассий. – У нас нет времени.

– Я не оставлю никого на милость этих варваров. Особенно одну из нас. Это непорядочно.

– Я сказал «нет»! – рывкает Кассий, едва не назвав мое имя при контрабандистах. – Оно того не стоит – рисковать жизнью многих ради одного человека. – Он осматривает дрожащих членов экипажа. – Соблюдать тишину. Держаться вместе. А теперь следуйте за мной.

Кассий, как всегда, выходит первым, прежде чем я успеваю ответить.

Пленники изо всех сил спешат за ним по коридору – тем путем, которым мы сюда пришли. Я прикрываю тыл и поддерживаю хромающего бурого. Кость его правой руки торчит из прорехи в зеленом комбинезоне. Кассий оглядывается – проверить, не отстаю ли я. Мы входим в лифт, чтобы спуститься на третью палубу. Но за миг до того, как двери закрываются, я выскакиваю оттуда, даже не взглянув на Кассия.

– Черт побери, мальчишка! – кричит он по интеркому, когда двери уже сомкнулись и лифт двинулся вниз. – Ты вообще соображаешь, что делаешь?

– То, что сделал бы Лорн, – отвечаю я и возвращаюсь прежним маршрутом. Кассий говорит, что у нас нет времени, но я знаю, как он трясется надо мной и как оберегает мою жизнь. – Я буду благодарен. Проведу быструю разведку.

Кассий некоторое время молчит, и я знаю, что он решил отложить нравоучения на более подходящий момент.

– Поторапливайся и будь осторожен.

– Само собой.

Я перехватываю понадежнее рукоять лезвия-хлыста и иду обратно по коридору. Стараюсь успокоить дыхание, но за каждым поворотом мне мерещится дикарь с окровавленными зубами и пустым взглядом. Страх одолевает меня, но я вспоминаю слова бабушки: «Не позволяй страху коснуться тебя. Страх – это поток. Бушующая река. Станешь бороться с ним – сломаешься и утонешь. Но если подняться над ним, ты будешь видеть, ощущать его и использовать его течение для собственных целей».

Я хозяин своего страха. Позволяю себе погрузиться в особое состояние, чтобы окинуть происходящее мысленным взором. Мое дыхание замедляется. На меня снисходит холодная, отстраненная ясность. Я слышу дребезжание очистителей воздуха, забитых пылью, пульсацию генераторов; вибрация передается по металлическому полу и ощущается через подошвы ботинок.

И тут я слышу *их*.

Низкий негромкий рокот голосов дрейфует по темному металлу коридора, словно ворчащий ледник. Мои ладони под перчатками мокры от пота. Все, чему учили меня Айя и Кассий, кажется сейчас таким же далеким, как скрежет металла под моими ботинками. Мне уже доводилось убивать аскоманов, но никогда – в одиночку.

В конце коридора я заглядываю за угол. Черных не видно. В круглом помещении пищеблока стоит несколько столов; центральный завален грудami одежды. Собираюсь войти туда, но тут грудa шевелится, и я понимаю свою ошибку. За центральным столом сидят трое аскоманов. Их длинные, заплетенные в косички волосы грязно-белыми каскадами ниспадают на широкие спины. Из-под металлолома брони проглядывает бледная, покрытая шрамами кожа. Аскоманы переговариваются на нагальском языке; сбившись в кучу и сгорбившись, они едят и пьют, распотрошив здешние запасы. Внутри у меня смешиваются воедино отвращение и страх.

Спокойствие!

Я отодвигаюсь обратно за угол и прислушиваюсь к беседе. Дикари говорят с сильным акцентом, пьяная речь звучит замедленно. Они с земного Северного полюса. Один критикует вкус человеческого мяса и мечтает поестъ свежей лосятины. Его друг говорит что-то непонятное для меня. Что-то про лед. Третья злится, что ей не досталось рабов при захвате корабля. Она спрашивает, продаст ли ей первый Солнцерженную. Собеседник смеется над ней и с набитым ртом поясняет, что та принадлежит ярлу, телом и мясом. Солнцерженная... Золотая.

Полагаю, Лорн убил бы их. Гордость велит мне сделать то же самое, чтобы доказать себе: я превозмог свой страх. Но гордость – это тщеславие, то, чего я не могу себе позволить. Уроки бабушки побеждают. Зачем драться, если можно маневрировать? Я нахожу обходной путь вокруг пищеблока и продолжаю поиски, прислушиваясь, не раздастся ли хоть какой-нибудь

звук, говорящий о присутствии живых. Предварительно отведенное мне время истекает. Через две минуты придется поворачивать обратно. Вокруг ничего, кроме эха голосов черных в коридорах да недовольного дребезжания далеких генераторов. А потом... потом я что-то улавливаю. Негромкий скрип за перегородкой. Я нахожу дверь и берусь за узкую ручку. Дверь медленно, со скрипом скользит в сторону. Я вздрагиваю и молю Юпитера, чтобы никто этого не услышал. Жду, направив лезвие-хлыст в сторону коридора: не прибегут ли черные? Никого. Я проскальзываю в каюту.

Она переполнена. Остальные члены экипажа как попало валяются на полу, тела сдавлены сетчатыми клетками. Сплошь низшие цвета. А над ними с потолка темной каюты свисает тонкая проволочная сеть, привязанная к газовой трубе. Сеть покачивается из стороны в сторону, и в ней, так, что проволока врезается в кожу, вниз головой висит нагая женщина с золотыми знаками на тыльной стороне запястий.

9. Лисандр Пассажир

Сперва я кидаюсь к золотой.

Ее тело искривлено, скрючено внутри сетчатой тюрьмы. Под ней стоит изогнутый металлический стул; кажется, пленницу избивали этим стулом, пока она висела в сетке. Ее правая рука превратилась в обугленное месиво – результат воздействия стоящей на столе газовой горелки. Из руки сочится кровь и капает на пол. Запах горелой кожи и волос терзает мои ноздри, глаза слезятся.

Она мертва. Должна быть мертва.

– Помогите нам! – шепчет окровавленным ртом какая-то алая. – Господин...

– Тихо! – рявкаю я, оглядываясь на дверь.

Десятки пар глаз смотрят на меня из клеток. Каждый взгляд умоляет о спасении.

Я пробираюсь ближе к золотой, протягиваю руку к сетке, и в этот миг ее глаза открываются и вспыхивают в тусклом свете. Черт побери! Я чуть не падаю. Она жива! Ее тело залито черным моторным маслом и еще какими-то дурно пахнущими веществами.

– Господин... – бормочет бурый.

– Сальве, – говорю я с фессалонийским акцентом, обращаясь к золотой. – Я пришел помочь. Меня зовут Кастор Янус. – Женщина молча смотрит на меня, никак не показывая, что до нее доходит смысл сказанного. – Я собираюсь помочь вам выбраться отсюда, но нужно действовать быстро и тихо. Аскоманы все еще здесь. Вы меня понимаете?

– Да, понимаю, – отвечает она.

У нее отчетливый палатинский выговор. Это пугает меня. Тот человек был прав. Она тоже из высших кругов Луны. Как ее сюда занесло?

– Не двигайтесь, – говорю я.

Становлюсь под сеткой и провожу лезвием-хлыстом по стальному кабелю, срезая его с потолка. Девушка падает мне на руки. Я полагал, что она будет отбиваться, но ее обездвижила тактическая сеть. Я вижу, как глубоко она врезалась в тело золотой. Тактические сети, они же «птичьи клетки», выстреливают зарядами в виде спрессованных фиброкартриджей. Их используют полицейские, чтобы опутать и сжать задержанного, подчинить его, не нанося вреда. Но если отключить ограничение на сжатие, можно удавить человека насмерть. Кладу пленницу на пол, и, по мере того как я перерезаю проволоочные тиски, к ней возвращается способность двигаться. Она лежит обнаженная, пытаюсь распрямить руки и ноги и стуча зубами от боли.

Лишь теперь я понимаю, что она молода, – возможно, ей, в отличие от меня, нет и двадцати. Стремление защитить ее захлестывает меня. Я накрываю девушку пластиковым чехлом от инструментов.

– Все в порядке, – говорю я. – Теперь вы в безопасности.

Встаю, чтобы помочь остальным.

– Стимуляторы, – выдавливает она сквозь стучащие зубы. – Нужны стимуляторы.

Я наклоняюсь и достаю шприц из дозатора на правом бедре. Один из последних у меня. Золотая выхватывает у меня шприц и всаживает его в бицепс обгоревшей руки. Ее тело содрогается в конвульсиях, пока лекарство растекается по кровеносной системе. Она вздыхает с удовольствием и требует:

– Еще!

Я смотрю на других пленников, а потом протягиваю ей оставшиеся два шприца. Она вкалывает себе оба одновременно, изумляя меня. Это слишком большая доза для такой массы тела, если только у золотой не выработалась резистентность к данным средствам, с чем, несомненно, связана определенная опасность. Здесь что-то не так.

Наполненная безумной энергией стимуляторов, девушка, пошатываясь, поднимается на ноги. Я кидаюсь, чтоб подхватить ее, если она будет падать, но она цепляется за стол и восстанавливает равновесие.

– Надо уходить, – тихо говорю я ей. – Сюда скоро придут другие аскоманы. Мы должны исчезнуть, прежде чем их корабли причалят. Помогите мне вывести остальных.

Кивнув мне, она вытаскивает из кучи на полу у двери свою одежду. Все еще измазанная маслом, натягивает брюки и зеленую куртку и возится с молнией – ей трудно сосредоточиться из-за лекарств в ее крови.

– Сандр, – звучит голос Кассия у меня в ухе, когда я наклоняюсь, чтобы разрезать сеть на женщине-алой. – Что у тебя там?

– Я нашел золотую, регулус. – Подключаю его к своему видеоканалу.

– Понял. – Увидев, что творится в каюте, он на миг замолкает. – Лисандр...

– Парень, – произносит у меня за спиной золотая.

Я поворачиваюсь. Она на расстоянии вытянутой руки от меня.

– Какой стыковочный шлюз вы используете?

– Два-Б.

– Два-Б? – Она кивает – не мне, а скорее в ответ на свои мысли. – Я верну его через четыре минуты. Клянусь честью.

– Что вернете?

...Перед глазами размытые пятна. Она напала так стремительно, что я не успел ничего заметить, и нанесла мне удар в висок основанием ладони. Я пошатываюсь, и что-то – наверное, ее локоть или колено – врезается мне в противоположное ухо. Падаю, из глаз сыплются искры. Потом чувствую прикосновение к бедру и слышу, как она шагает к двери. Лишь через четыре секунды после ее ухода я понимаю, что она забрала. Мое лезвие-хлыст. То самое, которое Кассий подарил мне на шестнадцатилетие. То самое, которое принадлежало Карнусу. Его изготовленная по заказу Беллона рукоять покрыта простым металлом, но для Кассия это лезвие-хлыст бесценно. Спотыкаясь, я бросаюсь за золотой в коридор. Ноги кажутся резиновыми, и я чуть не падаю.

Низшие цвета кричат, испугавшись, что я собираюсь их бросить. Я кидаюсь обратно к их сетям, но мне нечем их разрезать. Я не могу использовать плазменный пистолет. Сетка слишком сильно впилась в их тела. На меня накатывает паника. Я дергаю за проволоку сети женщины-алой.

– Лисандр, – произносит Кассий, в то время как низшие цвета вопят, катаясь по полу, – слишком поздно. – (Я изо всех сил пытаюсь разорвать сетку. Фиброволокно рассекает перчатки и вспарывает кожу. Проволока окрашивается кровью.) – Лисандр! Ты должен оставить их!

– Нет, я могу им помочь!

Со стоном тяну проволоку, используя ноги в качестве рычага. Проволока рассекает мне пальцы до кости. И ведь это даже не драка... Пленники просто заходятся криком. Я резко разворачиваюсь и вижу на пороге черного. Выхватываю пистолет и неуклюже стреляю. Плазменный заряд сносит черному полголовы. В дверях появляется следующий враг. Я стреляю, и он отскакивает обратно в коридор.

– Лисандр, убирайся оттуда! – требует Кассий.

Крик нарастает у меня внутри, но так и не срывается с губ. Я смотрю на тех, кто рыдает на полу, на матерей и отцов, которых я мог бы освободить. Их вопли рвут в клочья мою фантазию о героизме и чести. Они бьются на полу и умоляют меня спасти их, но я не могу. По коридору гулко разносится боевая песнь черных.

Меня охватывает страх.

Я бегу, словно трус. Назад в коридор, наугад стреляя за угол. Черный взмахивает топором, но его грудь плавится и проваливается внутрь. Я подныриваю под лезвие, врезаюсь в даль-

нюю стену и использую силу удара, чтобы оттолкнуться и встать на ноги. Грудь черного прожжена до внутренностей, но он, пошатываясь, делает шаг навстречу – гора жестких мускулов, доспехов, склепанных из обломков, и шкур животных. И Айя, и Кассий велели мне никогда не подпускать черных на расстояние вытянутой руки. Только они могут сломать укрепленные кости нашего цвета. Но другого выхода нет. Черный снова взмахивает топором, а я ныряю под его руку и бью по ней локтем, всаживаю его точно в плечевую артерию. Его рука обмякает, но сила столкновения отбрасывает меня в сторону. Я использую инерцию движения, уклоняюсь влево и бью правым коленом ему по коленной артерии на внутренней стороне ноги. Черный ревет от боли, кидается на меня и впечатывает в стену. Такое чувство, будто меня лягнул один из жеребцов Виргинии. Правая рука аскомана вцепляется в мое горло. Он поднимает меня, вжимая в стену и стараясь раздавить трахею. Слышится хруст хрящей. Я опускаю челюсть, пытаюсь вырваться из его хватки, но у меня темнеет в глазах. На его бороде висят кусочки мяса. До меня доносится тошнотворный запах гниющих зубов. Извернувшись, я дважды нажимаю на спусковой крючок. Плазма входит ему под ребра под углом и сжигает сердце. Его глаза изумленно расширяются, и он падает замертво. Я приземляюсь на пол, судорожно втягиваю в себя воздух и вижу, как по коридору на меня несется третий черный.

Я стреляю, промахиваюсь и пускаюсь бежать.

Мелькают темные коридоры и пустые каюты. Я хватаюсь за балки и притягиваюсь к ним, чтобы резче заворачивать на углах.

– Аскоманский корвет пришвартовался к шлюзу один-Си, – говорит Пита. – Прямо перед тобой.

Я резко торможу. Слышу впереди отзвуки характерных голосов – черные входят в корабль по переходным мостикам. Их ботинки грохочут по металлу. Каждый из них тяжелее меня вдвое, если не больше. Они перекроют мне путь к лифту. Я поворачиваю обратно, смотрю на индикатор пистолета. Батарея рассчитана на семнадцать выстрелов. Без лезвия-хлыста я чувствую себя голым. Но драться сегодня не вариант.

– Пита, проход к лифту одиннадцать-А перекрыт. Проведи меня.

– На следующем повороте налево, – говорит она без малейшего промедления. Осознавая, что Кассий слушает и оценивает, я поворачиваю налево. – Двести метров. – (Я мчусь вперед, но скафандр замедляет движения.) – Технический лифт – второй поворот направо.

Добираюсь до лифта и нажимаю кнопку вызова. Никакой реакции. На дверях висит листок с довольно грубым извинением – при помощи говорящего фаллоса – за сломанный лифт.

– Лифт не работает, – говорю я, пытаюсь восстановить дыхание.

– Двадцать метров назад и налево. Там лестница. Двадцать вниз.

– Назад? – переспрашиваю я, надеясь, что ослышался.

– Быстро!

Я возвращаюсь и, к счастью, не наткнувшись на черных, нахожу лестницу. Начинаю спускаться. Две палубы вниз – и я останавливаюсь. Слышу их. Ботинки грохочут по лестнице двумя палубами выше. Сквозь металлическую решетку я вижу темные силуэты, молочно-белые волосы. По коридорам стоном разносится песнь, называемая «кхумей». Это обращение к Хель, богине смерти, с просьбой принять их подношение. Я преодолеваю следующий пролет одним прыжком и мчусь вниз со всех ног. За мной, подобно темной лавине, которая ширится и ревет, грозя поглотить меня, несутся пираты. Я не вижу, сколько их. Не слышу, что говорят Пита и Кассий. Мое тело как будто существует отдельно от меня и лишено ощущений, а разум спокоен и сосредоточен.

Поскальзываюсь на ржавой лестнице и чуть не падаю – тяжелый скафандр тянет вниз. Спотыкаюсь и быстро делаю два выстрела. Мне неожиданно везет – я попадаю. Кто-то охает,

и на стене мелькают тени от кровавых брызг, значит зеленые энергетические разряды впились в чью-то плоть, а у меня появился шанс добраться до палубы с шлюзом.

Я проскакиваю через металлическую дверь и закрываю ее за собой, изо всех сил налегая на люк, чтобы запереть его. Но колесо останавливается, а потом начинает вращаться в обратную сторону: кто-то превосходящий меня силой принимается с другой стороны открывать люк. Я отстраняюсь и трижды стреляю, превращая металлическое колесо в раскаленный докрасна шлак. Мышцы руки дрожат от отдачи пистолета. Дверь заклинивает. Черные очень скоро взломают ее, но я купил себе драгоценные секунды.

– Сто метров прямо. Пятый поворот налево. Двадцать метров прямо. Первый поворот направо.

Я следую инструкциям Питы, но, повернувшись, чтобы проскочить в проход, в кого-то врезаюсь, и мы оба грохаемся на пол. Я перекатываюсь в падении и целюсь в противника из пистолета. Но передо мной не аскоман. Это та девушка-золотая. Она двигается с трудом. На испачканной маслом коже появилось полдюжины новых ран. Куртка изорвана в клочья. В руке у нее мое лезвие-хлыст. Оно в крови по рукоять. На кровь налипли пучки белых волос. Золотая чудом держится на ногах. На животе справа от пупка тянется шестидюймовый разрез, открывающий слои кожи и подкожного жира. Похоже, это рана от топора. Ссутулившись, девушка слушает, как черные молотят по двери.

– Отдай мой клинок, – говорю я.

– Посторонись.

Она кидается к двери с лезвием-хлыстом и всаживает его в расплавленный металл. С другой стороны раздается крик пирата, и девушка выдергивает клинок. Кровь шипит на расплавленном металле и тут же испаряется.

– Где твой корабль? – Девушка впивается в меня безумным горящим взглядом.

Дверь хрипит – черные едва не сносят ее с петель.

– Где твой гребаный корабль? – Сейчас, под адреналином, ее лунное произношение плывет, сменяясь совершенно иным; рана на животе сильно кровоточит.

– Сюда. – Я хочу помочь ей идти, но она отшатывается. – Не глупи, – говорю я. – Ты еле стоишь.

Оглянувшись на прогибающуюся дверь, она что-то шипит сквозь стиснутые зубы и уступает: кладет руку мне на плечи. Мы ковыляем с максимально возможной скоростью, закрывая за собой двери и пробираясь по грузовой палубе среди контейнеров и кранов.

Сворачиваем направо. Кассий в скафандре и шлеме охраняет внутреннюю часть переходного мостика, соединяющего наш корабль с «Виндабоной». Он стреляет из импульсной винтовки поверх наших голов в группу, появившуюся позади нас из-за угла. Сгусток энергии с взвизгом проносится по кривой у меня над ухом. Раздается вопль. Я оборачиваюсь и вижу, как башка черного исчезает, а из шеи хлещет кровь. Магнитные разряды длиной с мое предплечье свистят мимо нас и вонзаются в стены. Потом мы минуем Кассия и, спотыкаясь, идем по узкому проходу. Кассий прикрывает нас сзади. Его импульсная винтовка рывкает – он выпускает последний заряд в черного воина, прыгнувшего на переход следом за нами. Торс аскомана разрывает пополам и отбрасывает обратно, а ноги остаются на дорожке. Кассий пинком скидывает их.

– Отходим! – кричит он Пите.

Наши герметичные двери закрываются, отсекая шлюз, а я тем временем вываливаюсь вместе с золотой на пол переходного отсека «Архимеда», тяжело дыша, весь в поту и крови. Девушка прижимается лбом к полу и заходится в болезненной кашле. Пита экстренно отстыковывается от «Виндабоны», и мы отваливаем с креном. Кассий свирепо смотрит на меня сверху вниз. Я чувствую его ярость – кажется, что она просачивается через безупречно гладкий шлем.

Тишину нарушают лишь всхлипы спасенных нами членов экипажа. Они, как и мы, распластались на полу, сбившись в кучу, – одни в самозабвенном восторге, другие все еще в страхе, не в силах поверить, что они в безопасности. И правильно делают, опасность еще не миновала.

– Идиот! – рычит на меня Кассий. – Ты чем, черт возьми, думаешь?!

Прежде чем я успеваю ответить, он пинком выбивает мое лезвие-хлыст из руки золотой. Затем наклоняется, словно бы для того, чтобы схватить ее за подбородок и проверить, есть ли отметина у нее на щеке, но тут палуба «Архимеда» раскалывается между нами. Кассий изворачивается и откидывается назад; серое размытое пятно размером с кулак с визгом проносится мимо и пробивает потолок; слышится чудовищный всхлип вытекающего воздуха. В корабле дыра. Вопят сирены разгерметизации. Светильники на потолке пульсируют красным. Еще один снаряд рельсотрона попадает в корпус, пронзая пол и тело спасенного нами толстячка-алого и забрызгивая нас его кровью. В интеркоме что-то кричит Пита. Давление падает. Потом секционная броня перекрывает внешнее повреждение, и безумная утечка воздуха прекращается. Сирены умолкают, но световой сигнал тревоги продолжает мигать.

– Наши двигатели повреждены, – сообщает Пита. – Первый двигатель работает с половинной мощностью. Перебрасываю энергию с него на щиты.

Кассий указывает на рану в животе золотой:

– Надо прижечь, иначе она истечет кровью.

Он мчится мимо выживших членов экипажа на мостик. Девушка теряет слишком много крови. Ее кожа под черным маслом побледнела, а дыхание частое и неглубокое. Я беру ее за руку, чтобы отвести в лазарет, но она слишком слаба. Стимуляторы перегрузили ее организм. Ноги ее не держат, так что я просовываю одну руку ей под колени, а второй подхватываю под мышки и несую ее по узким коридорам. Яростное выражение лица, с каким она впервые предстала передо мной, исчезло. Она тиха и неподвижна; ее глаза устремлены на меня, такие далекие от царящего вокруг хаоса. Я кладу ее на кушетку, и тут орудия «Архи» дают залп. Лазарет у нас маленький и недостаточно укомплектованный. Шприцы дребезжат в футлярах, когда мы получаем еще один удар.

Эти кричащие лица низших цветов...

Их вопли все еще преследуют меня.

Все они умрут.

Девушка смотрит на меня, пока я разрезаю ее грязную рубашку медицинскими ножницами. Кожу над грудью рассекают два небольших пореза. Больше всего меня беспокоит рана от топора в нижней части ее живота – воспаленная, глубокая, шестидюймовой длины. О чем думала эта сумасшедшая, возвращаясь туда? Что там могло быть такого важного? Я очищаю рану антибактериальным спреем и использую госпитальный медицинский сканер, чтоб проверить, повреждены ли внутренние органы. Печень разорвана. Раненой нужен настоящий хирург, и поскорее. Все, что могу сделать я, – это прижечь капилляры и накачать ее кроветворным. Плоть шипит под лазером. Золотая стонет от боли. Я наношу на рану слой регенератора и накладываю давящую повязку. Корабль вздрагивает.

– Кто ты? – спрашиваю я девушку. – Как тебя зовут?

Она не отвечает. Веки ее опускаются.

– Эс – тысяча триста девяносто два, – шепчет она. – Помощь... на... Эс – тысяча триста девяносто два... – Она бормочет все тише и теряет сознание.

C-1392 – это астероид, к которому она направлялась. Но какую помощь она имела в виду?

Я всматриваюсь в ее лицо, словно в нем скрыты ответы. Ресницы у нее длиннее, чем я мог ожидать. Но даже под слоем масла и крови я чувствую крепкие мышцы бойца и нахожу старые шрамы на ее коже. Их слишком много для столь молодой особы. Я провожу пальцами по шести параллельным шрамам на нижней части ее спины. Плюс к ним – две давние ножевые раны

в области сердца, ужасный ожог на левой руке и следы травмы на левом виске, захватившей верхний край уха. Когда я нашел ее в той клетке, то думал о ней как о девушке. Но она не девушка. Она – хищник в юном облике. Кто еще отправился бы назад в лапы врага на том кошмарном корабле?

Зачем она взяла мое лезвие-хлыст?

Может, у нее оставалось там что-то важное? Я обыскиваю ее одежду, ее тело. Ничего спрятанного. Никаких фальшивых зубов. Но меня не покидает подозрение. Я провожу рукой по ее лицу. Высокие смелые скулы покрыты маслом, как и все лицо. Я провожу ногтями по сомкнутым векам. Искусственные ресницы хорошо сделаны и прикреплены какой-то смолой. Мои пальцы скользят по ее правой щеке. Кожа поддается под пальцами, и тут у меня скручивает внутренности.

Я встаю и выхожу.

Теперь я знаю, кто она.

Сначала сомнения возникли у меня, когда она украла мое лезвие-хлыст, а потом – когда из ее речи исчез палатинский выговор. Нарочно ли она это сделала? Было ли это маскировкой? Я поддеваю уголок странного участка кожи на ее лице и тяну, пока тонкий слой регенератора – того же типа, какой использует для маскировки Кассий, – не отделяется от щеки, открывая то, что находится под ним. Через правую скулу, рассекая черное масло под безжалостным углом, тянется бледная отметина аурейского шрама.

10. Дэрроу Вечная свобода

Севро ерзает на белой подушке рядом со мной, пока Публий Караваль, медный трибун, глава блока медных, заканчивает переключку. Элегантный смутьян. Среднего возраста, невысокий, с узким приятным лицом, большим носом, холодными глазами и противоречивым отношением к моде, граничащим с полным ее неприятием. Сняв тогу, он надевает те же унылые костюмы, что носил и до войны, когда был общественным адвокатом низших цветов. С тех пор он сделался голосом разума в разделенном сенате и время от времени – союзником моей жены. Его прозвали Неподкупным за щепетильность и отсутствие пороков.

Караваль ораторствует на небольшом круглом помосте перед амфитеатром мраморных ступеней, окружающих площадку из белого и красного порфира. На ступенях установлены небольшие деревянные стулья для сенаторов. За Каравалем, в некотором отдалении от постаментов, стоит довольно непритязательный Трон Зари – место правительницы. Сделанный из белого дерева и украшенный резьбой с простыми геометрическими узорами, трон выглядит ужасно неудобным. На нем даже нет подушки – Мустанг ее убрала. Она оперлась на подлокотник и наблюдает за сенаторами. Они сидят, разбившись по цветам и политическим взглядам, на ступенях с подушками. «Глас народа» Танцора – слева от огромных дверей Свободы, что ведут от Форума к ступеням и Виа Триумфия. Патриции Мустанга расположились справа. Черные и медные центристы заняли середину.

Утомленный формальностями Севро в элегантном белом мундире сидит рядом со мной, откинувшись на спинку стула. Он смотрит на потолок, увлеченный нарисованной там фреской. Это романтическая интерпретация Фобосского обращения, моей речи, с которой десять лет назад началось восстание на Фобосе. Я выгляжу юным и сияющим, в золотом и алом; я парю на гравиботах, плащ вьется за плечами, словно пурпурная грозовая туча. Вокруг меня – упыри, Сыны Ареса и Рагнар, хотя его там точно не было. Севро стискивает зубы.

– Совсем на меня не похоже. – Он кивает на свое изображение. Он прав. Глаза у Севро на портрете кроваво-красные и безумные. Волосы стоят дыбом. Зубы напоминают ряды осколков фарфора. – Ты выглядишь так, будто чертов святой вздрючил ангела, и на свет появился ты. А я выгляжу как гребаный чокнутый мутант, который ест младенцев.

Я похлопываю Севро по ноге. Мустанг ловит мой взгляд и кивком указывает на последнего из алых сенаторов, только что вошедшего в зал. Танцор тяжело шагает во главе процессии – представители моего народа шествуют, чтобы занять свои места. Он чувствует мой взгляд и встречает его без улыбки. Несмотря на то что сегодня он мой противник, мне трудно не испытывать нежности к нему. С окончанием переключки я переключаю внимание на Мустанга.

– При наличии кворума сенат заслушает запланированную петицию. – Она смотрит на меня. – Лорд-император?..

Стук моих ботинок по камню эхом разносится по залу, когда я иду на свое место на постаменте и становлюсь лицом к сенаторам. Я наблюдаю за Даксо, восседающим в окружении собратьев, сенаторов-золотых, на правом краю. Он похож на изваяние отдыхающего языческого бога, хотя, насколько мне известно, страдает от чудовищного похмелья, как и я сам. Лишь когда напряжение достигает апогея, я наконец говорю:

– Меркурий... освобожден.

Сидящие справа сенаторы и с ними медные, возглавляемые Каравалем, взрываются криками одобрения.

– Первый флот республики под командованием императора Орион Аквариис встретился с Повелителем Праха над Меркурием, в то время как Второй флот под моим командованием запустил Железный дождь на континент Бореалис. Мы победили, хоть и высокой ценой.

Сенаторы высших цветов снова поднимают трибуны, фанатичным ревом заявляя, что они поддерживают усилия военных. «Вокс попули» безмолвствует. И, как я замечаю, черные тоже.

– Теперь Повелитель Праха отступает. Он созвал еще большее количество своих сил для финального боя на Венере. Но вскоре мы последуем за ним. Братья и сестры, мы стоим на пороге победы!

Проходит целая минута, прежде чем новый шквал аплодисментов стихает.

– Но нам еще предстоит сделать выбор. – Я не спешу, ожидая, когда снова воцарится тишина. – Позволим ли мы этой войне продолжаться? Поглотить еще одно поколение нашей молодежи? Или мы надавим на врагов и будем перемалывать их, пока не разобьются последние цепи? – Теперь, поддавшись воодушевлению, я говорю под аккомпанемент аплодисментов. – Война длится уже десять лет. Но мы можем положить ей конец. Здесь и сейчас. – Я бросаю взгляд наверх, на смотровую площадку, где стоят камеры голографических сетей. Мой враг будет потом смотреть эти записи вместе с дочерью и советниками. Его проворный ум будет препарировать мои слова, разгадывать мои планы, основанные на ответе сенаторов. И, что куда важнее, он будет наблюдать за мной. Нельзя допустить, чтобы он увидел мою усталость. Меркурий был великой победой. Мы присвоили железо его доков. Но Венера... Венера – это награда.

Однако даже здесь, под громовые аплодисменты справа, я слышу слова Лорна – они эхом отдаются в темном уголке моего разума:

Смерть порождает смерть порождает смерть.

– Братья и сестры, граждане республики, мы в одном шаге от полностью освобожденного центра. Еще немного – и Солнечная система, от Солнца и до пояса астероидов, станет свободной. Мы первыми увидим это. Но такое зрелище не дается даром. – Я делаю паузу, и на краткий миг выражение моего лица меняется. Сейчас на нем отражается вся тяжесть последних лет. – Как и вы, я желаю лишь мира. Я желаю такого мира, в котором машина войны не пожирает нашу молодежь. – Смотрю на жену. – Я хочу жить в мире, где мой ребенок сможет сам выбирать свою судьбу, где грехи прошлого не будут определять его жизнь, как определили наши. Наши враги слишком долго властвовали над нами. Сперва как над рабами, потом как над противниками. Но какую стабильность, какую гармонию мы можем принести освобожденным планетам, если по-прежнему будем прокляты? Ради наших братьев и сестер на Венере и Меркурии... – Я перевожу взгляд на Танцора. – Ради душ, освобожденных нами от цепей, ради наших детей – дайте мне возможность, и я закончу эту войну раз и навсегда.

Публика разражается одобрительным ревом.

Я смотрю на Даксо, и он, как мы и договаривались, встает, башней возвышаясь над коллегами-сенаторами.

– Мои благородные друзья... – Он печально разводит руками. – Я знаю, что вы устали. Я тоже костями чувствую годы этой войны. Кажется, когда все это начиналось, у меня еще были волосы. – (В зале смеются.) – Мне лучше вас известны сердца нобилей со шрамом. Они не склонны к миру. Их природа не даст им принять новый мир, который мы строим. Ауреев нужно победить, употребив для этого все имеющиеся у нас средства. Моя семья поддерживала Жнеца, когда он еще не прославился. Мой брат умер за него. Я сражался за него. И я не брошу его теперь. И вы не должны его бросать. Патриции поддерживают Жнеца. И мы предлагаем собранию законопроект о резолюции вечной свободы: набрать двадцать миллионов свежих солдат, выделить корабли из Пропasti и взимать дополнительные налоги для финансирования военных действий, пока центр не будет свободен.

Даксо садится, смотрит в мою сторону с болезненным выражением лица и потирает висок.

Когда аплодисменты наконец стихают, поднимается Публий Караваль. Его короткие медные волосы разделены пробором, каждая прядка на своем месте.

– Мне говорили, что я пришел в этот мир, чтобы служить. Чтобы перемещать незримые рычаги древней и злобной машины. Все мы двигали эти рычаги. Но теперь мы служим народу. Мы здесь для того, чтобы освободить человеческое достоинство. Дэрроу из Ликоса – наше величайшее оружие против тирании. Давайте же заострим этот клинок снова, чтобы он мог разбить цепи наших братьев и сестер, что пребывают в рабстве на Венере. – Он прикладывает руку к сердцу, и этот жест исполнен сочувствия и решимости.

Хор сенаторов заявляет о поддержке; они стараются перекричать друг друга.

Мустанг встает, грохнув Скипетром Зари:

– Резолюция зарегистрирована сенатом. Переходим к обсуждению.

Все взгляды устремляются на Танцора. Он сидит не шелохнувшись. Мустанг пристально смотрит на него.

– Сенатор О’Фаран, – говорит она. – Вы желаете что-либо сказать?

– Благодарю, моя правительница. – Прежде чем встать, он теребит край тоги – нервная привычка. Он по сей день ненавидит говорить на публику. Голос у него хриплый и прерывистый, кардинально отличающийся от ораторской манеры Публия. – Лорд-император, мой друг, мой брат, позволь мне сперва сказать, как я счастлив видеть тебя дома. У республики нет... более великого сына! – (Многие кивают.) – Я также хотел бы лично поздравить тебя с частичным освобождением Меркурия, невзирая на твои методы, о которых я еще выскажусь.

Смотрю на Танцора настороженно. Знаю, что он намеревается сделать, но не знаю, как это будет подано.

– Все вы знаете, что я солдат. – Он опускает взгляд на свои загорелые руки. – Я держал в этих руках оружие. Я вел за собой людей. И, как и большинство из вас, я всего лишь смертный в войне гигантов. – Он смотрит на золотых, на черных. – Но я узнал, что гигантов можно сразить словами. Слова – наше... спасение. И потому я стою перед вами, вооруженный лишь голосом. – Он ненадолго замолкает, кривится – должно быть, в ответ на свои мысли. – И я хочу спросить вас: в какую эпоху вы хотите жить? В ту, где мечи ведут нас за собой? Или в эпоху, где одинокий голос может петь громче, чем ревет двигатель? Разве не об этом песня Персефоны? Мечта Эо из Ликоса?

В рядах его сторонников слышен гул согласия.

Когда он намекает, что я отошел от мечты Эо, меня затапливает горечь. Эо была моей, и я потерял ее из-за них. Но каждый раз, когда ее упоминают, пусть даже с почтением, мне кажется, будто ее выкопали из земли и выставили напоказ перед толпой.

– Сенаторы, мы не имеем власти сами по себе, – медленно продолжает Танцор. – Мы всего лишь сосуды. Мужчины и женщины, избранные, чтобы говорить от имени народа, во благо народа, чтобы возвышать свой голос в защиту народа. Дэрроу, ты помог народу обрести голос. За это мы все в долгу перед тобой. Но теперь ты отказываешься слушать этот голос, отказываешься повиноваться законам, которые помогал создавать. Ты получил приказ сената, приказ народа – остановиться над Меркурием. Ты не выполнил этот приказ. Ты выпустил Железный дождь. – Он смотрит на Сефи – она сидит несколькими рядами ниже Севро, на гостевых скамьях, и с непроницаемым лицом наблюдает за происходящим. – Из-за твоей нетерпеливости миллион наших братьев и сестер умерли за один день. Двести тысяч черных. Двести тысяч. Невосполнимые потери. – Тяжелые слова падают одно за другим, и я ощущаю мрачный гнев блока черных, тот самый гнев, что исходит от Сефи после Дождя. – Ты не только сделал это – ты еще неправомерно призвал части Четвертого флота, охраняющего Марс, чтобы усилить атаку на Меркурий. Почему?

– Потому что это было необходимо для...

– Один миллион душ.

Я знал тридцать семь из этих душ, и каким-то образом это кажется больше миллиона.

– Один человек однажды сказал, что в войне, которая ведется политиками, проиграют все, – с горечью говорю я. – Харнасс и Орион поддержали мой план. Ваши легионы до сих пор защищали вас. Но теперь у тебя появились к ним вопросы?

– Наши легионы? – спрашивает Танцор. – А наши ли они? – Прежде чем я успеваю ответить, он тяжело подается вперед, перехватывая инициативу с грацией старого медведя. – Сколько из нас потеряли близких на войне? Сколько из нас хоронили сыновей, дочерей, жен, мужей? Мои руки кровоточат от копания могил. Мое сердце разрывается при виде геноцида и голода на планетах, которые мы объявили свободными. На Марсе, у меня дома. Сколько еще людей должно пострадать, чтобы освободить Меркурий и Венеру, планеты, настолько идеологически обработанные, что наши собственные цвета будут биться против нас за каждый дюйм территории?

– Значит, раз Марс свободен, ты готов на этом остановиться? А прочие пусть гниют? – вскидываюсь я.

Танцор смотрит мне в глаза:

– А свободен ли Марс? Спроси у алого из шахт. Спроси у розовой из эгейского гетто. Ярмо бедности так же тяжело, как и бремя тирании.

Мустанг вмешивается в спор:

– На нас лежит священная обязанность избавить планеты от пятна рабства. Это ваши собственные слова, сенатор.

– На нас также лежит священная обязанность сделать эти планеты лучше, чем они были прежде, – отвечает Танцор. – Двести миллионов человек умерло с тех пор, как дом Луны пал. Скажите мне, какой смысл в победе, если она уничтожает нас? Если мы настолько истощены, что не можем защитить или обеспечить тех, кого вытаскиваем из шахт?

В зале нет оружия, кроме как у Вульфгара и его стражей, но слова Танцора наносят достаточный ущерб. Они сотрясают зал сената. И он еще не закончил.

– Дэрроу, ты стоишь здесь и просишь у нас больше людей, больше кораблей для ведения этой войны. И я спрашиваю тебя и молюсь Старику, что хранит Долину, чтобы ты смог мне ответить: когда закончится эта война?

– Когда республика будет в безопасности.

– Будет ли она в безопасности, если Повелитель Праха падет? Если Венера станет нашей?

– Повелитель Праха – сердце их военной машины. Но он правит страхом. Без него оставшиеся золотые дома сцепятся друг с другом в течение недели.

– А как насчет окраины? Что, если они явятся, а мы разнесем наши армии вдребезги ради убийства одного человека?

– У нас мирный договор с окраиной.

– Пока что.

– Их верфи уничтожены. Октавия об этом позаботилась. Аналитики «Стархолла» уверены, что окраина при всем желании не сможет нас атаковать еще пятнадцать лет, – говорит Мустанг.

– Ромул не желает новой войны, – киваю я. – Поверьте мне.

– Верить тебе? – Мой старый друг хмурится. – Мы верили тебе, Дэрроу. – (Я чувствую, что он разгневан. Так же он гневался в тот день, когда узнал, как я поступил с Сынами Ареса на окраине.) – Очень многие верили тебе. И очень много лет. Но ты влюблен в собственный миф. По-твоему, Жнец лучше, чем народ, знает, что надо делать.

– Ты думаешь, я хочу войны? Я ее ненавижу. Она лишила меня друзей. Родственников. Она отнимает меня у жены. У моего ребенка. Если бы существовал другой путь, я выбрал бы его. Но обходного пути нет. Эту войну можно только пройти насквозь.

Танцор мгновение сверлит меня взглядом:

– Любопытно, узнал бы ты мир, если бы увидел его? – Он поворачивается к сенаторам. – Что, если я скажу вам, всем вам, что другой путь был? Путь, сокрытый от нас? – (Караваль хмурится и подается вперед. Севро смотрит в мою сторону.) – Что, если мы могли бы обрести безопасность не завтра, не через десять лет, а прямо сейчас? Мир без очередного Железного дождя. Без того, чтобы швырять новые миллионы на орудия Повелителя Праха. – Он поворачивается к моей жене. – Моя правительница, я пользуюсь своим правом призвать в сенат свидетеля.

Мустанг захвачена врасплох:

– Какого свидетеля?

Танцор не отвечает. Он выжидающе смотрит в коридор справа от него. В конце коридора отворяется дверь, и по каменному полу стучит пара каблуков. Сенаторы в абсолютной тишине вытягивают шею, чтобы взглянуть на высокую властную немолодую женщину, идущую по коридору в зал сената. Когда женщина минует его середину, становится очевидно, что она на голову выше стражей республики, не считая Вульфгара. У нее золотые глаза. Ее движения исполнены достоинства, фигура изящна, невзирая на огромный рост. Узел волос на затылке убран под золотую сеточку. Шею обнимает золотое ожерелье в виде орла. Платье у нее черное, и оно скрывает каждый сантиметр кожи, от шеи и до пят. А на царственном, исполненном горечи лице – один-единственный полукруглый шрам.

Я пристально смотрю на эту женщину. Она была тенью моей жизни с тех самых пор, как шестнадцать лет назад я в простой каменной комнате забил насмерть ее любимого сына.

– Что это значит? – негодует Мустанг, поднимаясь с трона, чтобы казаться выше.

Танцор не отступает.

– Это Юлия Беллона, – говорит он, перекрывая нарастающий шум. – Она принесла послание от Повелителя Праха.

– Сенатор!.. – Мустанг вспыхивает от гнева и резко делает шаг вперед. – Это не ваша компетенция! Иностранная дипломатия – прерогатива правительницы! Вы переходите все границы!

– Как и ваш муж – но разве вы одернули его? – парирует Танцор. – Выслушайте ее. Возможно, вы найдете ее сообщение занимательным.

Сенаторы громко выражают свое желание выслушать Юлию. Меня захлестывает страх. Я знаю, что она скажет.

Мустанг очутилась в ловушке. Она смотрит на женщину сверху вниз – никого, кроме них, не осталось из двух великих золотых домов, уничтоживших друг друга в ходе распри. Только Кассий – если, конечно, он все еще жив.

– Говори, что тебе велено сказать, Беллона.

Юлия взирает на Мустанга с крайним отвращением. Она не забыла, как Мустанг села за их стол вместе с Кассием, а потом отвернулась от них.

– Узурпатор! – произносит она, отказываясь использовать почтительное обращение к Мустангу; ее взгляд устремлен на сенаторов с аристократическим презрением. – Я проделала путь протяженностью в месяц, чтобы предстать перед тобой. Буду говорить просто, чтобы ты поняла. Повелитель Праха устал от войны. От вида городов, превращенных в развалины. – Она продолжает, невзирая на протестующие крики. – Во время осады Меркурия на «Утреннюю звезду» к вашему... военачальнику были направлены эмиссары, в том числе и я. – Она свирепо смотрит на меня. – Мы просили перемирия. Он ответил Железным дождем.

– Перемирия? – шелестит Мустанг.

– А почему вы просили перемирия? – подсказывает Танцор, перекрывая шепотки сенаторов.

– Повелитель Праха и военный совет Сообщества желал обсудить условия...

– Какие условия? – нажимает Танцор. – Говори ясно, золотая.

– А что, Жнец вам не сказал? – Она смотрит на меня и улыбается. – Мы предложили прекратить огонь, чтобы обсудить условия постоянного и прочного мира между восстанием и Сообществом.

11. Дэрроу Слуга народа

В зале хаос: сенаторы потрясают кулаками, мельтешат тоги. Лишь черные не двигаются. Сефи с нейтральным видом следит за происходящим; лицо ее, как обычно, непроницаемо.

Мустанг в ярости поворачивается ко мне:

– Это правда?

– Он никогда не хотел мира, – холодно говорю я.

Севро раскачивается на своем стуле – изо всех сил старается сдержаться, чтобы не удавить Юлию прямо посреди Форума.

– Но он прислал эмиссаров?

– Он подослал провокаторов. Ее и Асмодея. Я не клюнул на эту уловку, и она не заслуживает того, чтобы сенаторы тратили на нее время.

Мустанг не верит собственным ушам.

– Дэрроу...

– Асмодей был у тебя на корабле, и ты не сообщил нам об этом? – изумленно спрашивает Танцор.

Кто-то предал меня. Кто-то из упырей. Откуда еще он мог узнать?

– Дальше ты скажешь, что в вашей кают-компании побывал сам Рыцарь Страх.

Я впиваюсь взглядом в Танцора:

– Повелитель Праха сжег Рею. Он сжег Новые Фивы. Он сожжет все до единого города, лишь бы отвоевать Луну. Он желает вернуть дом, который мы у него отняли.

Танцор качает головой:

– Ты не имел права.

Караваль и те медные, что подбадривали меня, переглядываются с нерешительностью. Мустанг, опустившаяся на трон, больше не делает попыток подняться – да и что она может сказать? Любые возражения правительницы отметут – решат, что жена защищает мужа. К тому же могут обвинить и ее. Если сенаторы подумают, что она была в курсе, ей объявят импичмент, а то и что похуже. Именно поэтому я и скрывал от нее правду. Моя звезда падает. Если Мустанг попытается удержать ее, то может пасть вместе с ней. Лучше молчи, любовь моя. Надо затянуть эту игру. Я слишком хорошо понимаю, что бороться нет смысла. Какая-то сенаторша-алая вскакивает с места и бросается ко мне. На мгновение мне кажется, что она хочет сказать что-то в мою защиту. Но она плюет мне под ноги.

– Золотой! – бросает она.

Вульфгар пробирается вперед, чтобы никто больше не вздумал нарушать протокол.

Я много лет ждал этого дня, но республика становилась все сильнее, а он так и не наступал. И я, наверное, обманул себя, думая, что он уже не настанет. Но вот это случилось, и теперь я чувствую, как вокруг закипает слепая ненависть, и вижу безжалостные объективы камер наверху, на смотровой площадке. И понимаю, что мне не хватит слов, чтобы кого-то в чем-то убедить. Благородные ведущие новостей будут ханжески подвергать разбору каждое решение, каждую тайну, каждый грех и транслировать это по планетам якобы из чувства долга, наслаждаясь моральным кровопролитием, разгрызая мои кости, ломая их ради костного мозга рейтингов и подпитывая аппетит стервятников к сплетням. Я не удивлен, но сердце мое разбито. Не хочу быть злодеем. Вульфгар оглядывается, и в его глазах я вижу жалость, словно ему хочется увести меня отсюда, избавить от этого публичного шельмования. Севро в гнев вскакивает.

– Ах ты, гребаный вероломный крысеныш!.. – кричит он Танцору.

– Как мы можем доверять тебе армию, – глубоким, низким голосом говорит Танцор, – если ты не подчиняешься сенату? Если ты лжешь народу? – Он не дает мне времени ответить. – Братья и сестры, в нашей республике нет места ни военным диктаторам, ни тиранам. Они – смерть для демократии. Семьсот лет рабства свидетельствуют об этом! Но тирания никогда не возникала на пустом месте. Она назревала медленно, пока лидеры Земли наблюдали за этим, опустив руки. Пора выбрать, как будет править наша республика – словом или мечом?

Он садится, сделав свое дело. Звучит рев одобрения, причем не только в рядах его сторонников. Танцор из Фарана, рука Ареса, вытащивший меня из могилы, чтобы превратить в оружие, теперь хоронит меня под моими же замыслами. А на другом конце зала, подобная благородной старой оливе, которую не свалить ни топором, ни пламени, Юлия Беллона наблюдает за мной с ненавистью в глазах. На лице ее медленно проступает улыбка, словно от радости, что наконец-то исполняется давнее, забытое обещание.

Посреди хаоса недвижно стоит Публий Караваль. Лишь моей жене под силу утихомирить сенаторов, и она, грохнув скипетром об пол, призывает их к порядку, чтобы дать медному заговорить. Если кто и сумеет найти слова в мою защиту, так это он.

– Я не разделяю всех убеждений алого сенатора. Не может быть мира, пока не свершится правосудие. Но, боюсь, в одном он прав. Ты перегнул палку, лорд-император. Ты забыл, как поклялся служить республике. – Он поворачивается к сенаторам, как бы собираясь с духом, чтобы сокрушить предателя. – Я предлагаю отстранить Дэрроу из Ликоса от верховного командования и поместить его под домашний арест в ожидании суда за государственную измену республике. – Его слова встречают аплодисментами. Он драматически оглядывается на меня. – И я предлагаю временное прекращение боевых действий с золотыми центрами, чтобы мы сами могли сделать выбор между войной и миром.

Вот же лицемерный подонок!

Мустанг мало что может сделать. В зале должен остаться только сенат, и по ее указанию стражи республики выводят остальных. Я позволяю Вульфгару увести себя. Бросаю взгляд поверх голов эскорта и вижу, как моя жена со своего места наблюдает за мной. В глазах ее плещется страх, потому что в моих она заметила гнев.

Мир за стенами тих и не подозревает о моем унижении. Республиканские стражи стоят под теплым светом синих ламп, ожидая, пока мы соберем наше оружие. Мелкие чиновники тянутся через площадь, озабоченные делами правительства, которое несет ответственность за десять миллиардов жизней. Сумерки перешли в темноту, небо черно. Ветер гонит по белому мрамору осенние листья.

– Дэрроу, тебе нельзя покидать город, – говорит мне Вульфгар. – Ты меня слышишь? – Он кладет руку мне на плечо. – Дэрроу...

– Я арестован? – спрашиваю я.

– Пока что нет.

– Лучше отойди, – цедит Севро, сжимая рукоять лезвия-хлыста, висящего на боку.

Вульфгар смотрит сверху вниз на Севро, едва достающего ему до груди, и отступает в знак уважения. Я спускаюсь по ступеням с Форума и направляюсь к посадочным площадкам в Северной цитадели. Севро догоняет меня. Я останавливаюсь и смотрю на Форум: из открытой двери слышатся одобрительные крики.

– Какой-то мелкий засранец им все рассказал, – говорит Севро. – Надо было отрезать Каравалю яйца. Измена? Не могут же они на самом деле арестовать тебя, правда?

– Может, они и не отправят меня в Дипгрейв, однако будут держать под надзором до тех пор, пока я им не понадоблюсь. Достаточно долго, чтобы Повелитель Праха сделал свой ход.

Севро ухмыляется:

– У Седьмого легиона найдется, что сказать по этому поводу. Мне связаться с Орион? С Телеманусами? Кавакс должен как раз возвращаться с Марса.

Я смотрю на Форум. Сейчас Мустанг будет пытаться возместить нанесенный ущерб. Но с потерей медных у нее не хватит голосов, чтобы защитить меня. А я бессилен что-либо сделать. Здесь не мой мир. Я знал это раньше, и Танзор только что напомнил мне об истинном положении вещей. Он сказал, что я ничего не знаю, кроме войны. И он прав. В глубине души я хорошо чувствую своего врага. Его норы. Его жестокость. И для меня очевидно, что эта война не завершится перекрестными улыбками политиков за столом переговоров.

Она закончится так, как начиналась, – кровью.

– Нет, Севро. Собирай упырей.

12. Лирия Лезвия-хлысты

Я бегу, спасаясь от выстрелов, убивших моего брата.

Моего маленького брата, которого я помогала растить, делая зарубки на дверном косяке по мере того, как мальчик становился выше. И каждый раз шутила: мол, он такая швабра длинная, что когда-нибудь достанет головой до неба. А теперь я бросила его лежать в грязи.

Сердце стучит, как кузнечный молот. Слезы застилают глаза. Грязь облепляет горящие икры. Мелькают дома из пластика. Шум усилился. Раздаются новые выстрелы и свист энергетического оружия. *Они* пришли и по земле. Я слышу визг саней на воздушной подушке. Неподалеку от южной ограды вспыхивает пожар. Я вижу там четырехколесные наземные машины и людей с прожекторами и факелами. У них винтовки и лезвия-хлысты.

Когда я добираюсь до дома, в нашем переулке еще тихо – эта тишина словно отрицает то, что несет с собой ночь. Я влетаю в переднюю дверь. Сестра все еще сидит за столом в своих новых туфлях.

– Что случилось? Это что, были выстрелы? – спрашивает она.

– Это «Алая рука»!

Едва я успела произнести это, как из антенной решетки за нашим домом разразилась воем муссонная сирена. Сирены для «Алой руки» никто не сделал.

– Нет... – шепчет сестра. – Где Тиран?

– Он... – У меня перехватывает горло. – Его нет.

– Нет? – Она наклоняет голову набок, словно не понимая этого слова. – Что значит «нет»?

– Его застрелили.

– Что?

Меня трясет. Я теряю контроль над собой, не могу больше сдерживаться.

– Они застрелили его. – Я всхлипываю, грудь тяжело вздымается. Чувствую, как сестра крепко обнимает меня. – Он умер. Тиран мертв.

Не просто мертв. Обезображен до неузнаваемости.

– Приведи папу, – говорит моя старшая сестра, бледная как призрак. Она обхватывает мое лицо ладонями. – Лирия, подними его. Нам надо уходить.

– Куда?

– Не знаю. Но здесь оставаться нельзя. – Я киваю, все еще оглушенная, а она встряхивает меня. – Лирия, быстрее!

Как сестра может быть такой спокойной? Что ж, она не видела, как голова Тирана разлетелась на куски. Ава подталкивает меня в сторону спальни.

Иду туда. Оказывается, папа уже проснулся. Он смотрит на меня, как будто все уже знает. Он услышал про Тирана?

– Ты знаешь, что происходит? – спрашиваю я, и отец едва заметно кивает. – Нужно, чтобы ты мне помог. Оттолкнись от кровати.

Обычно его поднимал с постели и пересаживал на инвалидное кресло Тиран. Я не такая сильная.

Подхватываю отца под мышки:

– Раз... два... три...

– Нет. – Впервые с тех пор, как маму похоронили в глубинных тоннелях, папа что-то произносит. Это скорее стон, чем слово, но оно совершенно недвусмысленно. Глаза отца расширены и полны сочувствия. Он качает головой и повторяет: – Нет.

Затем опускает глаза, смотрит на свои ноги, потом бросает взгляд на инвалидное кресло. Он прав. Нам нипочем не сбежать от «Алой руки» с ним на закорках. А с инвалидным креслом мы застрянем в грязюке. Без Тирана – никак.

Молочно-белые глаза отца теперь устремлены на меня. Сейчас он понимает, кто перед ним. Это разбивает мне сердце. Он мог бы увидеть меня раньше. Он мог бы смотреть на меня, вместо того чтобы растрчивать свою жизнь на голографическое видео. Почему сейчас, когда у нас осталось всего несколько секунд? Я обнимаю отца и целую его в лоб, прижимаюсь к нему, вдыхая мускусный запах его кожи и жирных волос, вспоминая, каким он был.

С усилием поднимаю старика с кровати. Сгибаюсь под его тяжестью, чуть не падая на пол. У меня сводит поясницу, но мне все-таки удается извернуться и пододвинуть его к коляске. Он плюхается на бедро. Снова стонет.

– погоди, па. Нам надо попрощаться.

Я выкатываю его в переднюю комнату, где сестра с детьми готовится к уходу. Она стоит в дверях, собрав малышей вокруг.

– Нужно, чтобы вы все взяли за руки, – говорит Ава. – И не отпускали друг друга, несмотря ни на что. Это очень важно – держаться вместе. – Она смотрит на меня. – Лирия... Лиам все еще в больнице.

– Черт побери!

Как я могла забыть о нем? Конн начинает плакать.

– Все в порядке, милый. Все хорошо, – бормочет Ава.

Закутанную в одеяло Эллу она крепко прижимает к груди. Та помалкивает. Но, конечно, сестра не сумеет вместе с детьми дойти до центра лагеря и вернуться.

– Я схожу за Лиамом, – говорю я. – А вы ступайте в джунгли. Встретимся там.

– В джунгли? – переспрашивает Ава. – Ты никогда не найдешь нас там. Восточная сторожевая башня...

– Там грузовики, – перебиваю я. – А на севере вроде бы тихо.

– Тогда встретимся на севере. А потом вместе пойдем к рыбацким лодкам. Можно будет поплыть вниз по реке.

Пластиковый дом трясется от далекого взрыва.

– А как же папа?! – восклицает Ава.

Он восседает в кресле, бесстрастно глядя на нас.

Я коротко качаю головой.

– Давай понесем его, – предлагает сестра.

Но мы обе знаем, что это невозможно. С ним и детьми мы не пройдем и двадцати метров. Я смотрю на перепуганных малышей, потом на сестру.

– Милые, – глухо говорю я, – поцелуйте дедушку на удачу.

Ава все поняла. Ее спокойствие дает трещину. Сквозь слезы я вижу испуганную малышку, плакавшую в постели после смерти нашей мамы. Ту, которой мне приходилось петь колыбельные, даже когда она подросла.

– Я не хочу оставлять дедушку! – плачет Конн.

– Я его привезу, – обещаю я. – Вам просто нужно идти вперед. А теперь поцелуйте его.

Поверив мне, дети поспешно целуют деда в щеку. Его глаза наполняются слезами, взгляд мечется от одного к другому. Сестра наклоняется и целует отца в лоб. Она замирает так, дрожа, потом отступает. Конн вцепляется в него и не отходит, пока Ава не отдирает его насильно и не подталкивает к двери.

– Северная сторожевая башня, – напоминает мне она. – Поторопись.

– Хорошо.

– Лирия...

– Что?

– Приведи мне моего мальчика.

Мы держим друг друга за руки. Жизнь, в которой было полно свадебных нарядов, дней рождения и любви, свелась сейчас к единственной секунде страха. Потом наши руки разъединяются, дверь затворяется и Аву поглощает кошмарная ночь. Сквозь трещину в пластике я смотрю, как она бежит в темноту, прижимая к груди Эллу и волоча за собой мальчишек. Я остаюсь с отцом, прислушиваясь к миру за тонкими стенами. В глубине души мне кажется, что, если мы останемся здесь, буря нас минует. Пластик каким-то образом защитит нас от винтовок и клинков «Алой руки». Я хочу сказать папе, что все будет хорошо. Что мы скоро увидимся с нашей семьей. Он смотрит на меня, сосредоточенный, как давным-давно уже не бывало. Должно быть, понимает, что видит свою дочь в последний раз. Я приседаю, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, и прижимаю ладони к его щекам. Папа... Он укрывал меня по ночам. Усаживал к себе на колени во время праздника вручения лавров и рассказывал истории о славе горняков, о рудничных гадюках и боях. Он был огромным, как само небо. Но теперь передо мной сломленный человек, способный лишь бессильно наблюдать, как мир пожирает его детей.

– Увидимся в Долине, – шепчу я, прижавшись лбом к его лбу. – Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Потом я отстраняюсь от него. Три шага – и я за порогом.

Оставить его – все равно что оторвать от себя кусок тела. Слезы жгут мои глаза, но меня переполняет холодная решимость. Я должна добраться до Лиама. Моя сестра уже ушла отсюда. Лагерь охвачен безумием. Люди клана Гамма бегут из своих домов. В отдалении что-то горит. По черному небу с воем проносятся два корабля. Слышен грохот автоматов, и время от времени воздух вспарывают взвизги энергетического оружия. Крики отовсюду; гомон стоит вокруг. Я мчусь между домами, пробираясь через поселок Гаммы к центральному лазарету. С разбегу сталкиваюсь с каким-то мужчиной и лечу в грязь, получив кулаком в лицо. Сам он едва замечает это столкновение – отступает на миг, прижимая к себе ребенка, и мчится дальше. Я знаю его. Это Элроу. Много лет назад он был одним из советников отца. Элроу даже не взглянул на меня, когда я упала.

С трудом встав на ноги, я отыскиваю лазарет. Он заперт. Белое пластиковое сооружение с островерхой крышей заляпано грязью. Жду под дождем – ну прямо девушка в белом платье из песни. Колочу по двери:

– Впустите меня! Это Лирия! Откройте!

Я успеваю дважды пнуть дверь, прежде чем ее отпирают изнутри. Трое мужчин и женщина в желтой форме медиков стоят на пороге. В руках у них тяжелые медицинские инструменты – явно для того, чтобы пробить мой череп. Я поднимаю руки.

– Лирия! – восклицает Дженис, главный врач больницы, желтая. – Пропустите ее!

– Дженис, где Лиам?

– В дальней палате.

Дженис ведет меня мимо рядов коек с перепуганными детьми и немощными пациентами. Наконец мы добираемся до моего слепого племянника. Он сидит на кровати, обхватив коленки руками, и прислушивается к творящемуся снаружи ужасу.

– Что случилось? – спрашивает Дженис.

– «Алая рука», – поясняю я. – Десантные корабли и грузовики.

– Они здесь? – Дженис не в силах поверить мне. – Но республика...

– К черту республику, – говорю я. – Надо бежать. Лиам...

Я обнимаю малыша. Он такой хрупкий, словно сделан из стекла. Волосы у него буйные и рыжие, как у меня, но подстрижены короче. Он нерешителен, как юноша, приглашающий девушку на танец в день вручения лавров. Я целую его в макушку и надеваю на него прине-

сенный с собой голубой комбинезон. Натягиваю Лиаму на голову капюшон поглубже, так что наружу выглядывает лишь бледное личико. – Все хорошо. Все хорошо. Я нашла тебя.

– Где мама? – спрашивает он тоненьким голоском.

– Ждет нас. А сейчас ты должен пойти со мной.

– С ней все в порядке? – волнуется Лиам.

– Слушай, ты должен был храбрым. Сможешь? Сумеешь быть храбрым, как Гоблин, когда он пошел следом за Жнецом в «Утробу дракона»? Сделаешь это для меня?

– Да, – говорит он, кивая. – Я смогу.

Я поднимаю его с кровати и веду к двери. Дженис преграждает мне путь.

– Здесь будет безопаснее, – говорит она. – Должны же они понимать, что это больница.

Я ошеломленно смотрю на нее:

– Ты что, головой ушиблась? Собирай всех – и уходите!

– Лирия...

Не стоит задерживаться, чтобы убедить ее. Проталкиваюсь мимо, выскакиваю из лазарета и мчусь прочь, прижимая племянника к груди. Выстрелы теперь звучат ближе. Переключаются грубые голоса. Женский крик обрывается с глухим чавкающим ударом. Я петляю между домами, направляясь в сторону северной сторожевой башни. Двери сорваны с пластиковых петель. Молодежь тащит охапки продуктов, жетоны, головизоры и прочие вещи, куда менее ценные, чем жизнь, которую несусь я. Лиам обхватил бледными ручонками мою шею. Кто-то кричит: «Гамма!» – и указывает на меня. Я в ужасе ныряю в проулок и прячусь в темноте.

Когда мы добираемся до сторожевой башни, оказывается, что она покинута. Ее прожектор светит прямо в небо. Находившиеся здесь республиканские солдаты сбежали. Откуда-то доносится собачий лай. Моей сестры не видать.

– Ава! – тихо зову я, надеясь, что она спряталась где-то в тени и ждет меня.

Ответа нет. Потом из-за домов позади слышатся мужские голоса. Кто-то пошел следом за мной в тот проулок. Я выбегаю за ворота. Целое море грязи раскинулось между мною и темными джунглями. Нам ни за что не успеть туда. Справа мусорная свалка, а за ней течет река.

– Ава! – снова шепчу я.

Шаги приближаются. Я тащу Лиаму в сторону и карабкаюсь в темноте на мусорную кучу. Взобравшись на верхушку, съезжаю по другой стороне до середины склона. Велю Лиаму сидеть тихо и ползу обратно наверх – взглянуть на путь, которым я бежала. Через ворота к джунглям течет людской поток из нашего поселка Гаммы. Я знаю их всех. Сестры среди них нет, поэтому я сижу тихо, притаившись в тени хлама. Но когда шум шагов стихает в ночи, мне вдруг становится очень страшно оставаться тут. Я уже готова сорваться с места, чтобы присоединиться к беженцам, но вдруг на опушке мелькает какой-то огонек. Я хочу закричать вслед моим родителям. Спасти их. Поздно... Огонек превращается в сотню огней. Как будто сами джунгли ухмыляются и скалят белесые зубы. Мои родичи кричат, когда бойцы выходят из тьмы, чтобы убить их своими лезвиями-хлыстами.

Я бегу прочь, подальше от криков, пробираюсь вглубь свалки. Металл царапает мое бедро, пока я карабкаюсь на очередную кучу. Теряю равновесие, падаю на бок и лечу вниз. Шмякаюсь в мусор. Мне едва удастся защититься от удара Лиамы. Он плачет у меня на груди. От сладковатого запаха гниения сильно слезятся глаза. По моей руке пробегает крыса. Я заставляю себя встать, крепче обнимаю маленького племянника. Рана на ноге горит. Вокруг голых лодыжек облаком вьются насекомые, они ползают по коже, кусаются. От мусора волнами идет тепло разложения. Я нахожу укрытие – прячусь под обломками промышленной стиральной машины. Лиам дрожит от страха, маленькое тело сотрясают тихие рыдания. Я кладу его рядом с собой. У меня уже онемели руки. Чужаки теперь бродят по тропе неподалеку от того места, где мы проникли на свалку. Лучи фонарей рассекают тьму.

Распластавшись на отбросах, прижимаю грязный палец к губам Лиам. Луч проходит над нами. Вокруг жужжат комары, на лице малыша мельтешат их тени. Я натягиваю на него капюшон так, что наружу торчат лишь нос и рот. Дождевая вода стекает по обломкам и капает на нас. Мужчины разговаривают друг с другом. Их речь понятна: на том же языке говорили моя мать и отец, сестра и братья. Но слова – злые, темные, колкие – звучат жестоко. Как могут алые поступать так со своими родичами? Один из чужаков подходит так близко, что я вижу в свете фонаря его обгаренные руки. Но не краска покрывает их, а кровь, засохшая и растрескавшаяся.

Фонари перемещаются дальше. Бойцы переговариваются. Меня терзает страх. Где моя сестра? Не обнаружили ли ее? Я молюсь, чтобы она добралась до лодок. Не знаю, что мне делать, куда идти, и потому прячусь здесь и смотрю на движущиеся по тропе темные фигуры. Зарево горящего лагеря освещает их лица. Это мальчишки. Некоторым не больше четырнадцати. У многих лишь начинает пробиваться клочковатая борода. Они поджары; на коже блестит пот. Они перекликаются между собой и всматриваются в груды мусора, пригибаясь, словно голодные дикие собаки.

Лиам сцепил ручонки. Погруженный в постоянную тьму, он может лишь слышать, как эти разъяренные молодчики рыщут в ночи. Он дрожит. Я смахиваю дождевую воду с его лица. Если бы только у меня были силы забрать его отсюда, прекратить все это!..

– Ты такой храбрый, Лиам, – шепчу я. – Храбрый, как Гоблин.

– Где мама?

– Мы собираемся встретиться с ней. Думаю, она будет у лодок. Ты вел себя очень смело, поэтому заслуживаешь награды. У меня есть кое-что для тебя.

Нащупываю в кармане шоколадку, которую припрятала с обеда. Теперь я вкладываю ее Лиаму в ладошку.

– Спасибо, – говорит он.

Пока он ест, я слышу шепот в темноте неподалеку от нас. Немного подвигаюсь и в свете луны вижу, как блестят чьи-то глаза среди пустых емкостей из-под воды. Там прячется какая-то семья. Маленькая девочка машет мне рукой. Я машу в ответ.

Мы не одни.

Мы сможем пережить все это. Где-то там нас ждет Ава. Скоро мы доберемся до нее, я только немного отдышусь. Но тут я чувствую запах дыма.

13. Лирия

Все начиналось с криков

Огонь вспыхивает на краю свалки, неподалеку от сторожевой башни, и вскоре полыхает уже повсюду, где алые руки подожгли мусор. Стена пламени катится к нашему укрытию. Воздух пляшет и корчится, языки дыма ползут по отбросам и лижут мои ноги. Лиам кричит от страха. Я подхватываю его и выбираюсь из убежища. Я бегу от огня, но скоро начинаю задыхаться от кашля. Едва могу дышать. Ничего не вижу, из глаз струятся слезы. Я карабкаюсь по кучам мусора. Ноги изрезаны металлом и стеклом и погружаются в грязь по колено.

Потом до меня смутно доносится голос той девочки – она зовет меня. Он плывет ко мне сквозь дым, словно колыбельная. Такой тихий и нежный. А потом я вижу ее фигурку в хаосе пепла, отчаянно машущую мне рукой, и ступаю тверже.

Спотыкаясь, я следую за ее голосом, чтобы найти в дымной завесе разрыв, где можно было бы глотнуть чистого воздуха. Впереди бегут другие. Двадцать, сорок обезумевших душ карабкаются по мусору, прочь от огня. Все стремятся к реке, где пришвартованы рыбацкие лодки. Наконец я выбираюсь из дыма и хватаю воздух ртом на краю свалки. Опередившие нас беглецы уже мчатся через кусты, направляясь к лодкам.

На ходу укачивая Лиама, я догоняю их, потом оглядываюсь. Над горящей свалкой поднимается столб дыма – пятно на фоне оранжевого рассвета. За лагерем, что прежде был моим домом, встает солнце.

Впереди спешат матери с детьми, и изорванные платки реют у них за спиной. Молодые парни идут спотыкаясь. Все земное имущество оставлено позади. Они несут стариков или раненых друзей. Здесь не только Гамма. Не только клан коллаборантов. Я бегу вместе с остальными через зеленые заросли к реке. Сорняки бьют меня по голени. Ноги вязнут в грязи. Мы уже почти у воды. Почти освободились от этой ночи. И тут я слышу крик впереди. Потом второй.

На грязной равнине за кустарником какая-то женщина падает на колени. Рядом с ней дети. Она протягивает руки, моля о милосердии. Беглецы останавливаются неровной линией. Передо мной старик опускается на корточки и садится в грязь, устремив вдаль невидящий взгляд.

В Лагалосе старшины бригад жгли костры в тоннелях, заставляя рудничных гадюк покинуть свои норы среди железяк, выползти из укромных уголков и расщелин. Теперь мы сами в шкуре этих тварей. «Алая рука» устроила пожар, чтобы выкурить нас из укрытий среди мусора и пригнать сюда. Путь к лодкам преграждают две шеренги в шахматном порядке – двадцать парней, покрытых копотью и потом, с автоматическим оружием в руках. Их руки красны по локоть. С ними – одна-единственная женщина. Та самая, которая на моих глазах убила Тирана у челнока. В ее волосах цвета ржавчины пробивается седина. Половина лица покрыта ужасными шрамами. Другая половина сохранила следы былой красоты. На женщине бронежилет, а в руках у нее лезвие-хлыст, бурое от крови. Она что-то говорит своему солдату, и тот поднимает ствол.

Время увязло в грязи вместе с нами.

Я задвигаю Лиама себе за спину. Раздается треск. Что-то горячее и соленое брызгает мне в лицо. Я вытираю глаза. Руки становятся красными. Старик, севший в грязь, теперь шатается. Его голова странно наклонилась. Тело содрогается снова. Лишь где-то в глубине души я осознаю, что это делает с ним металл. Еще одна пуля пронзает его, и он с истошным криком падает набок. Дети визжат и пытаются убежать. Металл рвет их в клочья, головы откидываются назад, а тела дергаются в безумном танце. Я толкаю Лиама на землю. Что-то горячее и тяжелое бьет

меня в плечо. Я теряю равновесие и лечу в грязь. По руке змеятся холодные струйки шока, грязь забивается в нос.

Это все не на самом деле.

Это происходит с кем-то другим. Я перекатываюсь на спину.

Звуки выстрелов стихают. Я смотрю вверх в голубое небо. Я поднимаюсь в него, как в первый раз, когда увидела его собственными глазами. Выше. Выше. К единственной серебряной слезе.

Она все ближе.

Ближе.

Слеза мерцает надеждой. Это Старик, приглядывающий за Долиной? Он заберет меня домой, к отцу? К маме? К Тирану?

Слеза разделяется на трое. А может, их и было три. Может, я не погружаюсь в небо, а оно падает на меня. Слышу вдалеке шепот гневного металла. Это корабль. Три корабля. Они оставляют инверсионные следы в небе. Один большой. Два тонких и быстрых. «Республика!» – кричит кто-то в миллионе километров от меня. «Республика!»

Падающие ракеты сотрясают землю, словно удары сердца. Бух. Бух. Бух. Большой корабль засеивает небо маленькими блестящими семенами. Они начинают падать. Быстрее. Быстрее. Собираются вместе, как стая ласточек, потом снова разделяются в тысяче метров над нами. Одно из семян с ревом несется ко мне – жаркий поток металла и пара. Оно врезается в грязь. Демон из металла в облике человека. У него оранжевые доспехи. Его шлем сделан в виде морды рычащего пса. Он поднимает левый кулак и направляет его на строй стреляющих налетчиков. Шум и яростный взрыв. Потоки искривленного воздуха визжат над грязью. Чужаки бегут или плавают. Потом демон уходит обратно в небо, и за ним через электронный динамик тянется боевой клич:

– ...леманус!

– Лирия... – бормочет Лиам, прикасаясь к моей ноге. Он движется на ощупь, пока не доберется до моего лица. Он жив, хоть и весь в грязи. – Лирия, ты ранена? – спрашивает он сквозь слезы.

– Я здесь, – шепчу я. Сажусь и прижимаю его к себе правой рукой. – Я здесь. – Обнимаю мальчика и рыдаю. – Я здесь...

Кругом трупы.

Что-то не так с моим левым плечом. Мне никогда еще не было так больно. Из него течет кровь, рука пульсирует, и пронзительная боль спускается к пальцам. Мы сидим посреди мешанины исковерканных, корчащихся тел. Люди «Алой руки» мертвы или сбежали, чтобы спрятаться от огня с неба. Два белых, как кость, крейсера республики стреляют по грузовикам и стоящим на земле транспортным кораблям «Руки». Стальные рыцари со свистом рассекают воздух.

Это чересчур. Слишком громко. Я забираю Лиам и следом за немногими уцелевшими в бойне ухожу подальше от этого ужаса в береговые тростники. Там, испуганно затаившись, мы слушаем шум битвы. Выживших около дюжины. Они вздрагивают, когда взрывается бомба. Я сижу молча, покачиваясь взад-вперед, и наблюдаю за жуками, летающими над водой. Моя сестра в безопасности. Ее дети тоже. Мы скоро увидим их и улыбнемся друг другу. Мы с Лиамом скоро будем с ними.

– Смотрите! – выкрикивает кто-то рядом со мной, указывая вверх.

Рыцарь в собачьем шлеме падает, за ним тянется шлейф дыма. Республиканец плюхается в реку метрах в тридцати от нас. Мы все смотрим на воду. Он не выныривает. Я обвожу взглядом сородичей. Никто не двигается с места.

Он утонет.

– Мы должны помочь ему, – бормочу я сквозь стучащие зубы. Мне холодно, несмотря на жару.

Никто даже не взглянул на меня.

Я повторяю громче:

– Мы должны помочь ему!

И снова никто не шелохнулся.

– Вы, трусливый шлак!

Я велю Лиаму сидеть на месте и ковыляю в воду, пока она не доходит мне до шеи. Тут глубже, чем я думала. Я не сумею поднять его в одиночку. Выругавшись, оглядываюсь вокруг. Замечаю длинную веревку, соединяющую вместе полдюжину рыбацких лодок. Я бреду туда, отвязываю веревку и возвращаюсь на глубину. Лодки тем временем дрейфуют по отдельности. Течение тянет меня за талию, как плохой партнер по танцам, угрожая утащить вниз по реке. Вскоре вода смыкается у меня над головой. Я ныряю и ищу в мутной воде упавшего рыцаря.

И не вижу его.

Ил такой густой, что мне приходится дважды выныривать, прежде чем я по счастливой случайности нахожу его, задев ногой о кусок металла. Нащупываю ступней доспехи и с трудом отыскиваю в этой мути очертания человеческого тела. Чертовски мешает раненое плечо, и все же я кое-как привязываю к его ноге веревку, а потом всплываю, волоча ее за собой. Когда я добираюсь до берега, там уже ждет группа алых, чтобы помочь мне. Все такие храбрые и героические – после того как я сделала всю грязную работу.

Десять пар рук тянут веревку, пока наконец не удастся с большими усилиями вытащить рыцаря с глубины на мелководье.

Мы склоняемся над ним, простертым в грязи. Оранжевые доспехи все измазаны и обуглились на животе – рыцаря подстрелили в воздухе. Он настоящий великан. В жизни не видела такую здоровенную скотину. Один его шлем размером почти с мой торс. Огромные металлические перчатки могут раздавить мою голову, как яйцо гадюки. Из дыр в металле толчками выливается вода. Я провожу по нему пальцами. Мне почему-то кажется, что он должен быть горячим. Но он холодный и слегка переливчатый.

– Вы только гляньте, какой здоровенный! – ахает кто-то.

– Должно быть, чертов черный.

– Нет, они носят белые перья.

– Он умер?

– Заряд попал в генератор, – говорит старик. Кажется, его зовут Алмор. Много лет назад он был забойщиком у Дельты. – Импульсный щит не работает, а значит, у него там нет кислорода. Он может задохнуться.

– Надо снять с него шлем, – говорю я.

– Кто-нибудь знает, как работает это дерьмо? – спрашивает женщина и тянет за шлем, но тот не сдвигается.

– Должен быть аварийный сброс или что-то вроде того, – говорит Алмор. Он ощупывает линию подбородка. – Вот.

Лицевая панель с шипением приоткрывается. Из шлема льется вода. Старик толкает лицевую панель назад, пока она не уходит внутрь, открывая лицо рыцаря. Он не черный, но кажется, будто высечен из гранита. Тяжелый подбородок, рыжая борода. Голова лысая и огромная. А по правой скуле тянется тонкий шрам. Нос у него разбит. Маленькие глаза обрамлены тонкими ресницами. Он золотой. Я никогда прежде не видела золотого. Никто из нас не видел.

– Он дышит? – Алмор озадачен.

Никто не делает и шага к рыцарю. Продолжают трусить. Я наклоняюсь и прикладываю ухо к его носу. И ровно в этот момент золотой содрогается от спазма. Я в ужасе отскакиваю. Его рвет водой. Пока он заходится в кашле, я оседаю в грязь. Сил никаких нет. У нас над головой

небо рвется в клочья – все больше сверхзвуковых кораблей возникает в небе и спускается, чтобы спасти лагерь.

Теперь «Алая рука» отступит, но лагерь 121 уже горит.

14. Эфраим Годовщина

В маленькой угловой кабинке полутемной задней комнаты два зашлакованных типа пьют из грязных стаканов, ссутулившись, как старые уродливые горгульи. Они поднимают головы, когда я возникаю перед ними из клубов неоновозеленого дыма – по соседству двое механиков-алых курят какое-то демоническое зелье.

...К югу от центра Гипериона, в ста шестидесяти километрах от обсаженных кленами бульваров Променада, высятся бруталистские башни Атласского межпланетного порта. В АМП семь основных башен, и это поистине циклопические сооружения. За каждый стандартный земной год через залы порта проходит миллиард пассажиров. Но на каждого приземляющегося здесь нового олигарха или золотого из старинного семейства приходится великое множество космолетчиков, межпланетных иммигрантов и пассажиров. Все эти усталые путники жаждут посетить рестораны, казино, отели и бордели, прежде чем отправиться в рейс к конечному пункту их назначения на Луне, каким бы он ни был.

Это опухоль, которая не перестает расти. Вот почему портовый центр развлечений называется Громадой. За моей спиной через открытую дверь световая реклама и цифровая плоть высокого разрешения приманивают взгляд и как будто вытаскивают путешественников из трамваев или частных авиакаров. А затем швыряют их в шлюзы коммерции, чтобы перекачивать кровь и наличные в вены этого города в городе. Сюда приходят забыться, не думать о жизни. Но – венец иронии! – моя жизнь началась именно здесь.

Бар тогда выглядел иначе. Я два года как ушел из легиона и заявился в Громаду, чтобы прожечь несколько кредитов с пехотинцами из Пирея. Выпил пару раз, и тут какой-то идиот пролил стакан молока с приправами мне на загривок. Я развернулся, чтобы научить козла хорошим манерам, но мне хватило одного взгляда на глуповатое лицо и мешковатый костюм. Я так ржал, что даже не мог поднять кулак. Этот тип смотрел на меня круглыми виноватыми глазами, а на лице у него были молочные усы. Кто, блин, заказывает молоко в таком месте? Парень был молодым, скромным и два года как перебрался в легион из какого-то захолустья на Земле. Мы сидели и разговаривали в этой угловой кабинке, пока бар не закрыли. Остальное уже история.

Он был моим убежищем. Мой мальчик из маленького города, малыш с большим сердцем и широкой улыбкой. Лишь Юпитеру ведомо, что он нашел во мне...

– Прошу прощения, – говорю я типам в угловой кабинке.

Они разглядывают мой помятый костюм, гадая, не заблудился ли я.

– Чё надо? – спрашивает бурый. Судя по толстым бедрам – терранский выродок. Он щурит глинистые глаза.

– Я резервировал эту кабинку, гражданин, – поясняю я.

– Нету тут никакого бронирования. Отвали.

– Садись туда, – с кислой миной бурчит тип покрупнее, серый, – и закрой пасть, пока тебя не нашинковали. – Он указывает на ближайший пустой столик и поигрывает изогнутым ионным ножом длиной с мое предплечье. Активирует заряд, и нож мерцает синим.

– И кто будет шинковать – ты? – сухо интересуюсь я. – Судя по твоему виду, ты на ногах вряд ли удержишься.

Серый встает.

– Ну давай, сука. В Уайтхолде у меня была слякоть вроде тебя, – цедит он.

Оцениваю бугристые мускулы его рук. Пожалуй, он с легкостью может порвать на растопку такого противника, как я. Надо было просто пройти мимо.

– Уайтхолд? – презрительно фыркаю я. – Странно. Я думал, свинолюбов отправляют в Дипгрейв.

Второй тип тоже поднимается. В тусклом свете блестят ножи. Я отступаю, слишком поздно осознав, что по пьяни сболтнул лишнего.

Серый готов уже двинуться вперед и вскрыть меня тесаком, но тут он видит что-то у меня за спиной и останавливается как вкопанный. В баре воцаряется тишина. Сюда вошел кто-то ну очень особенный. А нечто особенное даже для здешней толпы может означать лишь одно.

Она все-таки пришла.

Я оборачиваюсь и вижу женщину-серую моего роста, но смахивающую на курного боксера с габаритами бетонного строительного блока. Веснушки, потемневшие под суровым меркурианским солнцем, молот уродливого широкого носа. Волосы на висках выбриты, а на макушке вздымаются, как всплывающая белая акула. На женщине черная форма, и все люди в баре, от настороженного бармена до ошеломленной шлюхи, пялятся на красные шевроны с крылатым конем на рукавах ее куртки и на свисающий с левого плеча косматый волчий плащ. Легион Пегаса, батальон упырей. Личная гвардия Жнеца.

Женщина размашистым шагом направляется к типам, преграждающим путь к кабинке:

– Проваливайте.

Вежливо склонив голову, они спешат удалиться. Она садится, наливает в стаканы виски, протирает края своего стакана и кивает мне. Я присоединяюсь к ней. Она швыряет в спину громилам золотую октавию. Сотенный кредит с полумесяцем дома Луны. Такие все еще в ходу, невзирая на жалкие попытки восстания чеканить новое законное платежное средство.

– За виски, граждане.

Те исчезают, и в баре постепенно возобновляются разговоры. Женщина устремляет на меня испытующий, суровый взгляд.

– Холидей Накамура, упырь. Как живая, – говорю я.

– Эфраим Хорн. Тупица в поисках смерти. – Она кивает вслед двоим головорезам. – Сильно пострадал?

– Как обычно. Не желаешь ли принять благодарность за спасение моей задницы?

– Не спеши меня благодарить. Ночь только началась. Кроме того, черная с рельсотроном вон там – слишком большой кусок, чтоб ты мог его проглотить.

– Что?

– Вторая кабинка у дальней стены. Крупная девушка, и у нее что-то под мышкой. – Она кивком указывает на полутемную кабинку, где большая фигура сгорбилась над бокалом, в котором торчит бумажный зонтик. В дурмане водки и таблеток я ее даже не заметил. – Теряешь форму, Эф, – хмыкает Холидей, настороженно пригнувшись к бутылке виски.

– Черт побери, – вздыхаю я. – Я скоро вернусь.

– Помощь нужна?

– Только если у тебя есть билеты в зоопарк.

– Что?

– Не спрашивай.

Я пробираюсь через бар. Вольга застенчиво горбится, словно надеется спрятаться в тени кабинки, чтобы я ее не увидел. Она сдается, когда я щелкаю перед ней пальцами:

– Пошли на улицу.

С зеленого навеса над входом в бар лениво капает дождь. Сам бар расположен в квартале ресторанов и питейных заведений, непосредственно примыкающем к многоуровневой магистрали. За небольшой защитной стеной – отвесный обрыв в бетонный каньон между зданиями. Я толкаю Вольгу в грудь:

– Ты что, теперь следишь за мной?

– Нет...

– Вольга!

– Да, – сознается она. – Я беспокоюсь о тебе.

– Беспокоишься обо мне? Ты ведь без меня такси поймать не можешь!

– Но я же тебя выследила!

– Значит, я наконец-то хоть чему-то вас научил! Но я никогда не говорил, что нужно лезть в чужие дела, тупая великанша.

– Ты выглядел печальным...

– Не твоя проблема. У тебя своих проблем достаточно, и еще одна тебе ни к чему.

– Но мы же друзья. А друзья заботятся друг о друге. – Она кивает в сторону входа. –

Кто это? Ее плащ...

– Не твое собачье дело.

– Но...

– Вольга, мы не друзья. – Ткнув ее пальцем в грудь, смотрю снизу вверх в грубоватое лицо. – Мы работаем вместе. У нас деловое сотрудничество. Этим наши взаимоотношения исчерпываются.

Она стоит с таким видом, будто я ее ударил.

Я раздраженно вздыхаю:

– Иди домой. И перестань ходить следом за мной лишь потому, что у тебя нет личной жизни.

Повторять дважды не приходится. Поникнув, Вольга бредет вверх по лестнице, ведущей к уровню такси.

Я возвращаюсь в бар. Холидей явно успела приложиться к виски, но стул ее сдвинут, будто она только что вставала. Она что, подслушивала у двери?

– Ты ее знаешь? – спрашивает Холидей.

– Нет! – огрызаюсь я.

– Ладно. Что ж... Рада тебя видеть, Эф. – Она проводит по ободу стакана мозолистым пальцем. – Честно говоря, я удивлена, что ты пришел.

– Ой-ой! Ты думала, мне уже все равно?

– Я думала, что ты не помнишь, когда у Тригга день рождения.

– А я думал, что твой хозяин-мессия не спустит тебя с поводка отдохнуть и развеяться.

Разве ты не должна присутствовать на параде?

– Парад был вчера. И ты это знаешь.

Я пожимаю плечами:

– Ну, это место превратилось в дерьмо.

– Угу. Я предпочитаю всему этому бамбуковые факелы... – Она умолкает и указывает на окно – за ним в зеленом освещении слоняется бесчисленное множество всякого быдла.

Я фыркаю:

– Возможно, мы просто становимся слишком культурными. Но это лучше, чем песчаный пояс Меркурия.

– Черт возьми, да, – тяжело роняет Холидей.

Она никогда не была красавицей, и сейчас очевидно, что последняя кампания далась ей особенно тяжело. Но сильнее всего сказывается внутренняя усталость. Холидей сидит за столом, а тяжесть планеты как будто вдавливают ее в бутылку виски.

– Ты атаковала в Дожде? – спрашиваю я; она кивает. – Я видел кинохронику. Смотрится как полный бардак. На что это похоже? На Дождь?

Холидей пожимает плечами:

– Хорош для поставщиков оружия. Для прочих – враждебен человеческому опыту.

Я поднимаю свой стакан:

– За вернувшуюся героиню и ее прозорливость!

Она подносит свой стакан к моему:

– За ехидного лентяя.

Мы чокаемся и выпиваем. Пойло дешевое, в нем чувствуется привкус пластиковой бутылки. Как из армейского пайка. Не успеваю поставить стакан на стол, как он снова полон. Мы выпиваем еще раз. И еще. Пьем до тех пор, пока не приканчиваем бутылку. Холидей рассматривает остаток последней порции, удивляясь, как быстро закончился виски. Она ничем не отличается от любого из солдат, вернувшихся домой с войны. Они замкнуты в своих внутренних мирах. Вечно напряжены, постоянно оценивают обстановку. Холидей неловко пытается завязать разговор, потому что знает, что так положено.

– Ну... что нового? Ты все работаешь по контракту?

– Ты же меня знаешь. Воздушный змей на ветру. – Я вырисовываю пальцем зигзаги в воздухе.

– Какая корпорация?

– Ты такой не знаешь.

Она не улыбается. Интересно, ей так же больно видеть меня, как мне ее? Я боялся этого. Боялся прийти сюда. Снова соскользнуть в эти воспоминания.

– Ну в общем, ты живешь легко и приятно.

– Единственная легкая вещь – это энтропия.

– Смешно.

– Это не ко мне. – Пожимаю плечами. – Я человек занятой.

– Есть и другие способы быть занятым. Со смыслом.

– Я пробовал. – Моя рука рефлекторно тянется к груди – туда, где под пиджаком скрыты шрамы, полученные от того золотого. Я замечаю, что Холидей смотрит на мою руку, и опускаю ее. – Не вышло.

В ее руке жужжит датапад.

– Вызывают? – спрашиваю я, но она отключает датапад, не взглянув на него.

– Крупных краж стало больше. Теперь есть оперативная группа. Правительнице надоело, что культурные ценности этого города растаскивают для того, кто больше заплатит.

– А, правительница. Как там старушка Львиное Сердце? Все еще амнистирует убийц и работорговцев?

– Ты по-прежнему так остро это воспринимаешь?

– Серые: жизнь короткая, память долгая. Помнишь эту поговорку? Скажи, а для этой новой оперативной группы уже придумали красивый герб? Крылатый тигр или, к примеру, лев с мечом в сверкающей пасти?

– Ты сам решил покинуть восстание, Эф.

– Тебе известно, почему я ушел.

– Если тебе не нравилось, как идут дела, ты мог остаться и что-то изменить. Но сидеть в дешевом кресле и швыряться бутылками, конечно, легче.

– Что-то изменить? – Я гадко улыбаюсь. – Знаешь, когда начались судебные процессы в Гиперионе, я подумал, что наконец-то дождался правосудия. Клянусь Юпитером! Я надеялся, что золотые наконец-то заплатят по счетам. Даже после Эндимиона, после того что они сделали с моими парнями... – Я снова касаюсь груди. – Но потом ваша правительница струсила. Ну да, какие-то офицеры Сообщества из медных, какие-то высокопоставленные психи из Бюро стандартов получили путевку в Дипгрейв, но куда больше оказалось тех, кого простили, потому что ей нужны были их люди, их деньги, их корабли. Вот и конец правосудию.

Холидей упрямо смотрит мне в глаза.

После смерти Тригга на той марсианской вершине я присоединился к восстанию. Больше ради мести, чем из каких-либо других соображений. Я не был убежденным последователем восставших. Постепенно они приспособили мои полученные в «Пирее» и отточенные в леги-

оне навыки и понимание культуры золотых к охоте на военных преступников – нобилей. Мы называли себя «охотники за шрамами». Еще один эффектный эвфемизм, не более.

Я знаю, что мне не следует давить на Холидей насчет политики. Она непрошибаема и упряма, как всегда. Просто очередной солдат, оболыщенный красавчиками-полубогами. Но из-за алкоголя я завожусь.

– Знаешь, всякий раз, когда какой-нибудь рабовладелец-золотой выходил на свободу «ради нужд войны», мне казалось, будто плюют на могилу Тригга. Пускай Айя превратилась в прах, но другие, такие же как эта сука, ходят себе по земле на разных планетах, потому что люди, держащие ваш поводок, не довели дело до конца. Надо было выбрать правителя из серых. Мы, по крайней мере, покончили бы с дерьмом.

Я осушаю стакан, чтоб подчеркнуть свои слова, и чувствую себя идиотом-диктором на голографическом шоу. Красивые пустые слова и пафосные максимы.

– Ты же знаешь, я не смогу помочь, если тебя где-то застукают, – говорит Холидей.

Умолкаю, потому что она, как всегда, права, а я вечно не слежу за языком.

– Публичное мочеиспускание – преступление без жертвы, – улыбаюсь я, достаю сигарету и закуриваю.

– В прошлый раз я говорила серьезно.

– Про матч «Гиперионских химер»? Я бы потерял на этой ставке кучу денег. Плачевное зрелище. Но псевдвойна непредсказуема, верно? Безопаснее ставить на «Карачи».

– Предложение все еще в силе, Эф. Такой человек, как ты, пригодился бы нам. Вернись. Помоги нам раскрутить синдикат. Ты можешь многим спасти жизнь.

– Я и спасаю жизнь. Только свою. То есть держусь как можно дальше от твоих хозяев, насколько это в человеческих силах. Жаль, что Тригг не получил такого шанса.

Холидей смотрит на меня сквозь дым, который я выпускаю ей в лицо.

– Я больше не желаю этим заниматься.

– Говори конкретнее.

– Вот это... – Она окидывает взглядом бар. – Это не для него. Даже не для меня. Это для тебя. Чтобы ты мог пойти здесь ко дну и в конце концов сгнить изнутри. Тригг этого не хотел бы.

– А чего бы он хотел?

– Чтобы у тебя была жизнь. Цель.

Я закатываю глаза:

– Зачем ты трудилась припереться сюда? Я тебя не заставлял.

– Потому что мой брат любил тебя! – отрезает она и понижает голос: – Он хотел бы для тебя чего-то большего, чем ты имеешь сейчас.

– Тогда, возможно, тебе не стоило допускать, чтобы его убили.

Старушке Холидей меня не уязвить.

– Придурок, прошло уже десять лет. Отпусти его, или это сожрет тебя.

Я пожимаю плечами:

– Тут и жрать почти нечего.

Я не заслужил любви ее брата и, ясен хрен, не нуждаюсь в ее жалости. Делаю знак бармену, и он приносит еще одну бутылку. Я наливаю себе стакан.

Холидей качает головой:

– Я не приду сюда в следующем году.

– Как жаль! Тебя будет не хватать. Порви цепи, и все такое.

Она встает и смотрит на меня сверху вниз, явно собираясь съязвить, но проглатывает реплику. Это приводит меня в ярость – я чувствую запах жалости.

– Знаешь, что меня просто бесит? – говорю я ей. – Ты поглядываешь на меня свысока, в этой своей дурацкой форме, и считаешь меня дешевкой. Но ты слишком глупа, чтобы понять: на тебе ошейник. Это тебя Тригг стыдил бы.

– В его смерти есть единственный плюс: ему не приходится видеть тебя таким. Пока, Эф.

У двери она бросает взгляд на свой датапад, и на ее лице появляется тень страха. Потом она выходит под дождь.

Еще два стакана – и я оставляю бутылку. Спотыкаясь на каждом шагу, ковыляю прочь из бара. Дождь льется сквозь лабиринт города вверх и вниз, становясь грязнее с каждым уровнем. Я подхожу к краю тротуара, перегибаюсь через ржавое металлическое ограждение и выглядываю на оживленную воздушную линию. Отсюда до уровня зловонной почвы Громады лететь тысячу метров. В сгущающемся тумане мелькают аэрокары и такси. Со стороны огромных зданий неоновыми-зелеными и яростно-красными пятнами миазмов просачивается реклама, словно радужный гной. На цифровом рекламном щите шестиэтажный ребенок-алый бредет один по пустыне. Губы потрескались. Кожа дико обожжена. Он спотыкается обо что-то в песке, принимается усердно копать... и обнаруживает нечто. Бутылку. Он лихорадочно отвинчивает крышку и делает глоток. Смеется от восторга и протягивает блестящую бутылку к солнцу. Та искрится и восхитительно сверкает каплями конденсата. На экране светится слово «амброзия», в углу экрана – маленький логотип, крылатая стопа.

С неба доносится далекий рев. Это большой пассажирский корабль, устремленный к невидимым звездам, покидает космодром в АМП. Я вытряхиваю в горло последние капли из своей фляги. Лучше бы я никогда не приезжал в Громаду из Гипериона. Лучше бы я отправился в клуб «Жемчужина» и клюнул на наживку какого-нибудь розового. В одном Холидей права: не стоит беречь рану. Но в противном случае будет казаться, что все это не имеет значения. А если это не имеет значения, то и я тоже ничего не значу.

Я вытаскиваю одной рукой датапад, чуть не уронив его за ограду, и запускаю последнее видео. Запись с камеры наблюдения. Передо мной в воздухе возникает зимний пейзаж. Капли дождя беспорядочно пронзают голограмму. Тригг попал в переплет на мосту по пути к посадочной площадке, выступающей из горного склона, как поднос на руке официанта. Огромная золотая в синих доспехах атакует Тригга, когда тот бежит обратно к Жнецу. Она вонзает клинок ему в грудь, протыкает его насквозь и вскидывает в воздух, словно уличный торговец шашлык. Потом швыряет его с моста. Моя любовь разбивается о камни. Его кровь темнеет на белом снегу.

Я швыряю датапад в пропасть. Слезы и дождь туманят мне глаза. Ограждение скользит под руками – я вдруг обнаруживаю, что карабкаюсь на него. Балансирую на краю, глядя на кары внизу и темноту за ними. Я ощущаю боль, такую же острую, как и десять лет назад, когда Холидей позвонила мне. Я был в офисе страховой компании «Пирей». Тогда, повесив трубку, я не издал ни звука. Просто снял форму, оставил значок и навсегда покинул офис⁵.

Теперь я мог спокойно отпустить эти воспоминания.

Но когда я наклоняюсь вперед, чтобы шагнуть за край, что-то останавливает меня. Рука, вцепившаяся сзади в мой пиджак. Я чувствую, как опора уходит из-под ног, – меня сдерживают с ограждения на тротуар. Падаю на твердый бетон и от болезненного удара не могу вдохнуть. На меня сверху вниз смотрят трое бледнолицых мужчин в черных кожаных плащах и хромированных очках.

– Что за че...

Кулак размером с небольшую собаку отправляет меня в темноту.

⁵ В романе «Утренняя звезда» Холидей несколько иначе описывает историю Эфраима и Тригга. – *Примеч. ред.*

15. Лисандр Из глубин

В кабине Пита умолкает, погрузившись в боевую синхронизацию корабля. Ее отстраненный взгляд устремлен в пространство, а ее разум функционирует как единое целое с корабельным компьютером.

– Лучше начинай думать, как ты хочешь умереть, – говорит мне Кассий, когда я опускаюсь в кресло наблюдателя за Питой. – Один двигатель не работает из-за того, что тебе вздумалось поиграть в Лорна. Это хуже, чем звездная свалка в Лорио.

– Хуже нее нет ничего. – Я смотрю на сенсорные дисплеи и индикацию данных. – Ладно, не важно.

Нас преследуют три корабля. Не сляпанные на скорую руку пиратские корабли, а военные суда. И не имеет значения, что они старые. Их двигатели, похоже, в превосходном состоянии. Пита ведет огонь средней дальности из наших рельсотронов. Не вижу в этом драмы – здесь все дело в дисплеях и показаниях датчиков. Я чувствую знакомую дрожь корабля, когда заряды вылетают из кассет в магнитные пусковые стержни и мчатся сквозь пространство к нашим преследователям. Сколько еще мы можем сделать выстрелов, пока энергия не иссякнет?

– Может, оторвемся от них в поле астероидов? – спрашиваю я.

– Оно недостаточно плотное, – говорит Кассий.

– Может, сядем куда-нибудь?

– Они слишком близко.

– Может...

– Нет, – отрезает он. – Не можем спрятаться. Не можем бежать. Не можем драться. Черт побери! – Он бьет кулаком по консоли. – Тебе следовало слушаться меня!

– Прости, Кассий.

– Не называй меня по имени. У нас на борту гости.

– Она без сознания.

– А члены экипажа в сознании. Ты хочешь, чтобы кто-нибудь из них попытался заполучить награду центра, пока мы уворачиваемся от аскоманов? – Он качает головой, поражаясь моей глупости.

– Я не собирался стоять в стороне и ждать, пока эти дикари съедят одну из нас.

– Одну из нас...

– Дедушка попытался бы спасти ее.

– Конечно попытался бы. Он выпотрошил бы сотню низших цветов, чтобы уберечь от смерти одну золотую. Сколько сегодня ты убил – дюжину?

Перед моими глазами снова мелькают их лица. Пена на губах от страха. Глаза, широко раскрытые, словно у умирающей лошади. Смертельная бледность.

– Оно того стоило? Ты мог помочь им, – печально роняет Кассий. – Но ты пошел за ней! За одним человеком!

Я принимаю наказание. Оно заслуженно. Но Кассий забудет сегодняшний день. Время размоет его. А со мной такого не случится. Моя память вернет меня к этим кричащим лицам даже на смертном одре. Я увижу их ногти, которые ломаются о сети. Почую запах мочи на палубе. И задумаюсь: скольких можно было бы спасти, будь я более рассудителен? Наш корабль снова содрогается – в него попадает очередной снаряд. Наши кинетические щиты отправляют его рикошетом в космос. Если бы преследователи хотели нас убить, то использовали бы ракеты, но они целятся в наши двигатели.

– Они хотят взять нас живыми, – говорю я.

– Само собой. Они увидели, что мы золотые. Они изнасилуют нас, а потом, когда им это наскучит, убьют.

– И съедят, – добавляю я. – Они каннибалы.

Кассий наверняка уловил нотки страха в моем голосе.

– Как долго двигатели смогут работать на форсаже? – спрашиваю я.

Ответ ясен, но мне также прекрасно известно, что Кассия нужно подтолкнуть.

Тот смотрит на Питу.

– Недолго. Час – может, два. Потом мы превратимся в мертвый металл. Но куда нам лететь на форсаже? До ближайшего астероидного города пять дней пути.

– На окраину.

– На окраину... – повторяет Кассий. – Ты забыл свою фамилию? Забыл мою? – Он понижает голос и оглядывается на коридор. – Твоя бабушка приказала разрушить одну из тамошних лун и их верфи.

– Так говорят.

– Они думают, что я лично растоптал голову Ревуса Раа.

– Аскоманы не станут преследовать нас за границей окраины. Они боятся соваться туда больше, чем мы.

– На то есть причины.

– Вероятность, что хотя бы в шести днях пути от того места, где мы войдем в пространство окраины, окажется военный корабль, ничтожна.

«Архи» снова содрогается. Пита дергается в кресле. Из рта ее стекает струйка крови: она прикусила язык. Ее капля дрожит на пульте управления. Я открываю Пите рот и заталкиваю тонкую полоску пластика внутрь.

– Я совершил здесь ошибку. Но это вопрос вероятностей. Мы можем проскользнуть за границу, оторваться от аскоманов, починить наши двигатели и...

– Ни один корабль не входил в пространство окраины вот уже десять лет. Я не стану рисковать – вдруг начнется война.

– Тогда каков же твой план? – интересуюсь я.

– Развернемся и будем драться. Мы можем проникнуть внутрь одного из их кораблей. Направить его орудия против остальных корветов. Я видел, как люди проделывали такое.

Драться. Ну конечно, какого еще ответа можно было ждать от него!

– Мы не эти люди, – говорю я, и, похоже, его воинское тщеславие уязвлено. – И у нас нет пусковой установки на корме корабля. Нам придется развернуть его правым боком. Потом открыть в ответ шквальный огонь из рельсотронов. И если мы с этим справимся, добавив к их скорости скорость в пусковой шахте, то врежемся в их иллюминаторы со... – Я извлекаю из памяти подробный отчет о математически самоубийственном нападении Дэрроу на «Авангард» – бабушка заставила меня сделать и проанализировать его – со скоростью, потенциально в девять раз превышающей ту, какую использовали, чтобы пробиться в «Авангард». Наши кости будут неотличимы от мочи.

– Что, правда?

– Хочешь поспорить?

– Дерьмо.

– А как насчет Эс – тысяча триста девяносто два?

– Астероида?

– Того самого, на который направлялась эта золотая. – Я смотрю на сенсоры. – До него два часа лёта. На три меньше, чем до границы окраины. Прежде чем потерять сознание, девушка сказала, что помощь там.

Кассий щурится:

– В какой именно момент у тебя нашлось время поговорить с ней?

– Когда я был в медицинском отсеке.
– Мы не знаем, кто она такая. Не знаем, откуда она. Ты вообще представляешь, что за помощь она имела в виду?
– Нет, – признаюсь я. – Но возможности множатся по мере их использования.
– Не надо мне тут цитировать Сунь-цзы⁶ с таким видом, будто это твоя идея. «Помощью» может оказаться кто угодно. Даже сам треклятый Повелитель Праха.
– Это было бы благом для нас.
– Для тебя – возможно. А с меня твой крестный спустит шкуру заживо. – Он смотрит на корабли черных на сенсорах. – Она использовала твой клинок. У нее есть шрам?
Если я скажу «да», он не полетит к С-1392. Он попытается драться.
– Нет. Шрама нет, – говорю я. Потом во мне просыпается чувство вины. Мой мозг всегда был быстрее моей совести.

Наш корабль снова содрогается, на этот раз сильнее, и дисплеи показывают повреждение двигателя по правому борту. С каждым попаданием в корпус Кассий кривится. Ему больно видеть, как «Архимед» истекает кровью.

– Пошло все в шлак! – Он хватается Питу за плечо. – Пита, бери курс на астероид Эс – тысяча триста девяносто два. Увеличь мощность двигателей на пятнадцать процентов выше предельного значения. Если они расплавятся, плевать.

Находясь в состоянии синхронизации, Пита не отвечает, но корабль выполняет команду. Я сижу, а «Архимед» громыкает вокруг нас. Гравитация давит на мое тело – компенсаторы напрягаются от резкого ускорения и гонки «Архимеда» к астероиду. После нашего внезапного рывка черные отстают, но постепенно нагоняют нас.

Жребий брошен.

Пока Кассий готовит корабль к возможному abordажу – раздает членам спасенного экипажа оружие, – я возвращаюсь в медотсек к золотой. Не удастся ли получить от нее еще какую-нибудь информацию? Она все еще без сознания. Бросаю на нее быстрый взгляд и чувствую, что беспокоюсь о ней сильнее, чем просто о незнакомом человеке. Я бережно срезаю остатки ее одежды и начинаю очищать ее кожу от масла спиртовыми скрабами. Ради соблюдения приличий накрываю девушку одеялом. Когда я поднимаю голову, оказывается, что глаза золотой открыты и она, похоже, уже некоторое время смотрит на меня. Я чувствую, как мои щеки вспыхивают: вдруг она подумает, что я делаю нечто предосудительное? Но сейчас ее взгляд мягче, чем при нашей первой встрече. Не такой дикий. Она изучает клинок у меня на боку.

– Мы направляемся к астероиду, – вежливо поясняю я. – Ты сказала, что там есть помощь. Какая?

Она пытается что-то ответить, но еще слишком слаба, чтобы слова могли сорваться с ее губ.

– Не волнуйся, – говорю я, глядя на новый слой восстановителя, которым я прикрыл ее шрам, – береги силы. – Я кладу руку ей на плечо. – Мне нужно осмотреть твою рану. Можно?

Она едва заметно кивает. Я откидываю одеяло и изучаю воспаленную плоть. Мое прижигание было небрежным. Отыскиваю в шкафчике свежую повязку и возвращаюсь к ее ране. Когда я наношу дезинфицирующий крем, девушка вздрагивает. Чтобы успокоить ее, я цитирую одно из своих любимых стихотворений, которыми зачитывался в библиотеке матери:

В лазурь голубка белая взлетела,
Звенит восторг в серебряных крылах,
Так с крыльев отряхнула дольний прах
Твоя душа, покинувшая тело.

⁶ Сунь-цзы – китайский стратег и мыслитель, живший в VI веке до н. э., автор знаменитого трактата «Искусство войны».

Она достигла светлого предела...⁷

Когда я заканчиваю декламировать строфу, девушка снова теряет сознание, и на этот раз я не беспокою ее. Все эти жизни были отданы ради нее. Прежде чем уйти, я размазываю масло по ее лицу, чтобы надежнее замаскировать восстановитель, покрывающий шрам, и надеюсь, что солгал Кассию не напрасно.

При полном форсаже нам удастся преодолеть расстояние до астероида менее чем за два часа. Теперь кабина залита багровым светом предупредительных огней: наш последний двигатель перегревается. Инерция несет нас вперед, но аскоманы приближаются. Расстояние между нашими кораблями стремительно сокращается. Вскоре они обмотают нас магнитными буксировочными лучами и прожгут наш корпус. Мы сидим в молчании. Пита теперь не синхронизирована с кораблем. Наши орудия – исковерканный металллом. Щитов нет.

Весь корабль вибрирует – самый крупный из вражеских корветов сбрасывает нам на корпус буксировочный луч и тормозит нас. Кассий разворачивает лезвие-хлыст, я берусь за свое. Моя ладонь мокра от пота. Грудь сдавлена, в пересохшем рту привкус мела. Я сижу, скрестив ноги, на полу в безмолвной медитации, позволяя страху течь в меня, чтобы я мог овладеть им, когда его причина прожжет наш корпус и ворвется в коридоры.

Кассий поворачивается ко мне, затягивая винты на латных перчатках своих импульсных доспехов. Мы оба отказались от неуклюжих скафандров в пользу импульсных нагрудников и перчаток.

– Мы встретим их у двери. Я хочу, чтобы ты стоял за мной. В коридорах слишком тесно, чтобы мы могли драться плечом к плечу. Если я погибну, позаботься, чтобы тебя не взяли живым. – Он смотрит на Питу. – Я думал об этом с тех пор, как... – Он обрывает фразу, не договорив.

Проследив за взглядом Кассия, я обнаруживаю, что он устремлен на радарный сенсорный дисплей. Изображение искажается. Пиксели дисплея распадаются на пляшущий сине-черный узор помех.

Пита шурился:

– Кто-то глушит навигационные приборы.

– Это не могут быть аскоманы, – говорю я. – У них недостаточно технологий, чтобы заглушить наше оборудование.

– А кто тогда? – спрашивает Пита.

– Ч-черт... – бормочет Кассий. – Черт побери!

Я смотрю вслед за ним в иллюминатор на большой, безобидный на вид астероид в отдалении. С-1392. Пита увеличивает изображение на визуальном дисплее. Половина астероида окутана тенью. Поверхность грязно-белая, жемчужная, изрытая кратерами от ударов. Тени шевелятся. Что-то движется в темноте, стремительно выбираясь наружу из недр астероида. Оно выходит в космос, словно извивающийся черный угорь из темной морской пещеры, жемчужные глаза угрожающе сверкают. Но угорь этот – не из плоти и крови. Он сделан из металла, выкрашен в черный цвет, и на боках его изображен трехглавый электрический дракон.

Это военный корабль.

В этом пустынном пространстве, где больше десятилетия не летал ни один военный корабль, к нам мчится первоклассный разрушитель. Километр триста метров длиной, битком набитый оружием и защитой высокого уровня. А по сторонам от него – два эсминца незнакомой модели. Из их ангаров появляются три эскадрильи странных истребителей, похожих на глубоководных ужасных тварей.

⁷ Из стихотворения Джона Китса. Перевод В. Микушевича.

Они преодолевают расстояние между нами за полминуты и беззвучно проносятся мимо – шинковать аскоманские корабли, не утруждая себя формальностью радиопередачи. Эскадрильи истребителей несут элегантную смерть – хлещут по аскоманам огнем рельсотронов и плюются ракетами, беззвучно раскалывающими искореженные взрывами корпуса пиратов, пока все аскоманские корабли не испускают кислород и не разваливаются на части, отплывая мертвыми и безмолвными в вечность космоса. Бой длится меньше минуты.

Обломки стучат по нашему корпусу.

– Что это было? – Голос Питы дрожит.

Мигающий красный огонек коммуникатора сообщает о входящей прямой передаче с эсминца. Сам он держится в отдалении, не приближаясь к нам. Я чувствую, что Кассию не по себе.

– Что это за корабль? – спрашивает Пита. – Лисандр?..

Я смотрю в иллюминатор:

– Не знаю.

А вот Кассий знает. И, судя по его безнадежному виду, он словно бы ждал этого. Так ждут неизбежного конца. Я начинаю что-то понимать.

– Ты солгал мне, – говорит Кассий. Лицо у него такое, словно ему разбили сердце. – У нее был шрам. Верно?

Я принимаю на себя его гнев и смотрю ему в глаза:

– Верно.

Он думает, что я убил нас. Возможно, так оно и есть. Но пока мы живы, всегда есть шанс бежать. Однако мы попали из огня да в полымя.

– Включи трансляцию, – приказывает Кассий.

Сперва в открытом канале потрескивают статические помехи, а потом из глубин доносится холодный голос. Человек говорит с акцентом, которого не слышно на улицах Марса или в залах Луны с тех самых пор, как окраина десять лет назад закрыла свои границы. Долгие, ленивые гласные, перекатывающиеся в горле, – родом с вулканической луны Юпитера. Той самой луны, которую зовут своим домом Раа, лидеры окраины.

Это акцент Ио и Повелителей Пыли.

– Внимание, «Архимед», – произносит бестелесный голос. – С вами говорит эсминец доминиона окраины «Харибда». Ваше устройство связи нейтрализуется. Любое отклонение от нынешнего курса приведет к уничтожению вашего корабля. Любое сопротивление приведет к уничтожению вашего корабля. Приготовьтесь к высадке.

Связь прерывается. В кабине воцаряется тишина.

Кассий в отчаянии хватается коммуникатор:

– «Харибда», мы не вторгались в пространство окраины. Повторяю, мы в нейтральной области. Это нарушение Пакс Илиум – Илионского мира. Повторяю, мы не в пространстве окраины.

Ответа нет. Кассий в гневе отшвыривает коммуникатор. Пластик разбивается вдребезги о металлическую переборку, и Пита вздрагивает.

– Лучше наши соплеменники, чем аскоманы, – говорю я, но меня беспокоит страх в глазах Кассия и Питы. – С ними можно договориться.

– Договориться? Пита, принеси мне *личину*. – (Я смотрю на Кассия и пытаюсь сообразить, насколько его страх оправдан.) – Лисандр, возьми наши шкатулки и убери в сейф. – Он снимает висящее на груди кольцо дома Беллона на цепочке и вкладывает мне в ладонь. – Проследи, чтобы не осталось ничего, способного выдать, кто мы такие. Голограммы, оружие, кольца – все в сейф. И клинок Карнуса. Твоя маскировка их не обманет. Спрячь его – или мы покойники.

Я бегу по коридору к жилым помещениям. Там я забираю дубовую шкатулку с фамильными реликвиями Кассия – скудные остатки наследия человека, который некогда мог править

Марсом. Прихватываю и свою шкатулку – большой ларец из слоновой кости с последними памятными вещами из моего прошлого. Обе шкатулки я прячу в потайной сейф в стене за камбузной плитой. Я охлопываю себя, чтобы убедиться, что ничего не забыл. Неохотно снимаю бабушкино кольцо и клинок Карнуса и тоже кладу в сейф.

К тому моменту, как я возвращаюсь в кабину, Кассий открывает коробку, купленную на черном рынке Цереры. В коробке – пористая тонкая серая маска, флакон с нюхательной солью, пакет химического льда и пустая ячейка из-под шприца с обезболивающим. Мы забрали его несколько недель назад, чтобы пополнить полевые комплекты.

– У тебя не осталось стимуляторов? – спрашивает Кассий.

– Я использовал их для золотой. А у тебя?

Он качает головой:

– Все отдал пленным.

– Черт побери! – бормочу я, глядя на поры маски. – Кассий...

Он смеется, и на лице его на миг появляется прежняя лукавая улыбка.

– Все в порядке, любезнейший. Боль – это всего лишь воспоминание.

– Ты что, свихнулся? – ровным тоном интересуется Пита. – Нельзя использовать этот кошмар без стимуляторов.

– Я могу проверить грузовой отсек, – предлагаю я. – Может, мы случайно оставили там упаковку...

Кассий опять качает головой:

– Нет времени.

Пита приходит в ужас:

– Лисандр! Не позволяй ему!..

Смотрю в глаза Кассию:

– Я буду тебя держать.

Кассий бросает взгляд на маску, в глазах его – отстраненность и безнадежность. То же выражение было на его лице, когда нам пришлось взять вознаграждение за бывшего золотого трибуна, чтобы оплатить запчасти для двигателя. Этот взгляд будто вопрошает: как могло дойти до такого? Как можно было настолько изменить себе?

– Не давай мне сдернуть маску, – говорит он.

– Коралловый захват? – уточняю я.

– Замок богомола. В коралловом захвате я сломаю тебе руку.

Я подчиняюсь. Усевшись позади Кассия, обхватываю его ногами за пояс, а руки завожу ему под мышки, захватив бицепсы, потом сцепляю пальцы в замок на его затылке.

– Пита, щелкни переключателем.

Пита медленно придвигается.

Что-то бормоча себе под нос, Кассий берет за ручку активации сбоку маски.

– Готов?

– Давай.

Пита поворачивает ручку активации. Раздается шипение: это три сотни игл, встроенных в пластик маскирующей маски, вонзаются в кожу, кости и хрящи лица Кассия. Он дергается. Раз, второй. А потом из-под маски вырывается булькающий звук, как кипящий пар из чайника. Его мышцы скручиваются узлом и каменеют. Кассий врзается в меня. Его руки извиваются так яростно, что мне кажется: он сейчас переломает мои собственные. Он невнятно кричит, сыплет неразборчивыми ругательствами, перекачивается, пинается и чуть не попадает Пите в голень. Она отпрыгивает. Маска безжалостно закачивает ему в лицо наполнитель, приживляя искусственную кость на челюсть, лоб, вокруг глазниц. Через двадцать секунд индикатор маски вместо красного загорается желтым, и жуткие конвульсии Кассия начинают ослабевать. Мы лежим на боку и тяжело дышим. Кассий хнычет и погружается в неглубокое беспамятство.

Индикатор мигает зеленым. Я выпутываюсь из его рук. Вдоль предплечья ощущаю уколы боли, намекающие на стрессовый перелом.

Пита кидается к Кассию и осторожно расстегивает маску. Его лицо превратилось в kloчущую массу воспаленной, опухшей плоти – он выглядит как восковая фигура, которую поместили слишком близко к огню. Понемногу опухоль спадает под воздействием противовоспалительного компресса, наложенного Питой.

Когда она снимает компресс, оказывается, что наш красивый друг исчез. Его лицо сменила бандитская физиономия: низкий лоб, нос картошкой, покрытый сеткой капилляров, шелушащиеся уши и вялый рот с припухшими ленивыми губами. Шрам аурея пропал, поглощенный этим новым обликом бронзового. Пита утирает слезы.

Она смотрит на меня с упреком, вырывает нюхательную соль из моих рук и, взломав ампулу, сует ему под нос.

– Ты лучше всех, господин, – говорит она Кассию, бережно поддерживая его голову и вытирая испачканное рвотой лицо, пока он приходит в себя.

– Легко, как грех. Теперь все кончено. Все кончено... – Он садится с помощью Питы, и мы вместе смотрим в иллюминатор, как эсминец открывает стыковочный отсек, чтобы заглотить нас целиком.

16. Дэрроу Логово

Я стою на своей башне под сильным дождем.

Внизу раскинулась стальная шкура Вечного города. Среди взметнувшихся ввысь башен, раздавшихся вширь стадионов и жужжащих комплексов лежат темные озера теней – метки, оставленные Шакалом и последовавшей за этим войной. Теперь, когда радиация уничтожена и импульсные купола удалены, членистоногие строительные корабли «Сан индастриз» движутся туда с ленивой целеустремленностью, переправляя работников, перевозя металл.

Гиперион, может, и восстанавливается, а вот все южные города были уничтожены силами Повелителя Праха под командованием безумного Минотавра, Аполлония Валия-Рата, пока того не схватили и не засадили в Дипгрейв.

Мой народ страдает. Но фальшивый мир Танцора – это не ответ. В юности меня поглотила лихорадка войны. Я не чувствую ее теперь. Чувствую лишь холодную тяжесть долга и страх перед тем, что может произойти с моей семьей.

Сияющий корабль приближается к вершине моей башни и приземляется на посадочной площадке. По трапу спускается коренастый серебряный с лысиной на макушке. На нем белый бархатный камзол с высоким воротником. На тяжелой руке сверкает перстень с аурейским глазным яблоком.

– Квиксильвер! – приветствую его я. – Спасибо, что прибыл.

Он с ворчанием пожимает мне руку. Его единственный спутник, дрон-часовой размером не больше детского черепа, плывет за ним. Хромированный корпус поблескивает под дождем. В центре пульсирует красное око. Настороженно смотрю на него.

– Я видел, как социалисты срывают с тебя корону. Позорное было зрелище, – усмехается Квиксильвер. – Люди Маттео сказали мне, что дебаты завершены. Черные воздержались. Просто сидели там. Караваль и медные присоединились к «Вокс попули». Ордер на твой арест будет подписан в течение часа. Вскоре они проголосуют за перемирие.

– Тогда ты знаешь, что случится потом.

– История – это колесо. А толпы всегда одинаковы. Состоят из маленьких людей с большими аппетитами. Они способны вырасти при одном условии: если будут пожирать таких людей, как мы. – Он смотрит на меня с прищуром. – Ты можешь покончить с «Вокс попули» сегодня ночью. Взять сенат штурмом. Заковать их в кандалы.

– Они все еще принадлежат к моему народу, – защищаюсь я.

– А они об этом знают? – (Я не отвечаю.) – «Вокс попули» – это рак. Есть лишь один способ справиться с раком. Вырезать его. Я говорил это твоей жене много лет назад.

– Мы согласились на демократию.

– Однако же ты здесь, правда? – со смехом спрашивает он, но я улавливаю фальшь. – Перемены под силу не завистливым толпам, а смелым и дерзким одиночкам. Фичнер знал это. И мы знаем. Даже если большинство плюет на нас.

Я смотрю на лысеющего мужчину, вспоминая нашу первую встречу на Фобосе. Как я его тогда ненавидел! Он – странное существо. Полное злобы, эгоизма, напичканное жесткой идеологией. Никогда бы не подумал, что смогу доверять такому человеку. Но он поднялся из безвестности на одной лишь силе воли. Он создал Сынов Ареса вместе с Фичнером. Он заново отстроил республику после моих войн. Без него Луна была бы краем кратеров и пепла.

– Ты уходишь. Верно? Хорошо, – говорит Квиксильвер.

– Хорошо?

– Что толку от Жнеца в клетке? – спрашивает он, кивком указывая на небо. – Ты нужен нам на воле.

Я не спрашиваю его совета, но все же эти слова укрепляют мою решимость. Он был другом Фичнера. Эх, если бы я мог сейчас поговорить с Фичнером! Всего лишь раз. Согласился бы он с моим планом?

– Мне нужна твоя помощь.

– Ты знаешь, что я всегда помогаю своим друзьям. Возможно, поэтому их у меня так мало.

– Наверное, ты захочешь сперва услышать, какая именно помощь мне необходима.

– Ты нипочем не доберешься до своих кораблей на орбите, если за тобой по пятам будет следовать эскорт, – предполагает Квиксильвер. – Тебе нужен один из моих.

– Мне нужен «Несс». – (Он вздрагивает.) – И пусть это выглядит так, будто его угнали.

– Почему «Несс»? Что ты задумал? – Я молчу, и Квиксильвер недовольно ворчит. – Не важно. Я поставлю его в сухой док на ремонт. Ты знаешь, где это.

Я киваю:

– Тракса уже ждет в доке.

– Так ты знал, что я скажу «да».

– Надеялся.

Он смеется:

– Верни его в целости, ладно? Это любимый корабль Маттео.

– Сэр, – раздается у меня за спиной. Тон обеспокоенный.

Я поворачиваюсь. Позади стоит мой архикопейщик Александр Аркос, старший и самый умный из внуков Лорна. Ухмыляющийся вундеркинд. Тонкий, как клинок, с длинными белыми волосами и светлой кожей. Ему едва достает до груди другой копейщик – моя племянница Ронна, упрямая старшая дочь Кирана от первого брака. Ей двадцать лет, у нее бритая голова и приплюснутый нос. Она служит копейщиком всего год, но изо всех сил рвется доказать, что ничем не хуже Александра.

Дождь заставляет их склонить головы. Влага впитывается в черные куртки легиона Пегаса. Александр с презрением смотрит на дрон, висящий в воздухе за Квиксильвером, а вот моя племянница не отрывает взгляда от гостя.

– Они все здесь, – докладывает Александр.

Я поворачиваюсь к Квиксильверу:

– Если приспешники «Вокс» обнаружат, что ты помог мне... Тебе будет безопаснее на Фобосе.

– Чтобы смотреть, как чернь грабит мои башни и мои компании? Я не просто так держу службу безопасности. Я отстроил этот спутник заново и должен сражаться здесь. Кстати, вот досада! Ты пропустишь мой день рождения.

– Ну, за то, чтобы встретить следующий.

Мы жмем друг другу руки, и Квиксильвер уходит.

– Все, что вы слышали, – правда, – говорю я.

Тридцать семь упырей смотрят на меня сквозь дым, поднимающийся в потолок; тлеют кончики сигарет. Сборище психопатов и профессиональных убийц, моя стая – это разномастная коллекция изгоев, которых мы с Севро собирали последние десять лет. После того как мы потеряли двадцать бойцов на Меркурии, официальная численность личного состава – сто одиннадцать человек, но большую часть Севро разослал по всей республике выполнять наши указания. Те, у кого нет дома на Луне, живут в Логове, чернильно-черном небоскребе, который я изъясил из собственности Рыцаря Тени. Холидей кивает мне сзади. Она прибыла последней. Похоже, она выпила. Сефи сидит в стороне вместе с десятью нашими черными. Ее сенаторы воздержались от голосования, и я не был уверен, что она придет.

– Ты о чем, босс? – гнусаво спрашивает Мин-Мин, алая, мой эксперт по боеприпасам. Она водрузила железные ноги на стол. Глубоко посаженные глаза безучастно взирают на меня с темного лица. Пыльный ирокез перекошен, а морщины на щеках кажутся особенно глубокими при тусклом освещении. – Это дерьмо с экстренным сбором как-то жестковато, вам не кажется? – Ее робокольцо с волчьей головой стучит по пивной бутылке. – Мы ж только что вернулись.

– О чем он?! – скептически восклицает беременная Виктра. Ее длинные руки сложены поверх живота, волосы небрежно заколоты на затылке. Судя по ее виду, она в ярости. – Ты действительно живешь в пещере, Мин-Мин, или просто так выглядишь?

– Ой, отвали, крутышка. Я забрела в Громаду по колено, и между моими бедрами был зажат самый настоящий черный дикарь...

– Ты что, сегодня ни разу не смотрела новости? – возмущается Крошка, одна из самых давних моих сотоварищей.

Ее полные щеки покраснелись, так она спешила добраться сюда. Когда позвонил Севро, Крошка со своим мужем Клоуном были на полпути к морю Паров – они собирались провести отпуск с детьми на курорте.

– Не-а. – Мин-Мин вздыхает. – Я аналоговая, детка. Мне на хрен не нужна сенсационная чернуха про психованных козлов, насилие и поджоги на Марсе. Меня от этого мутит. – Она приглаживает свой ирокез. – Это вовсе не на пользу.

Севро швыряет свой датапад Мин-Мин с такой силой, что тот едва не впечатывается ей в лицо. Мин-Мин ловит его и переворачивает, что-то бормоча себе под нос. Когда она видит заголовки, ее глаза расширяются.

– Гребаный ад!

– Что мне хотелось бы знать, так это кто из вас настучал, – замечает Виктра.

– Да, очень прошу, пусть этот человек встанет, чтобы мы могли пырнуть его в селезенку! – вспышивает Севро. – Это могло дойти до Танцора единственным путем: если кто-то из вас трепался об эмиссарах. Если вы болтали с шлюхой, докером, вашей гребаной мамочкой – сейчас самое время сознаться.

Никто не встает.

– Я доверяю всем в этом зале, – заявляю я, ведь именно это им нужно услышать. И заведомо лгу, поскольку утечка наверняка исходила от кого-то из них. Сефи? Она не полностью поддержала меня. Неужели она настолько устала от войны? – Не знаю, кто донес про эмиссаров, но это не один из вас. Вы все осведомлены о том, что Повелитель Праха рассчитывал заключить мирные соглашения. Сенат вскоре согласится на перемирие, временное прекращение огня, чтобы обсудить условия возможного мира. Я уверен, что это уловка Повелителя Праха.

– Да, черт возьми, так оно и есть, – подтверждает Севро.

– Ему известно, что наше подразделение сейчас дома, и он хочет выиграть время для перегруппировки сил вокруг Венеры. Все вы знаете, чего я сейчас боюсь. – Я вызываю голографическую карту и иду вдоль нее, проводя пальцем по астероидам. – Я боюсь драконов. Раа придут. Возможно, не сегодня. Возможно, не завтра. Но однажды Ромул нападет. Мы должны взять центр под свой контроль, прежде чем это случится. Если мы оставим Повелителя Праха в живых, то окажемся между двумя врагами. Нам не победить.

– Они никогда не сражались вместе, – говорит Виктра. – Может, они и ненавидят тебя, но я знаю этих лунатиков. Даже заложники, которых брала Октавия, с самого рождения ненавидели Повелителя Праха. Никогда ничего не забывали. Никогда не прощали.

– Им не обязательно сражаться вместе, – произносит Сефи. – Им достаточно сражаться против нас.

Разумеется, при тех потерях, какие понесли черные на Меркурии, ей не нравится такая перспектива. Тогда почему же ее сенаторы не поддержали меня?

Я продолжаю:

– Сенат, очевидно, полагает, что я – препятствие на пути к миру. Они назвали меня поджигателем войны. На данный момент они утверждают, что я больше не лорд-император. Думаю, вскоре будет выдан ордер на мой арест.

– Если уже не выдан, – еле слышно бормочет Севро.

– Танцор – мерзавец! – негодует Ронна.

Пока она жила в тайном городе Тинос, Танцор был ей все равно что дядя. Она стискивает кулаки, разгневанная его предательством.

– Нет. Танцор – хороший человек. Он делает то, что считает правильным, используя инструменты, которые у него под рукой, – возражаю я. – Теперь наша очередь сделать то же самое.

– Какие будут приказы, босс? – оживляется Мин-Мин. – Ты только икни – и Седьмой возьмет сенат штурмом и распнет любого эльфа, который косо на тебя посмотрит.

– Да, черт побери! – поддерживает ее Клоун. – Сенат коррумпирован сильнее, чем синдикат. Надо пойти туда и распустить его. Провести новые, честные выборы.

– И что? – не соглашается с мужем Крошка. – А до того Дэрроу будет править как самодержец? Не мели чепухи. Если это случится, республике конец. – Она жалобно смотрит на меня. – Неужели Виргиния ничего не может сделать? Наверняка же она не позволит выдать ордер на твой арест!

– Конечно, она ничего не может сделать, – отвечает Виктра. – Правит большинство, если только она не использует чрезвычайные полномочия. Но стоит ей это сделать, и «Вокс попули» поднимет крик о тирании и проголосует за импичмент. Ты видела улицы в последнее время? Толпа поддержит эти требования, особенно если народ убедят, что «Вокс» положит конец войне. На Венеру всем плевать.

– Но Виргиния же правительница! – удивляется Ронна.

– У нее осталась лишь одна десятая прежней власти. Глупая львица помогла написать законы, которые лишили правительницу большей части силы. Говорила я ей не делать этого... – Виктра вздыхает. – Идеалисты никогда ничему не учатся.

Холидей беспокоится на своем месте у стены.

– Не может быть, чтобы ты реально думал о насилии, Дэрроу. Если ты мобилизуешь Седьмой, против тебя направят домашние легионы.

– Кто? – спрашивает Виктра. – Какой генерал выступит против нас?

– Вульфгар, – говорит Холидей. – И именно он придет арестовывать тебя, Дэрроу.

– Патриотически настроенный идиот, – бормочет Мин-Мин. Она поворачивается к Сефи. – А ты не можешь обуздать его, большая леди? Ты же у них вроде королевы.

Сефи не удостоивает ее вниманием. Взгляд черной прикован ко мне.

– Да бросьте, – хмыкает Виктра. – Лица половины людей в этом зале отчеканены на монетах. Остальных увековечили в камне. Какую бы армию ни послали против нас, она станет нашей. Любому противнику достаточно взглянуть на Сефи и Дэрроу, и он обмочится.

Она что, не видит, как Сефи смотрит на меня?

Виктра с широкой улыбкой поворачивается ко мне:

– Дорогой, я предлагаю всем нам посетить мирные переговоры. Устроить небольшую вечеринку. А как только этот мнимый святоша, сморчок Танцор, окажется в камере, мы дадим Повелителю Праха наш дипломатический ответ и пошлем ему в коробке голову Юлии из дома Беллона, набив ей рот виноградом. Или вынем ее глаза и заменим их змеиными головами. Или яйцами Танцора, если ты сочтешь это более уместным. Мы можем проголосовать! В конце концов, у нас демократия.

Она улыбается тем, кто кивает в такт ее речам, но больше половины присутствующих прячут глаза или нервно поглядывают друг на друга. Они не готовы выступить против сената. Никто не хочет гражданской войны.

Холидей озвучивает их несогласие:

– Я прошла с тобой через ад, Дэрроу. Но не проси меня участвовать в бунте. Я верю в республику. Человеку нужно во что-то верить. Если завтра ты промаршируешь по Форуму, то без меня.

– И куда же делась верность? – усмехается Виктра. – Наемник есть наемник.

– А я думала, ты крутая, Холи, – роняет Мин-Мин. – Ничего, в менапаузе станешь поспокойнее.

– Заткнись, Мин-Мин, – злится Крошка. – Она права.

– Все это куча дерьма! – рявкает Севро. – Если они попытаются...

– Хватит, – говорю я, видя, что перебранка все сильнее раздражает Сефи. – Холидей права. Золотые пали потому, что позволили себе погрузиться в гражданскую войну. Я не допущу, чтобы нашу республику постиг такой же конец. Я знаю, как мы любим эскалацию. – (Некоторые из давних соратников-упырей ухмыляются.) – Но не в этот раз. Седьмой останется в казармах. Мы не станем распускать сенат. Будут мирные переговоры. Они продлятся месяцы.

– Так ты что... – Виктра переводит взгляд с Севро на меня, ошеломленная и изрядно разочарованная. – Ты позволишь им арестовать тебя?

– Нет, любимая, – мягко говорит Севро и смотрит на меня – в челноке по пути к Логову мы с ним поговорили, коротко и по существу. – Не совсем.

– Повелитель Праха не дурак, – киваю я. – Танцора и «Вокс попули» разыграли вслепую. Он хочет, чтобы я использовал Седьмой. Хочет, чтобы я распустил сенат и захватил власть. Это расколется цвета и позволит ему переманить их на свою сторону обещанием стабильности.

– Перебор, – хмурится Виктра.

– Да, этот может. Однако я не стану разрушать республику. И не пойду в тюрьму. Вот почему я улетаю сегодня ночью. – (Упыри растерянно переглядываются.) – Вопрос такой: кто со мной?

Севро делает шаг в мою сторону и становится рядом, пока остальные беспомощно смотрят на меня.

Изначально он не согласился с моим планом. Он хотел остаться на Марсе и посмотреть, как сенат осмелится арестовать меня посреди казарм Седьмого легиона.

– Куда? – восклицает Холидей.

– Ты бежишь? – едва ли не выплевывает Виктра.

– Я не бегу. Но если я расскажу вам все, вы станете участниками заговора, – поясню я и мысленно добавляю: «Не говоря уже о том, что детали плана просочатся наружу, как и известие об эмиссарах». – Вы превратитесь в изгоев. Некоторые из вас не уверены, что это правильно. Понимаю. Вы следовали за мной на Луну, Марс, Землю и Меркурий. Я не стану сейчас давить на вас, чтобы вы поступились своей клятвой республике. Мы семья. Мы переживем это. И если долг велит вам остаться здесь, то пришла пора расстаться. Впрочем, коль будет на то воля Долины, скоро мы увидимся снова.

Несколько мгновений никто не двигается. Потом Холидей обходит стол и становится передо мной. Лицо ее искажено чувством вины.

– Я следовала за тобой повсюду, но не могу бросить республику.

– Я не бросаю ее, – говорю я.

– Я знаю, что вы верите в это, сэ,р, но я останусь здесь. Возможно, вы не думаете, что начинаете гражданскую войну. Но расплата будет жестокой. Я буду нужна моей правительнице.

Я не чувствую гнева, несмотря на ее обвиняющий тон. Мыжимаем друг другу руки.

– Позаботься о моей семье.

– Буду стараться до последнего вздоха, сэр. – Холидей вскидывает сжатый кулак в салюте восстания. – Да здравствует свобода! – И тише: – Да здравствует Жнец.

Она покидает зал.

Севро фыркает ей вслед:

– Есть еще труссы?

При виде сомнений, вызванных уходом Холидей, Коллоуэй Чар, мой лучший пилот, вздыхает и закуривает. Он строен и подтянут, его кожа цвета эбенового дерева покрыта лазурными татуировками созвездий. Чар выпускает кольцо дыма, потом лениво поднимается в его центре и смахивает со лба иссиня-черные волосы:

– Я еще умом не тронулся, чтобы сидеть дома, пока вы будете развлекаться.

Пилоты эскадрильи Колдуна и Мин-Мин в том числе следуют его примеру и встают возле Севро. К ним подтягиваются копейщики Ронна и Александр. Клоун не выдерживает. Он вскакивает со стула.

– Я с тобой, – говорит он. – Дорогая, ты остаешься с детьми.

– Черта с два! – Крошка присоединяется к нему, хотя я вижу сомнение в ее глазах.

Очередь лишь за Сефи и ее черными.

– Сефи, ты со мной? – спрашиваю я.

Я заранее знаю, каков будет ответ. В отличие от Вульфгара, Сефи не поклоняется алтарю республики. Она прежде всего заботится о благополучии своего народа. Когда Рагнар умер, это стало наследием Сефи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.